

С. Н. Бейтуганов.

Кабардинские фамилии: истоки и судьбы

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ИСТОРИЕЙ ФАМИЛИЙ

Заглавие этой книги может ввести в заблуждение, натолкнув на мысль о ее узкоспециальном, филологическом содержании. Ведь слово «фамилия» воспринимается в первую очередь как «родовое, наследственное имя», и лишь потом приходят на память другие его значения - «семья», «род», «династия». Скажем сразу: в предлагаемой книге имеются все смысловые нюансы термина.

Однако замысел этого труда много шире. Три его части, отличаясь и по объему, и по глубине, все-таки посвящены одной теме, дополняя и высветляя разные ее аспекты. Но если две последние по форме приближаются к очерку, то, что представляет собой первая, самая крупная?

По виду справочник (если угодно, энциклопедия), она так насыщена разнохарактерными сведениями, иной раз, казалось бы, совсем необязательными, что легче всего определить ее жанр как эссе. В самом деле, многочисленность фактов, почерпнутых из самых разнообразных источников, сочетается здесь с непринхотливым течением авторской мысли, когда имя или событие, описание которого встречено в документе, служит импульсом для подчас неожиданных ассоциаций, гипотез, даже выводов. Пестрая мозаика, где на равных сосуществуют строгие научные умозаключения с вольным полетом народной фантазии, сухие строчки канцелярской продукции с эмоциональными рассказами о человеческих судьбах, как-то незаметно превращается в полнокровную картину прошедшей жизни целого села, пронизанную сотнями живых связей между современниками, предками, потомками...

Сильная сторона этого произведения - его прочная документальная база. Скрупулезное обследование фондов Центрального государственного архива КБАССР, дополненное разысканиями в госархивах Орджоникидзе, Ставрополя и парт архива Кабардино-Балкарского обкома КПСС, позволило раскрыть истинные богатства наших хранилищ, показать многозначность содержащейся в них информации, услышать подлинные голоса живших до нас.

Но что придает особую привлекательность - те же настоящие голоса представителей старших поколений, любовно записываемые автором на протяжении, пожалуй, всей сознательной жизни. Рассыпанные тут и там блестящие народного красноречия излучают неповторимый колорит, лишая слог унылой лапидарности. Не придуманные истории, составляющие ткань книги, трансформированные общей памятью, сближают это документированное повествование с художественным сочинением, когда реальные люди, действующие в реальных ситуациях, воспринимаются персонажами увлекательного многопланового романа с непредсказуемыми поворотами сюжета, драматическими, лирическими и даже комическими эпизодами. Здесь есть и настоящие герои, присутствие которых ощущается постоянно. Первые среди них - выдающиеся люди своего времени - Шора Ногмов и Талиб Кашежев.

Итак, несомненна оригинальность этого произведения, аналогов которому на материалах северокавказского региона наверняка не сыщется. Не менее важно подчеркнуть научно-познавательное значение книги, многие страницы которой выдерживают критику с самых строгих позиций. Приведенные здесь данные послужат питательной почвой для серьезнейших размышлений к углубленному изучению. Немало затронутых проблем еще ждут своего разрешения или нового прочтения (что нередко предлагается и самим автором). Наиболее полно исследовательский уклон виден в главах «Зекореевы», «Ногмобы», «Хагундоковы» первой части; небольшим, но вполне законченным исследованием представляется очерк «Армяне Тамбиевы», принципиальная линия проведена в камерной по теме, но весьма емкой по идеям биографии Т. П. Кашежева. Меткие наблюдения, аргументированные возражения мнениям, вошедшим в литературу (причем не только по фактическим деталям, но и концептуального характера), остроумные решения встречаются и во многих других случаях.

Укажем лишь на некоторые из поставленных проблем.

Географически ареал изложения, на первый взгляд, ограничен пределами одного селения, расположенного в верховьях реки Малки, однако законы исторического взаимодействия протягивают нити времени и пространства от средневековья до первых послереволюционных лет, и через Кабарду и смежные Балкарию, Черкессию, Карачай - в Адыгею, Абхазию, Сванетию,

Осетию, Ингушетию, Чечню и Дагестан...

Действительно, «пограничное» положение сел. Каменноостского (быв. Кармово) вызывает вопрос о степени «типичности» протекавших здесь процессов для всего кабардинского общества. Видимо, только конкретные описания небольших социумов в разных территориальных частях Кабарды помогут приблизиться к правильному ответу на него. Это касается самого широкого спектра историко-культурных закономерностей и особенностей. Так или иначе, начало такому изучению положено.

Касаясь собственно ономастического материала, отметим примеры многовариантности возникновения фамилий, в том числе любопытные случаи происхождения от личных женских имен (см.: «Макоевы», «Тоховы» и др.); процесса их закрепления, еще довольно активного вплоть до 20-х гг. нашего века (см.: «Губжоковы», «Гятовы», «Кумышевы», «Мусовы», «Ногмовы», «Тхашоковы» и др.); принадлежности однофамильцев к разным общественным слоям (см.: «Абидовы», «Коковы», «Ногмовы» и др.) и т. д.

Еще важнее звучание историко-этнографических сюжетов.

Основное население нынешнего сел. Каменноостского - кабардинцы. Тем интереснее неоспоримые доказательства иноэтнических корней большинства составляющих его родов. Возможно, здесь отразилась специфика образования сел. Кармово, сложившегося в настоящем виде к концу 60-х гг. XIX в. (эта история последовательно освещена в главах «Кармовы», «Думановы», «Ныровы», «Хагундоковы», «Жерештиевы», «Абдрахмановы»), но процессы национальной консолидации, непрерывно идущие и обнимающие длинную цепь поколений, без сомнения, характерны и для других населенных пунктов. Во всяком случае, в книге наглядно показано появление не только полигенного, но и полиэтнического поселения.

Думается, немаловажным подспорьем для уяснения сложности социально-политических взаимосвязей станут довольно тщательно прослеженные факты сословного неравенства и социальных конфликтов, некоторые аспекты и суждения по обычно-правовым и религиозным отношениям XIX - начала XX в.

Вопросы экономики, обозначенные лишь пунктирно, все-таки дают пищу для раздумий о непросто наложении традиционного образа жизни на специфическую обстановку первой половины XIX в., взаимопроникающем переплетении хозяйственных систем в пореформенную эпоху, месте экономических факторов в повседневных заботах сельчан, с выходом их на более широкий фон общественной борьбы в масштабах всего региона.

Не упрощается, не сглаживается в книге и реальная административно-социальная политика, с ее разнонаправленными тенденциями, находившими выражение в конкретных актах, как жесткого нажима, так и либеральной гибкости.

Разумеется, не все сформулированные проблемы одинаково выпукло просматриваются, а тем более получают истолкование. Отнюдь не на все вопросы вдумчивый читатель найдет ответ. Может показаться слишком прямолинейным отождествление фольклорного героя с реальной личностью («Крымшокаловы»), чрезмерным - доверие к сообщениям Ш. Б. Ногмова («Бейтугановы», «Шереметовы») и т. д. Щедрый всер предложенных версий не всегда обеспечен логическим аппаратом, скорее приглашая к спору, самостоятельному поиску собственных доводов «за» и «против», т. е. к сотворчеству, чем к удовлетворению готовым решением.

Понятна увлеченность близкой темой, желание сообщить как можно больше информации иногда уводит автора в сторону, заставляет заострять внимание на мелких деталях, возвращаться к уже сказанному, выдавая привязанность к отдельным предметам. В этом, конечно, нет ничего предосудительного - ведь автор не сторонний наблюдатель, и в рассказе о своих односельчанах естественны его личное присутствие, даже некоторый оценочный оттенок. В лучших образцах краеведческой литературы такого рода «пристрастность» вполне уместна.

Главное - если раскрытая вами книга разбудит мысль, даст толчок равнодушному восприятию настоящего, активному сохранению памяти о делах предков, воплощенных в истории каждой семьи. Ведь именно семья, род, династия (т. е. фамилия) - та первая общность, которую познает каждый человек с рождения; та ячейка, из множества которых строятся необъятные соты нашей общей истории.

Е. С. Тютюнина,
кандидат исторических наук.

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А. С. Пушкин

ФАМИЛИИ СЕЛЕНИЯ КАМЕННОМОСТСКОГО

АБДРАХМАНОВЫ *. Фамилия одного из представителей рода встречается в списке лиц «ногайского племени», представленных к наградам в 1851 г.¹

В 1832 г. комиссия военного суда при Георгиевском ордо-нанс-гаузе просила командующего Кабардинской линией прислать для разбора судебного дела «аула Кармова, поселенного близ поста Известного брода узденя Жантемира Абдрахманова»².

В 1858 г. его сын Фица Абдрахманов добивался разрешения «поселиться в вершине Золки, на участке, занимавшемся прежде даутоковцами». Однако это домогательство встретило возражение Кабардинского народного суда, который в ответ на предписание начальника округа Орбелиани констатировал, что «на Золке поселение с аулом подполковника Абдрахманова будет крайне стеснительно для всей Кабарды, так как Золка и Этоко высочайше дарованы кабардинскому народу, и вместе с тем воспрещено позволять кабардинцам делать какие-либо оседлости, кроме хлебопашества и пастьбы табунов и овец»³.

В 1863 г. Ф. Абдрахманов жил собственником на «высочайше» пожалованном, но еще не утвержденном за ним участке в 900 десятин ^{**4}. Он располагался на р. Малке, у впадения в нее р. Экипцоко, где не позднее 1864 г. основан и аул его имени. В народном обиходе этот участок называют «Кароховой землей» (Къэрэхъухэ ящ1). Прозвище Абдрахманова - «Карох» - возможно, связано с «обществом» корях в Дагестане.

Аул Абдрахманова появился на новом месте до проведения земельной реформы. В 1866 г. Кабардинский народный суд информировал, что частных собственников, владеющих известными участками земли, как в Большой Кабарде, так и в Малой, не существует, за исключением участка земли (Экипцоко) в верховьях р. Малки близ Каменного моста ^{***}, высочайше пожалованного полковнику Абдрахманову 6.

* Личное имя Абдрахман - тюркского происхождения, означает «раб Рахмана», т. е. аллаха.

** По другим источникам, первоначально было обещано 2000 десятин.

*** В документах встречается также «Каменный мост на речке Малке под названием Абдрахманова». Нередко он назывался и Кармовским.

Милость царя не была случайностью. Она стала результатом рвения, проявленного Абдрахмановым в карательной экспедиции за Кубань в 1862 г. За участие в ней он награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», затем дважды удостоивался так называемого монаршего благоволения. Начав службу в лейб-гвардии Кавказско-горском полуэскадроне оруженосцем, Абдрахманов в 1867 г. был возведен в чин генерал-майора. Длительное время он занимал различные должности: начальника Абазехского округа, исполняющего должность Верхне-Лабинского пристава, командира Анапского полуэскадрона, исправляющего должность пристава закубанских ногайцев, пристава Тахтамышевских аулов...

В период укрупнения аулов Абдрахманов перебрался на Ку-1 бань, вероятно, в связи со службой. Источники свидетельствуют, что 10 семейств крестьян полковника Абдрахманова «еще в 1866 г.» переселились в Кубанскую область вместе с владельцем своим, в «Урупский аул»⁷. А часть жителей аула, в котором в 1864 г. насчитывалось 30 дворов (114 чел.), переселилась в соседнее сел. Кармова. Среди них Аджиевы, Машуковы, Сатушиевы, Хажметовы, Шогеновы 8.

Свои последние годы Абдрахманов провел в сел. Кармова (с 1870 г.). Он занимал местность на краю селения «по течению реки Жаманкул, середина которой до впадения в р. Малку составляет живую и естественную грань между дач с правой стороны полковника Фица Абдрахманова, а с левой - аула Кармова»⁹. На карте Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей, составленной, по-видимому, в 70 - 80-х гг. XIX в., обозначены аулы Кармова и Абдрахманова, разделенные речкой Джаманкул 10. Вероятно, это означает, что аул Абдрахманова, переселившись к кармовцам, не слился с ним, а оставался (по крайней мере, некоторое время) относительно самостоятельным населенным пунктом.

В посемейном списке сел. Кармова за 1886 г. показана семья Хабижа Хажбекировича Абдрахманова, владельца земельного участка в 525 десятин *.

АБДУЕВЫ **. Являются потомками выходцев из Дагестана, поселившихся в конце прошлого - начале нынешнего века. Можно указать не только год и месяц, но и даже день их прибытия в селение. Из рапорта старшины сел. Кармова Батоко Ногмова, датированного 1896 г., следует, что «30-го числа текущего марта месяца в селение Кармовское прибыли на проживание жители Дагестанской области Казикумухского округа селения Хурхи Даут-Бутта-оглы и Абдулла-Гассан-оглы по годичным паспортам, выданным им начальником поясненного округа 12 марта сего года.

* Остальная часть земли (у р. Экипцоко) была продана (1883 г.) Лафишевым, имевшим здесь хутор. Она называлась также землей Лафишевых (Лафьшхэ ящ1).

** От личного имени Абду, Абдулла.

Кумухцы эти проживают на квартире в доме кармовца Аслам-бека Идыкова, занимаются серебречеством»¹¹.

Однако Абдуевы не считались коренными жителями селения даже в течение нескольких лет Советской власти. В связи с этим заслуживает внимания заявление «проживающего в Каменноостском Даута Адиева», в котором указывалось: «В селении Каменноостском (быв. Кармово) я живу свыше тридцати лет. В этом селении я имею дом, купленный у Мазана Лихова лет двадцать назад с хозяйственными пристройками, но двора нет и так тесно, что выселение на нормальную усадьбу является неотложною потребностью... Несмотря на это и все последовавшие новейшие распоряжения о том, что все проживающие и проживавшие до 1918 года в селениях пользуются земельными и усадебными угодьями наравне со всеми коренными жителями... не могу добиться от Каменноостского исполкома нормальных гражданских прав, дарованных законами Советской Республики для того, чтобы я мог пользоваться беспрепятственно своею усадьбою и наделом земли на меня и двух моих сыновей: Бота - 22 лет и Абдрахмана - 13 лет... На всякую мою жалобу мне ставилось столько преград, что по своей бедности я не в состоянии преодолеть ни одного из них 12.

Это заявление, как и другие, от имени граждан селения было написано знакомым почерком Талиба Кашежева 15 апреля 1924 г. И уже 7 мая из земельного управления последовало указание в адрес исполкома села: «...наделить просителя земельным паем и усадьбою наравне с коренными жителями». При этом следует обратить внимание и на констатирующую часть предписания, которая начиналась словами: «...несмотря на 30-летнее проживание в вашем селе, дающем право быть коренным жителем...». Словно и не было Великой Октябрьской социалистической революции! Государству рабочих и крестьян шел уже седьмой год, но права, «дарованные законами Советской Республики», еще не стали достоянием всех тех, для которых они были установлены революцией. Не случайно, разумеется, что Абдуевым (Адуевым) взялся помочь Кашежев - он видел все эти неблагоприятные действия отдельных членов сельского исполкома, призванных блюсти революционный порядок, но уже успевших втянуться в бюрократизм и волокиту, и не смог остаться в стороне.

АБИДОВЫ *. Фамилия фигурирует в одном судебном деле, длившемся 8 лет (1840 - 1847 гг.). Оно с комментариями опубликовано В. К. Гардановым. Под одним из первых решений суда по делу стоит подпись исполнявшего должность секретаря суда поручика Бекмурзина (Шоры Ногмова). Постановление, в частности, гласит: «...Абидовых от рабства узденя Цыкула Абидова отсудить, предоставить пользоваться вольностью и объявить им народный обряд, что они не вправе отходить от аула узденя Абукова (где жил Цыкула Абидов. - С. Б.) в другие аулы и должны жить в оных как сами, так и происхождения их дети». Данное решение в конечном итоге довольно запутанного и затянувшегося дела возобладало, и Хура Абидов был отпущен «на волю безобидно на обе стороны при присутствии начальника Центра подполковника Хлюпина при свидетелях: Мустафа Кум Кармова и Индриса Кармова (вольнотпущенник)»¹⁴.

* Абид (пер. с тюрк.) - «молящаяся». «Близ Псефаб существовал аул Аббид-хабль» (А. Н. Дьячков-Тарасов)¹³. Форма написания у Хан-Гирея - Аббде, у Л. И. Лаврова - Аббид.

Освобождение Хуры Абидова от рабства, а точнее защита судом прав Абидова как вольнотпущенника, объясняется некоторыми советскими исследователями как результат участия в процессе Шоры Ногмова. Разумеется, Ногмов, будучи сторонником справедливого разбирательства и должностным лицом суда, мог оказать и, наверное, оказал определенное воздействие на исход дела. Вместе с тем нельзя упускать из вида, что одних только усилий Ногмова не могло быть достаточно, чтобы решающим образом повлиять на столь могущественных представителей кабардинской знати, какими были члены суда. В связи с этим нелишне отметить, что Ногмов неоднократно сталкивался с прошениями зависимых крестьян об освобождении. Например, в том же 1840 г. суд вынес решение «о не доказательстве» крестьянином «Курманом Баковым об отпуске его с семейством на волю узденем Хажили Жутовым»¹⁵. Мы не располагаем материалами об окончании этого дела, но не приходится сомневаться, что, подавая соответствующее прошение, Баков имел определенные основания рассчитывать на вольность. Но ожидаемого решения суда он не получил. И таких случаев было немало.

Объясняя защиту прав Абидова, следует, на наш взгляд, принимать во внимание сам характер кабардинской феодальной демократии, на пороге которой появилась фигура фактического вольнотпущенника - ответчика и истца Абидова.

Абидовы - коренные кармовцы. Их фамилия встречается в источниках в связи с земельным спором, имевшим место в 1858 г. По докладной записке штабс-ротмистра Кизильбека Кармова, поданной начальнику Кабардинского округа Орбелиани, суд отдал ему участок земли (под сенокос) на левом берегу Малки. Однако решение было опротестовано узденем Альтудоковым, предъявившим претензии на тот же участок. В результате раздела спорной земли на равные части оказались обделенными поручик Ногмов и узденя Эриван Ногмов, Идрис Хамнафов и Фица Абидов. Они также обратились к Орбелиани. Тяжба завершилась обоюдным согласием и «остались чрезвычайно довольными как Кизильбек Кармов с четырьмя его товарищами (в их числе и Абидов. - С. Б.), так равно и Хаджи Альтудоков»¹⁶.

В 1886 г. в сел. Кармова проживали семьи братьев Абидовых Туо, Мета и Люмы Огурлиевичей.

АБРАМОВЫ. Потомки европейских евреев. Их подлинная фамилия - Фридман. Один из основателей рода Исо Абрамович - дед ныне проживающего в селении Нану. Его отчество стало фамилией. Исо содержал лавку в сел. Кармова, женился на горянке и остался на постоянное жительство. В разное время в селении проживали и другие представители еврейской национальности. Например, в 1894 г. на усадебной земле Кучука Кармова по договору на 10 лет поселился отставной старший вахтер Цуко Вайнштейн, он же Исаак Абрамович, с женой Саррой, двумя сыновьями и дочерью. Он содержал лавку, торговал мануфактурой, разной мелочью¹⁷.

АЗУБЕКОВЫ. Выходцы из Песчаного аула. В одном из двух списков переселенцев в сел. Кармова указан Дагаза Азоибек, в другом - Хамурза Заубек. В списке жителей аула Хагундокова за 1865 г. значится также носитель этой фамилии - Трама Азубек. По рассказам (инф. Данил Шогенов), Азубек - ногайцы. Была у них и другая фамилия - Шугушевы (Шы-гъу-шэк1э еджэхэрт). В документах упоминаются предки фамилии из Песчаного аула - Азубек Дагаза Хамирзович и из Хагундокова - Азубек Чужей (Шужей) Травович.

АЛИБЕКОВЫ. Предок рода (Рустамбей) - выходец из Ирана. Внуки его Али и Исмель Мамедовичи проживали в Тавризе (Тебризе), а оттуда, остановившись на некоторое время в Осетии, переселились в Кабарду в 90-х гг. XIX в. (инф. Н. Алибеков). Возможно, о них и времени пребывания их в Осетии свидетельствует составленный в 1846 г. список милиционеров управления Центра Кавказской линии, в котором значится некто Алибек Алибеков из аула Туганова, дигорец по национальности и «простой» по своему сословному положению¹⁸. Персидское происхождение Алибековых подтверждается документом 1921 г., где упоминается о конфликте между «персидско-подданным» Ибрагимом Алибековым и Хамуковыми из-за кражи их сестры Хауцины¹⁹.

Упомянутый выше Исмель Алибеков был приглашен в 1892 г. жителями сел. Кармова для строительства частных домов. Это были одни из первых зданий, построенных из кирпича и камня и «под железом». К их числу относится дом Абдрахманова. Известный в крае мастер-строитель (имел известковый и кирпичный заводы), Алибеков, по просьбе помещицы Е. А.

Хомяковой, возглавил строительство мечети в Кармовском квартале. Стоит отметить, что она, христианка, финансировала строительство (3 тыс. руб.) мечети ради близкого ей человека Астемира Шериева.

Возведенные Алибековым здания в настоящее время представляют собой, наряду с некоторыми другими, печальную картину постепенно разрушающихся редких на селе памятников архитектуры XIX - начала XX в. Непростительная небрежность!

АЛМОВЫ. Гидроним Альма (Ольма, Олма) встречается в Крыму. В вестовом списке русского посла, т. е. в отчете о его пребывании в Крыму 1570 - 1571 гг. сказано: «Царь (хан Девлет-Гирей. - С. Б.) де пошел с Олмы в Перекоп, а ис Перекопи де идет на государя вашего украину»²⁰.

Среди жителей сел. Кармова 80-х гг. XIX в. - два семейства «из узденей»: Алмовы Лукман Мастафович и Увжуко Мисостович. Они переселенцы из абазинского сел. Лафишева (ныне сел. Псыхурей).

АПИКОВЫ. Адыгейский термин «апчъ» переводится как «дорога через лесную чащу»²¹.

В прошении Чаго и Ибрагима Апиковых от 1851 г., поданном совместно с крестьянами Любовыми (Люевыми) окружной администрации, говорится: «...ныне мы остаемся от своего господина обиженными до крайности, так что некоторые из нас почти лишились последних средств к поддержанию себя в хозяйстве через разорение и невозможность почти выполнения его приказаний». Не отказываясь от подчинения Жерештиеву, они все же требовали одного - «только по нашему древнему закону». Требование крестьян было вызвано тем, что Женус Жерештиев было «вознамерился переселиться в аул Карачаев» и взять их с собою. Однако они твердо воспротивились, решительно заявив: «...по безрассудному его с нами обращению с ним идти не согласны».

В 1857 г. «выбежавший от непокорных горцев» абазехский житель Хантрухо Керахов Апиков на допросе показал: «...жил на р. Курже у абазинского узденя Умара Кудинетова, который убит русским отрядом на р. Лабе, где и я был и по возвращении к владельцу возымел желание быть покорным русскому правительству и явился к начальнику Лабинской линии»²².

Некоторые Апиковы (они все считаются родственниками) в настоящее время проживают на Кубани. По рассказу (инф. Куна Сонова), Апиковы перебрались на Кубань из Осетии. Перед переселением в сел. Кармова Апиковы находились на Хасауте в ауле Жерештиева.

Среди представителей фамилии, по данным 1886 г., - Апиков Мисост Таутович и его сыновья Там и Ахмет. Кстати, в начале 70-х гг. текущего века возраст этого Ахмета (Ахмеда) определяли до 120 и более лет. По данным посемейного списка, ему 8 лет. Простой подсчет показывает, что старожил 1878 года рождения, следовательно, в начале 70-х гг. ему еще было не близко до 100 лет. Этот факт может служить предостережением от часто наблюдаемых попыток завышения возраста долгожителей.

АСЛАНОВЫ (АРСЛАНОВЫ). Фамилия встречается в источниках как относящаяся к кабардинским и ногайским мурзам. Имея в виду последних, Е. Н. Кушева приводит документ, в котором повествуется, как в 1559 г. «стоять на Дону был послан один из ближайших в те годы к Грозному думный дворянин, постельничий Игн. Мих. Вешняков», не допустивший «перехода в Крым 5 мурз - «Арслановых братьев». В другом месте она же замечает, что «турецкий ага был взят в плен ногайским мурзой Арсланом*»²³.

Арслановы, видимо, принадлежат к так называемым арсланбековским ногайцам, часть которых в середине XVII в. кочевала в нынешней Карачаево-Черкесии между реками Инджиках - Зеленчук, они были разобщены с ногайцами, кочевавшими к востоку от Зеленчука в район Пятигорья ²⁴.

Более подробные сведения об Арслановых (Аслановых) содержатся в переписке 40-х гг. XIX в. В рапорте подполковника князя Атажукина начальнику центра Голицыну от 9 января 1845 г. выясняется, что в 1825 г. Аслановы, будучи его узденями, бежали за Кубань (Материалы по обычному праву кабардинцев... С. ПО). Этим благоприятным обстоятельством решили воспользоваться бывшие их владельцы, первостепенные уздени Дударуковы, считавшие себя также и князьями, и вновь подчинить их себе. Аслановы решительно воспротивились. Возникла между ними непримиримая вражда, в результате которой Дударуковы убили отца корнета Ток Асланова **, который в свою очередь убил одного из Дударуковых, а другого ранил, после чего обратился к князю Атажукину (которому принадлежали и Дударуковы. - СБ.) с просьбой «о переселении меня со всем имуществом и подвластными в Кабарду». И Асланов получил «в Кабарде совершенную оседлость» в ауле Атажукина.

Что касается жалобы Дударуковых на Аслановых, то, как считал Атажукин, она «совершенно неосновательна и суще не справедлива на основании Российских узаконений». Асланов также доказывал отсутствие прав Дударуковых на свой род «за истечением более одного столетия», из чего можно заключить, что фамилия этих Аслановых восходит к первой половине XVIII в. Можно сказать, что часть Аслановых позднее оказалась в абазинском Песчаном ауле. Так, в списке семей узденей и вольноотпущенников упомянутого аула Дударуковых, переселившихся в Кабарду в 1844 г., значатся уздени Идык, Исмаил, Даут и Закирья Арслановы (Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 105). А в одном из двух списков переселенцев абазинского Песчаного аула в аул Кармова в 1865 году зафиксированы Исмаил Асланов и Султан-Гельды Асланов. По-видимому, Исмаил Арсланов и Исмаил Асланов, встречающиеся в обоих списках, - одно и то же лицо. Предок же нынешнего поколения фамилии, 80-летний Султан-Гельды Асланов, проживавший в ауле Кармова в 1886 г., тот же, что и в списке переселенцев 1865 г. из абазинского Песчаного аула. Другой Арсланов, вольноотпущенник вдовы полковницы Елизаветы Соколовой, переселился из тех же мест в аул Конова (ныне сел. Куркужин) ²⁵.

* Антропоним А р с л а н - тюркского происхождения. Подчеркивая свою родословную, генерал А. П. Ермолов при случае

охотно напоминал, что берет свое начало от «знатного татарского мурзы Арслана» и что «через пращура Арслана он происходит от Чингис-Хана» (см.: Дружба-народов. 1987. № 10. С. 124, 127).

** Отец Тока Асланова - Хаджи-Трам действительно жил в ауле Маргушеза в вершинах Кубани, «все его родственники, Аслановы, всегда жили в ауле Дударуковых», располагавшемся на Зеленчуке (Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 111).

В Абазинском ауле, наряду с абазинами, было немало дворов ногойского происхождения. Это, в частности, видно из предписания властей, что в случае отказа аульных жителей переселиться в Кабарду, которая была предназначена им местом нового поселения еще в 1865 г., они должны были «переселиться в аул Канглы, где приказано сосредоточить всех оставшихся на Калаусо-Саблинских землях ногойцев»²⁶.

Аслановы (Арслановы) и некоторые другие фамилии (например, Хоконовы) поддерживали самые тесные контакты с упомянутым ногойским селением Канглы. Так, в посемейном списке сел. Кармова за 1886 г. (т. е. спустя 20 лет после их переселения) отмечено семейство Арсланова Беслана с братьями Асланбеком и Мурзабеком, проживающими (так же, как семья Зао Огулиовича Хоконова) «в селении Канглах Ставропольской губернии Александровского уезда». В некоторых материалах Аслановы именуются абазинами, но это, вероятно, должно означать - житель абазинского поселка.

Изложенное, наряду с антропологическими (расовыми) признаками, дает определенное основание сказать, что Аслановы (Арслановы), как и Азубековы, восходят к ногойцам. Нелишне подчеркнуть, что и владелец Песчаного аула Салиби Саринов в официальных документах назван ногойским мурзой (князем). Вполне естественно, что вместе с ним могли и должны были переселиться на новое место и другие ногойцы.

БАГОВЫ. Этноним «Баг» применялся для обозначения как черкесского, так и абхазского племени, отделившегося от медовцев 21. Оно располагалось на р. Ходзь 28, в верховьях которой в 50-х гг. XIX в. зафиксирован аул Багов 29. Среди абазинских владельцев, приехавших к «Пятигорам» в 1643 г. для принесения присяги, находились Багошевы, представлявшие абазин группы шкарауа под названием Баг³⁰. В 1833 г. это племя насчитывало 3 тыс. человек³¹.

В ауле Хагундокова в 1864 г. проживал уздень Ахмет Багов. Видимо, он из соседнего абазинского аула Жаитемирова. В 1865 г. здесь поселился другой Багов - Хагундоко.

Баговы - однофамильцы. В 1825 г. в ауле Хаджи Атажуки Думанова проживал уздень третьей степени Шу Багов. Его потомки числятся в посемейном списке сел. Кармова - уздень Багов Увжукко Шуович и его сыновья. В том же списке упоминаются другие Баговы (родовая фамилия некоторых из них - Тхазеритовы): Багов Хажимет Харисович, Багов Сальман Товежевич, Багов Хасин Бадзевич и его сын Закирей *. Эти Баговы, как рассказывают (инф. Хабас Багов), находились в крепостной зависимости у Хагундоковых.

* Закирей Багов принимал активное участие в организации подпольных совещаний в доме Талиба Каиежева, в которых участвовал С. М. Киров.

В период коллективизации Баговы выступили одними из инициаторов в организации колхоза. На организационном собрании колхоза «Дженал» (1931 г.)*, открытым уполномоченным А. Бейтугановым, председателем правления колхоза был избран Багов Барасби Хажметович.

БАЙРАМУКОВЫ**. В разное время в сел. Кармова проживали однофамильцы Байрамуковы. Обстоятельства появления одного из них рисует прошение, поданное в Нальчикский горский словесный суд подпоручиком князем Пшемахо Атажукиным. В нем говорилось: «В 1883 г. часть общества сел. Кармова, именуемая думановцами, у которых есть отдельная мечеть от Кармовского селения, наняли моего аталыка и вместе с тем и доверителя моего Шухаиба эфендия Байрамукова, который проживал в нашем ауле, в эфендии этого общества, но так как Байрамуков раньше был эфендием в том самом обществе и знал хорошо сноровку представителей, то предложил условия на десять лет, если только общество откажется ему в исполнении этой обязанности, то общество обязано уплатить за десять лет, и такая подписка состоялась; несмотря на подписку и на то, что по их вине Байрамуков лишился своего крова, продав свои постройки в нашем ауле за бесценок, они, т. е. Жандар Думанов и только Жандар Думанов не хочет позволить остаться ему при должности эфендия в этом обществе, несмотря на то, что главным виновником его, Байрамукова, переселения был тот же Жандар Думанов, теперь составляет протекцию какому-то своему бывшему вольноотпущеннику (Куготову. - С. Б.). ...Не могу не доложить суду, что Байрамуков в настоящее время не имеет ни топлива, ни сена, ни провизии, и терпит ужасную нужду, почему прошу оный суд предписать старшине взыскать с общества по крайней мере за выслуженные полтора года, дабы спасти его, Байрамукова, многочисленную семью малолетних от голодной смерти»³².

Прошение не нуждается в особых комментариях, можно лишь добавить, что составленный по нему судом исполнительный лист не выполнялся. Во вторичном прошении того же Атажукина в качестве одной из причин этого называлось, что часть Думановского квартала «хотят не подчиниться смыслу исполнительного листа, именуя себя особым названием - жерештиевцев». Удовлетворение эфендии Байрамуковым было получено лишь в 1889 г., что видно из его расписки, данной старшине села и подписанной «по его личному доверию» Талибом Кашежевым.

Члены той же фамилии, проживавшие в Думановском квартале, позднее оставили селение. Ныне проживающие там представители Байрамуковых, по рассказам (инф. Чамиль Байрамуков), пришли из Карачая незадолго до первой мировой войны.

* Впервые этот колхоз был организован в декабре 1830 г., но вскоре распался.

** Фамилия отождествляется с абазинским словом Байрамквв.

В литературе упоминаются карачаевцы - Байрамукълу Буниянова рода³³. В конце XIX - начале XX в. в среде карачаевцев Байрамуковы считались одними из наиболее богатых скотовладельцев. Например, Иммалат Байрамуков имел до 1 тыс. голов крупного рогатого скота³⁴.

БАЛАГОВЫ. В малокабардинском селе Алигуко Азашева в 1825 г. находился «3-й степени уздень, никому не принадлежащий Муса Балагоев со своими детьми Даутом, Ибрагимом, Магометом. В рапорте штабс-капитана Балаша (1834 г.) упоминается житель аула Шоры Анзорова (на Чегеме) уздень Бекир Балахов (по другим источникам - «вольный кабардинец»). Им был задержан «аула узденя Пшемахо Анзорова уздень же Магомета Кожева холоп Исуп Кафажоков», который было «обещался непременно» бежать в Чечню со своими товарищами. Как выясняется из переписки, Кафажоков - кабардинский абрек, пойманный в. Бороковом ауле, был отправлен «за строгим караулом» в крепость Георгиевскую «в деревянных колодах на руках и ногах»³⁵.

В посемейном списке жителей Малой Кабарды, отправлявшихся в пределы Турецкой империи со своими крестьянами (1865 г.), зафиксированы Хаджи-Даут, Ибрагим и Мухамед Балаговы (Белаговы), т. е. сыновья упомянутого выше Мусы Балагоева³⁶.

Балаговы проживали и на Куркужине. С этой фамилией в том селении связан топоним «Балаговых подъем» - на левом берегу Куркужина (сел. В. Куркужин).

В сел. Кармова Балаговы проживают примерно с 50-х гг. XIX в. В списке 1886 г. занесены «из простого сословия» Балагов Хауца Тоужукович, «из узденей» - Балагов Мету Тлостович. Жизнь Тлоста Балагова оборвалась трагически. Начальник Баксанского участка сообщал об этом в 1860 г.: «Окончив производством следственное дело об убийстве (в 1859 г. - С. Б.) жителя аула Кармова Тлоста Балагова... имею честь донести, что оставшиеся по убитом малолетние дети в числе шести душ в настоящее время находятся у жены Балагова в станице Бабуковской без всякого пропитания»³⁷.

Из изложенного следует, что Балагоев, Белагов, Балахов, Балагов - варианты одной и той же фамилии.

БАРАГУНОВЫ. В адыгском фольклоре известно сказание «Красавица-Елена и богатырь-женщина». Как вспоминал проф. Л.Г. Лопатинский, «это сказание записано мною в ауле Кармова 12 июля 1889 г. со слов кабардинца Псабиды Кашежева, слышавшего его в своей молодости от Шу Кармова». Персонажами сказания, между прочим, являются «семь братьев Барухиновых» (Бэрэгъун). Комментируя термин «барагун», Л. Г. Лопатинский писал: «Под этим названием известно небольшое чеченское общество, живущее на правом берегу Терека, при впадении в него р. Сунжи»³⁸. О Брагунских источниках газета «Терские ведомости» писала в 1913 г.: «Петр (т. е. Петр I. - С. Б.), по преданию, посетил Брагуновские горячие воды и в них купался. Воды эти в честь Петра с того времени называются Петровскими»³⁹.

Более подробные сведения о брагунском обществе дает «Карта народов, обитающих между морями Черным и Каспийским, на пространстве, подвластном России», составленная в 1833 г. В надписи о чеченцах в ней говорится: «В том числе д. Брагуны составляют особое общество». Особенность этого общества - тюркское происхождение его жителей.

В документах встречается также название «брагунские кумыки», что, на наш взгляд, наиболее соответствует происхождению брагун. Сам же термин мог возникнуть в связи с тем, что «брагуны - это кумыки, ранее конца XVI века переселившиеся в центральную часть Северного Кавказа и К XVIII веку прочно обосновавшиеся в низовьях р. Сунжи». Его население было «смесью кабардинцев, карабулаков, чеченцев, татар», т. е. «кумыков, говоривших смесью языков татарского и кабардинского». В 30-х годах XIX века общество Брагуны включало одно селение в 350 дворов (см.: Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XX века. М., 1974. С. 208, 209).

Заселение территории Кабарды выходцами из общества брагун зафиксировано в первой четверти XIX в. В рапорте пристава Малой Кабарды Анастасьева начальнику Центра Кавказской линии Пирятинскому от 12 марта 1840 г. читаем: «В деревнях, принадлежащих князю Бековичу-Черкасскому, а именно в Кожиковской, собственной его, Бековича, по собранным мною достоверным сведениям дознал, что деревни брагунской 39 семейств переселились в вышезначущие деревни князя Бековича до построения еще крепости Грозной и после того в скором времени с дозволения своих владельцев»⁴⁰.

Собственно фамилия Барагунов упоминается в документах 50-х гг. XIX в. В 1859 г. некто Исхак Барагунов в своем прошении отмечал: «Тому 40 лет назад как Хусин Сатуши выпустил меня на волю за 250 руб. серебром». После выкупа этот Барагунов «начал заниматься хозяйством в продолжение нескольких лет» и сам купил «семейство небольшое, состоявшее из двух душ мужского пола и женского одну»⁴¹.

Некоторые Барагуновы в 1865 г. переселились «из аула Шипшева, бывшего при впадении р. Чегем в Баксан, в аул. Кошерокова»⁴². В посемейном списке сел. Кармова 1886 г. указаны семьи близнецов Барагуновых Исхака и Марема Машуковичей.

БЕЕВЫ. На карте Северного Кавказа, составленной в 1744 г. Степаном Чичаговым, значится деревня Бей. Она среди тех, которые располагались «на двух речках Нальчиках» и «издавна и ныне живут на сем месте». А в регистре владельцам и известным узденям кашкатавакой группы, давшим присягу на верность России в 1753 г., числится Магомет Беев⁴³.

В 20-х гг. XIX в. в ауле Алигуко Докшукина зафиксирован уздень Хаджи Огурли Беев, впоследствии бежавший за Кубань.

Аул под названием Бай (Баяво) находился при речке Янкулах на территории Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставства в 1837 г.⁴⁴ В абазинском ауле Жантемирова в 1865 г. имел жительство представитель той же фамилии - Ильяс Баев. Проживавший в 1864 г. в ауле Хагундокова Каншао Баев и отмеченный в сел. Кармова (1886 г.) Биев Каншао Уматович с братом Кияром, очевидно, одно и то же лицо.

Во время расселения аула Хагундокова (1868 г.) одно семейство Беевых (Баевых) оказалось в сел. Бабуково (ныне сел. Сармаково), потомки которого и ныне в нем находятся.

БЕЙТУГАНОВЫ. Фамилия тюркоязычного происхождения и означает - «родился бай». Как же следует понимать данное словосочетание? Отвечая на этот вопрос, В. А. Никонов, со ссылкой на Г. Кунгурова, пишет: «Аффиксы -Хан, -Бек, -Бан, прибавляясь к лично-собственным именам, выражали стремление родителей к тому, чтобы дети стали ханами, беками (богатыми людьми)». А компоненты «бек», «бай» преимущественны в мужских именах у казахов, киргизов, ногайцев и кумыков 45.

В 1822 г. на Екатериноградской гауптвахте содержался некий Исмаил Байтуганов, который, будучи «вольным», жил в вершине реки Баксан в ауле владельца Мисоста Атажукина узденя Магомета Тохтамышева *. В материалах Я. Шарданова (1825 г.) упомянут «3-й степени узденя, принадлежащий первостепенному узденю Магомету Тохтамышеву Озрет Байтуганов» и «3-й степени узденя князя Мисоста Атажукина Усман и Ислам Байтугановы» из аула узденя первой степени Атажуки Кучмазукина **.

Некоторые Байтугановы принимали христианство и переходили в казачье сословие. В документах 1862 г. встречается «казак 1-й сотни Терского казачьего полка Савелий Байтуганов»47. В 1887 г. в станице Чернойрской проживали Иван, Константин, Михаил и Николай Байтугановы 48.

Выше отмечена связь этой фамилии с Тохтамышевыми. Часть Бейтугановых вместе с другими фамилиями тюркского происхождения проживала в ауле Тохтамышева (ныне сел. Лечинкай).

В литературе нет однозначного мнения относительно происхождения названия «тохтамышевское племя». Еще К. Пейсонель считал, что «часть ногайских орд называлась по именам знатнейших фамилий: Тохтамышевские, Мансуровские, Наврузовские и Карамурзинские»49. Согласно другим исследованиям, на Северном Кавказе в XVII - XVIII вв. обитали мелкие закубанские ногайские орды (племена): Тохтамышевское, Мансуровское, Наврузовское, Кипчаковское, Карамурзинское. Н. Г. Волкова названия некоторых локальных групп ногайцев также связывает с именами исторических лиц. К таковым, в частности, она относит и Тохтамышевское племя, правда, допуская, что этноним, возможно, про исходит от названия населенного пункта - Тахтамыш (сел. Икон-Халк)

* Тукътамыш (тюрк.) - остановился.

** Некоторые из потомков последних позднее переселились в аул Мисостова (ныне Урвань). В 1885 г. здесь проживал Бейтуганов Хамыту Хотохович с братьями Ботом, Темботом и Ибрагимом 46.

Какому же историческому лицу или имени обязано тохтамышевское племя своим названием? На наш взгляд, исчерпывающе отвечает на поставленный вопрос Шора Ногмов, который писал о Кайтуко Тохтамышеве, потомке князя Тохтамыша, происходившего от детей третьей жены Ииала. Борьба этого князя за право считаться первым в Кабарде кончилась изгнанием как самого Тохтамыша, так и его сына Безруко, «...поселившихся близ реки Кубани, на речке, названной его именем Тохтамыш *»50.

Следовательно, тохтамышевские ногайцы получили свое название по имени кабардинского князя-изгнанника!

Но наименованию той же реки, надо полагать, было названо Тохтамышевское приставство, образованное на рубеже 50-х гг. XIX в. из ногайцев и переселенных сюда жителей, в том числе закубанских черкесов. И. Х. Калмыков в книге «Черкесы» пишет: «В апреле 1850 г. началось переселение черкесов с Урупа на Зеленчуки... Кабардинцы, переселенные на Большой и Малый Зеленчук, попадали в образованное в бассейне этих рек и по Кубани Тохтамышевское приставство»52.

Наиболее вероятно, что Бейтугановы (Байтугановы, Бетугановы) оказались на нынешней территории Кабарды и Балкарии вместе с кабардинцами, выселившимися из окрестностей гор Бештау. У Л. Люлье встречается понятие «Ногайкусха Бештау». Он пишет: «Ногайкусха в переводе значит ногайские горы, от того, что некогда жили и отчасти и теперь живут вблизи ногайцы»53.

Бейтугановы переселились в сел. Кармова вместе с хагундоковцами. В этом ауле в 1864 г. проживал предок одной ветви фамилии - Нох Закиреевич Бейтуганов. В народном календаре жителей сел. Каменномостского бытует любопытное выражение: «Бейтыгъуэнхэ я шылэ», т. е. «шילה ** Бейтугановых», т. е. 40 самых холодных дней в году - с 17 января и 40 самых жарких дней летом - с 18 июля. Чем объясняется возникновение подобного термина? Еще Хан-Гирей писал: «...Они (черкесы. - С. Б.) называют, по примеру татар, 40 дней среди лета и 40 дней среди зимы «шילה», в которые свирепствуют жары и стужа...» И далее: «Монгольские юбилеи собственно черкесам неизвестны, но есть между ними знающие это неверное средство исчислять время, чем они обязаны ногайцам, между ними живущим»54.

В данном населенном пункте, т. е. ауле Хагундокова, таковыми были Бейтугановы, у которых часть жителей могла наблюдать татарское (ногайское) средство исчисления времени ***.

* Эта река составляла одну из северных границ земель закубанских черкесов 51.

** Чиле (шילה) - сорок (с перс).

*** Бытует также выражение «шילה Гауновых», зимой начинается 26 декабря.

Закреплению термина «шילה» за этой фамилией, вероятно, способствовал один из предков рода - Муса Нохович Бейтуганов, который неплохо знал арабскую грамоту, был эфенди, избирался членом сельского шариатского суда и общественным доверенным (1899 г.), казначеем. Он пользовался мусульманским календарем исчисления дат Абу Язид аль Бустани (перепи-

санная его рукой таблица с сопроводительным текстом как фамильная реликвия хранится у автора этих строк). Кстати, у него часто гостил Талиб Кашежев, делая некоторые из своих фольклорных записей. А Муса многое мог рассказать...

Бейтугановы упоминаются в работе известного этнографа А. И. Першица. Констатируя, что у всех кабардинцев вторник и пятница считались особенными, необычными днями, но в разных фамилиях к ним относились по-разному, он отмечал: «...для Гауновых (сел. Каменноостское) вторник считался неудачным днем, пятница - удачным, а для Бейтугановых (сел. Каменноостское) и вторник, и пятница считались одинаково неудачными днями»⁵⁵.

По данным за 1886 год, на селе проживали братья упомянутого Бейтуганова Ноха - Худ Закиреевич с сыновьями: Харун, Яхья, Исуф и Салих Закиреевич с сыновьями: Исхак, Якуб, Магомет и Магомет (Михамат). В посемейном списке зафиксированы также дети их племянника - Мусы Ноховича: Аисса (Гиса) и Магомет (в обиходе - Тым).

БЕКАНОВЫ. Эта фамилия сходна с именем аварского хана Байкана. Шора Ногмов писал, что имя это «породило два изречения, употребляемых и теперь в народе: Бакан хадах тлаго, т. е. «Байканов смертоносный путь». Доныне дороги, ведущие от берегов Черкесии через горные ущелья до реки Кубани, называются хадетляго, т. е. «смертоносные пути». О другом изречении приведем отрывки: «И ныне при виде красивой белой лошади говорят «Байкан и бшогоаллер, т. е. Байканов белый конь».

Между крепостями Анапою и Суджуккале находятся складенные наподобие бугра камни: народ называет их Байкан и бша гоуаллер, т. е. «Байканов белый конь»⁵⁶.

По сведениям Л. Люлье, «на дороге, ведущей из земли натухажцев к шапсугам, есть долина, называемая и доныне Бакан». В описываемое время между адыгами и Крымским ханством произошло несколько сражений, в одном из которых был убит их предводитель (кого имя сохранило предание) - Беаслан Бакан. Однако при повторном сражении хан потерпел поражение. Победители «основались было на некоторое время на берегах реки Схагуаше, но перешли к подошвам горы Бештау, где они жили в XV веке»⁵⁷.

Отдельные носители фамилии Бекан относятся к балкарским таубиям. По подсчетам Абрамовской землеустроительной комиссии (1908 г.), 3 двора Бекановых при освобождении крестьян получили вознаграждение на сумму 1905 руб.⁵⁸

В именном списке «балкарского племени мальчикам, назначенным в С.-Петербургские военно-учебные заведения», также числится есаул Тенгиз Беканов 59. Ему за службу позднее был пожалован земельный участок в 250 десятин.

Перед переселением в сел. Кармова предки Бекановых проживали в ауле Хагундокова. По данным за 1867 г., в нем зафиксированы Гулла Беканов из «вольного сословия», а также «временнообязанный» Теувеж Беканов (сын Эльберда. - С. Б.) и его сыновья Хаирли, Аслан, Беслан, Осман.

БИРМАМЫТОВЫ * Из прошения узденей Бармамытовых (Бирмамытовых) Магомет-Мурзы и Солимана, жителей аула Иналова (ныне сел. Карагач), поданного в 1871 г., следует, что эта фамилия с давних времен «владела землями на р. Экепцоко и горе Бармамыт», однако первая из них «поступила в надел генерал-майору Абдрахманову, а последняя в общественное пользование кабардинцев».

Некоторые члены фамилии позднее получили землю за службу (отец просителей Темрюко умер в чине штабс-капитана), а другие, в том числе их родственники из сел. Бабукова, остались без наделов. Поэтому житель сел. Бабукова Ибрагим Бирмамытов обратился к начальнику Георгиевского округа с прошением, которое дополняет цитированный документ. В нем указывалось: «...я есть из древних узденей, и с незапамятных времен была у нас земля под названием Бирмамыт, которая и по настоящее время не потеряла этого названия и принадлежит ныне Кабарде. Двоюродные же мои братья а. Иналова прапорщик Хажии-бекир и урядник Магомет-Мурза Бирмамытовы одного со мной родопроисхождения, получили надел земли в 500 десятин, а я по неизвестным причинам от надела этого устранин»⁶¹.

Фамилия одного из представителей рода связана с важной страницей истории кабардинской культуры. В ЦГА КБАССР хранится прошение Аслануко Бирмамытова, поданное в 1864-м или 1865 г. начальнику Кабардинского округа и переведенное на русский язык поручиком Шардановым⁶². (См. рисунок и текст) Речь в нем шла о пропаже лошади, т. е. содержание документа самое обыкновенное, но одно обстоятельство делает его необыкновенным - прошение написано на кабардинском языке! Факт чрезвычайно редкий, если не единственный в то время. Достаточно ознакомиться с оригиналом и станет ясно, что автор прошения - самоучка, не отличался большим умением в чистописании и каллиграфии. Но в том, что Бирмамытов писал своей рукой, - сомнений нет. Оказывается, на него обратил внимание сам Казии Атажукин, известный просветитель. Он писал: «Узденъ Аслануко Бирмамытов, который не знал прежде никакой грамоты, без всякого руководителя учится с самого появления алфавита кабардинского и учит других, так что он выучил нескольких детей и многих из желающих теперь быть учителями». В 1866 г. Бирмамытов окончил трехмесячные курсы сельских учителей, руководимые Атажукиным. Об этом свидетельствует запись в экзаменационной ведомости, согласно которой он показал знания: по чтению - «порядочно», по чистописанию и арифметике - «слабо».

К сожалению, надежды К.М. Атажукина, что Бирмамытов сможет стать учителем кабардинской грамоты, если «попрактикуется немного», не оправдались. Говоря далее о ценности прошения (последнее слово о значении которого, разумеется, за специалистами), следует отметить, что оно является своеобразным памятником кабардинского языка, зафиксировавшим ныне утраченные смысловые и фонетические особенности ряда слов. Например, аукционная продажа (торг) обозначена словом «барабанка», т. е. продажа имущества с молотка.

Бирмамытовы переселились в сел. Каменноостское из сел. Сармаково (быв. Бабуково) сравнительно недавно.

Гыназго Къэбэрд ем и тетто зыусхъэн!
Мыр Бырмамыт Аслъэныкъо и тхъэусыхэ тхылыщ.

Сэ сынольэу, зыусхъэн, гуш1ыгъу къыхошщ1го си тумэн тхумэрэ сомиблмэрэ сэгъэгъотыжынк1э. Сухъэщ1эщ, алых мщхъэк1э мы 1охум и щтык1эр арщ: зы шэф1 [шыф1] си1эти ядыгъури илъэс ныкъо къэтаго къашэжаш, уи шыр щтэж, жалэр. Даго къэс щтэжын, к1э соку имы1эжго, ныкъодыкыого шыслъагъум, къыхошщ1эжакъым. Даго къэстэжынт, тумэн т1ош1 и осэго шыташ, ыгъы стк1э сэбэп (...) хъужын, жыс1эри къэсщтэжакъэм. Иужык1э бэрэбанк1э ящэри к1эзонэм халъх-баш. Шым тумэнищрэ сомищрэ къыш1ахаш, тумэнищ1урэ сомитхурэ тыралъхъэжыры тумэнищ1урэ сомиблырэ хъуаш, къзонэм халъхъаш. Зызгъэгусэри къэсщтакъэм, си шыр зэрышыф1щэм щхъэк1э. Зызгъэгусэм шыраф ймы1эмэ, сэгъэгъотыжынк1э сынольэу, зиусхъэн. Бырмамыт Аслъэныкъо.

Примечания:

1. Гласные, соответствующие современным ы и и, часто обозначены одним знаком V (вместе с тем звук и имеет и собственное обозначение i; ji).
 2. Гласные, соответствующие современным а и э, обозначены знаком а.
 3. Согласным хъ, къ, ф1 и щ1 соответствуют знаки b, q, |з, \.
 4. Знаки препинания и разбивка на лексические единицы в ряде случаев наши.
- Транслитерация и комментарии кандидата филологических наук Адама Гутова.

БИШЕНОВЫ. «Стаж» этой фамилии насчитывает немногим более 100 лет. В источнике за 1886 г. упоминается Бишенов Нахуш Бишенович. Как видно, отчество Нахуша стало и его фамилией. По рассказам (инф. Замахшир Бишенов), предок этой фамилии - выходец из адыгского племени мамхегов, что и может быть принято во внимание при объяснении родословной братьев Бишена - Теувежа и Заурбека. Термин «Бшен» встречается и как имя, и как фамилия. В документах 30-х гг. XIX в. есть сведения о крестьянине Кайтукиной фамилии Бшене Ашинове «с товарищами» Шокара Бшеновым, Маремом Марзакановым, просившим разрешения на поездку «в Ростов для седельной работы»⁶³ (см.: Ногмовы).

ВОРОКОВЫ. В 40-х гг. XIX в. в Кабарде по соседству с аулом М.-М. Анзорова располагался аул Ворокова. Есть документ 1857 г., что пристав тохтамышевского народа препроводил к начальнику Центра Кавказской линии добровольно вышедшего от непокорных горцев абазехского узденя Ильяса Ворокова, который «пожелал жить в ауле князя Пшемахо Касаева». В связи с этим начальник Центра предписывал суду «водворить его на жительство у указанного владельца, взяв от сего последнего поручительную подписку» об уплате, в случае побега Ворокова, «200 рублей штрафа». Подробности о себе Вороков (Воруков) сообщил на допросе: «При уводе за Лабу прошлого 1851 года Магомет Амином кабардинских и башильбаевских аулов я проживал на Урупе в ауле Магомет Паго Бесленова вместе с другими всего нашего аула матерью, двумя моими братьями Харисом и Исмаилом увлечен был в горы за Лабу в вершину Ходза в аул Багов, где и поныне проживал. Не желая более там быть... бежал пешком и явился прямо на Малый Зеленчук... с намерением просить дозволения русского начальства проживать мне в Большой Кабарде при князе Пшемахо Касаеве»⁶⁴.

В географии Кабардино-Балкарии известно название - родник Вороковых - к востоку от Чегема I. Среди жителей аула Ворова (иначе - Вольноборовый аул) в 60-х гг. XIX в. находилась часть Вороковых. Из тех мест и в тот же период они и переселились в сел. Кармова. Вороковых, жителей села, в обиходе называли прозвищем - Паровы (Шарэхэ). Вторую свою фамилию они получили, по преданию (инф. Куна Ворокова), случайно. У одного Ворокова (Хаджибатыра) был конь-любимец. Как-то раз на скачках он выиграл первый приз. Наблюдавший за скачками болельщик-армянин на финише будто воскликнул: «Пара (т.е. друг) Ворокова победил!» («Вэрэкъуэм и Шарэ къатежаш!») Восклицание армянина послужило поводом для фамилии-прозвища, но оно не закрепилось за Вороковыми, и в настоящее время почти вышло из употребления.

ГАУНОВЫ. По фамильному преданию, прародина Гауновых - современная Адыгея (инф. Б. Х. Гаунов). Со слов своего деда старожил М. М. Гаунов рассказывает, что Гауновы из Шипсико (Шыпсыкъуэ). Известно, что Шипс (Шыпс) - приток Адагу-ма. Последняя, по свидетельству Хан-Гирея, «служит границей между шапехгцами (шапсугами. - С. Б.) и натххоккоадцами (натухайцами. - С. Б.) с северной стороны гор». В литературе упоминается также река Шайпсххо, впадающая в Черное море. «Полагают, что шапехгское племя получило свое наименование от сей реки» (Хан-Гирей. Указ. соч. С. 78, 79).

Тебу де Мариньи (1793 - 1852) записал одну адыгскую песню, в которой поется о прекрасной девушке Паке («курносая») и ее поклонниках, среди которых Хаут-оглы Гаун-оку ⁶⁵. Трудно сказать, в какой мере связаны это имя и рассматриваемая фамилия и связаны ли они вообще, тем более, что, по преданию, эта фамилия относилась также к русским. До сих пор старожилы рода помнят, что к ним приезжали казаки Гауновы из с. Кара-тубе (Ставрополье) как к родственникам.

Самое раннее из встреченных документальное упоминание Гауновых относится к 1865 г. В списке жителей бывшего абазинского Песчаного аула отмечен переселенец в аул Заракуша Тамбиева - Баж (Бажь) Гаунов*. Рассказывают (инф. Латифа Гаунова, урожденная Кармокова, сел. Заюково), что в их роду сравнительно до недавнего времени хранилось его выкупное свидетельство от крепостной зависимости, которым Баж был обязан князю Атажукину, предпринявшему этот шаг по настоянию своих сестер. Они же хлопотали из-за редкого умения Бажа играть на народном музыкальном инструменте (пхъэп-шынэ).

Дальними родственниками Бажу приходились Гауновы, проживавшие в ауле Хагундокова. Среди его жителей перед переселением в сел. Кармова находились Гауновы. Следует отметить, что в списке, составленном в 1867 г., т. е. в ходе отмены крепостного права, Гауновы несколько различаются по своему сословному (может быть, точнее, - имущественному) положению. Так, 22-летний Гулла Ибрагимов Гаунов показан относящимся к «вольному сословию», а другое семейство - Шика Гаунова с сыновьями Ибрагимом, Идрисом, Харисом, Машуко и внуками Хачимахо, Батыром, Худом, Адамом и Нахо - счи-

тались «временнообязанными». Здесь логичен вопрос: а не являются ли эти Гауновы просто однофамильцами? Ответ на него однозначен - «нет». Гулла был сыном Ибрагима, т. е. внуком Шика.

Другого Гуллы в роду не было (инф. Мухамед Гаунов, праправнук Шика, 96 лет). Он же сообщил, что в его родословной есть еще два имени: Муса - отец Шика, и Гауна (Гъэунэ) - пращур. Из анализа родословной (а таких примеров немало) можно заключить, что не все члены семейства имели возможность «откупиться» сразу.

В пореформенную эпоху Гауновы выдвинулись в разряд наиболее богатых представителей сельской буржуазии. Например, в 1887 г. коннозаводчик Хачимахо Гаунов имел одних только лошадей 160 голов. С ним мог соперничать только сельский старшина Кизильбек Кармов. На селе наблюдалась картина, хорошо известная по всей России: обедневшая, лениво поворачивавшаяся. К изменившимся условиям и разорявшаяся знать превращалась подчас даже в наемных работников. В данном случае некоторые члены бывших владельцев фамилии Хагундовых оказывались вынужденными работать по найму у Гауновых, не говоря уж о других обедневших дворах, многочисленные фамилии которых в недавнем прошлом принадлежали к впоследствии официально не признанному за ними разряду мелких узденей.

* В 1886 г. в сел. Тамбиево 1 проживал Гаунов Шхануко Бажевич с братьями Хатавшуко и Гузером 66.

ГУБЖОКОВЫ. В 1822 г. группа казаков так называемой Волгской бригады за отличие в действиях против неприятеля была награждена знаком отличия военного ордена. Среди них - некий Иван Губжиков. Это говорит, что часть Губжиковых перешла в свое время в казачье сословие. По-видимому, это обстоятельство нашло отражение в воспоминаниях Губжиковых из Каменноостского, которые считают себя моздокскими христианами. Они проживали когда-то на хуторе Губжикова в окрестностях г. Моздок - отсюда и их название. Действительно, Кабардинский временный суд в 1824 г. выдал свидетельство «живущим в г. Моздоке кабардинским узденьям Бек Мурзе и Мисосту Губжиковым в том, что они происходят от предков - узденей кабардинцев Мисостовой фамилии, а ка жительство в город Моздок з давних времен перешол из Кабарды отец их умерший уздень Кайтуко». Согласно поколенной росписи, этот Кайтуко - сын Магомета и внук предка по имени Кокуш 67.

Вероятно, позднее члены фамилии переселились в аул Кожикова. Житель этого селения, «кабардинский уздень» Губжиков в прошении писал: «В феврале месяце прошлого 1858 года я с согласия продавца при всем обществе нашего аула купил семейство холопей, состоящее из 5 душ, у узденя Магомета Клычева с уплатою ему за тех крестьян 630 рублей»68.

В разное время Губжиковых называли то Адамеями, то Кароховыми. Первая фамилия связана с именем Губжикова Адамея Умаровича, наиболее состоятельного члена фамилии. Он фигурирует по одному судебному разбирательству в качестве свидетеля. Истица Ф. Керефова утверждала, что ее покойный муж, Нашхо Абдрахманов, у которого Адамей служил табунщиком, отдавал на сбережение и прокормление племяннику своему поручику Хажбекиру Абдрахманову * 18 кобылей и одного жеребенка69. Из этого документа следует, что Губжиковы были крестьянами Абдрахмановых, обиходная фамилия которых - Кароховы. Отсюда, вероятно, и вторая фамилия Губжиковых.

ГУРИЖЕВЫ. Фамилия встречается в списке узденей аула Думанова за 1864 г., происходит от имени предка - Гуриж (Гъуражъ). Возможно, что фамилия восходит к этнониму. Еще Л. Люлье отмечал натухажское и шапсугское племя - «нетахо», среди которых встречается «отрасль» Гуриз 70. Для этимологизации термина можно привлечь также название, упоминаемое в фольклорной записи Талиба Кашежева: «...раньше других вершин Кавказа и отдаленного Гуржищхъа (Куржи?) отражается на ее (Эльбруса. - С. Б.) ледяной поверхности утренняя заря»71.

* Сын генерал-майора Ф. Абдрахманова и отец эмигрировавшего в 1918 г. корнета Хабижа Абдрахманова. Умер в 1884 г.

Согласно преданию, внук Гурижа, Салих Боранукович, вел борьбу против генерала Ермолова. Народ о нем сложил песню. К сожалению, от некогда длинной песни сохранились лишь некоторые отрывки:

Гъурыжъхэ ди Сэлихъышхуэ
Уахэуэркъэ, хэуэр зи хабзэ. (Инф. Тамиш Гурижев).
Бей же их (врагов), привыкший к бою
Наш, Гурижевых, большой Салих.

И еще:

Щоджэнхэ фи Тохъанэ *
Фыз Хъэдагъэм зэтыреч
Чэрэчуэрэ ди Салихъышхуэ. (Инф. Али Гурижев).
Шогеновых Тохана
Рушится от женского плача,
О, чарача, наш добрый Салих.

В настоящее время некоторые Гурижевы носят фамилию Меров (сел. Залукодеc).

ГЯТОВЫ. На Чегеме, в ауле Ислама Шогенова, в 20-х гг. XIX в. проживал уздень 3-й степени Маша Гятов, принадлежавший первостепенному узденю Мету Куденетову. В 1862 г. жителю аула Тембота Анзорова Абреку Гятову выдано свидетельство в том, что члены Кабардинского суда «единодушно признали его принадлежащим к сословию вольноотпущенников»72.

Среди жителей аула Хагундокова (1864 г.) - уздени Каспулат Кятов и Умрек Кятов. В списке сел. Кармова за 1886 г. они же значатся: Умберек Такахович Гятов и Каспулат Такахович Гятов. Очевидно, что, хотя написание несколько различается, речь

идет об одних и тех же лицах.

В отдельные периоды Гятовы называли себя Бесланевыми. И это подтверждается документально. Так, в 1921 г. в адрес сельского исполкома поступило предписание: «Прошу исполком принять действенные меры к тому, чтобы никто не трогал сено... которое находится во дворе гражд. Каменномоостского Бесланеева «имя его неизвестно, личность укажет Татлостан Шуков»⁷³. Поскольку никакие Бесланевы в селе не проживали, очевидно, речь идет о Гятовых. Хотя официально эта фамилия не утвердилась, однако до сих пор старожилы именуют Гятовых нередко Бесланевыми.

В литературе термин Джатэ (Гятов) принято относить к абхазскому личному имени. Вместе с тем, объясняя его происхождение, нелишне привлечь и названия ряда соседних с аулом Хагундокова на Куме народностей - ногойских племен джетысан, джетышкуль, в которых утрачены аффиксы. Кроме того, среди адыгского племени Гоато-Соотох была «отрасль» Джад⁷⁴.

* Тохъанэ - жилище. Хан-Гирей в своих «Записках о Черкесии» писал: «...в Черкесии князья и дворяне... строят в особенном виде дома, называемые «Тейххон».

ДЖИБИЛОВЫ. Термин «джебели» встречается в книге турецкого автора XVII в. Эвлия Челеби. По его свидетельству, при неудачной осаде крепости Азов (1641 г.) «из Анатолии пришли на помощь семь везиров, восемнадцать мирмиранов, семьдесят мирлива». В примечании к этому тексту говорится: «В переводе Хаммера имеется добавление к перечисленной военной помощи турецкому войску под Азовом: «200 алайбеев, займы и тимариаты, которых вместе с их джебели было 47 тысяч человек»⁷⁵.

Слово* «Джебели (Джебель)» здесь переводится как «воин-всадник», оно встречается и в географических названиях среднеазиатских республик. В Пакистане «джебел» - «гора», «холм», «горная вершина». Нередки оронимы со словом «Джебель» в Иране и бесконечны в арабских странах⁷⁶.

Джибиловы проживали в сел. Кармова в конце XIX - первой четверти XX в. в Жерештиевском квартале. Они выходцы из Осетии. По преданию (инф. Б. А. Джибилов), Тембулат Михаматович Джибилов и его брат Ислам были вынуждены оставить родные места на почве кровной мести. Перед переселением в сел. Кармова Джибиловы расположились близ него на хуторе. В прошении на имя начальника Нальчикского округа в 1914 г. читаем: «...Я нахожусь в услужении поверенным на сыроваренном заводе Г. Губарева, почему часто разъезжаю по разным местам и необходимо иметь хотя один кинжал для самозащиты от злоумышленников. Прошение это доверяю подать жителю села Кармово Худу Кокову. К сему Тембулат Джибилов, а за него неграмотного по просьбе расписался И[смаил] Куважуков»⁷⁷.

В переписке начальника канцелярии военного управления правителя Кабарды в конце 1919 - начала 1920 г. фигурирует исполнявший должность помощника старшины сел. Кармова Т. Джибилов⁷⁸. В списке граждан сел. Каменномоостского от 29 января 1925 г., пострадавших во время гражданской войны, отмечен тот же Джибилов Тембулат Магометович*.

ДЗАМИХОВЫ. Рассказывают (инф. Х.Т. Дзамихов), что фамилия своим возникновением обязана случаю, имевшему место в давние времена: предок рода, спасшийся от вражеского набега, получил прозвище Дзэмыхъ, т. е. уцелевший от неприятелей (дзэ), войска.

Дзамиховы - выходцы из Лесгора, откуда перебрались на Чегем. Этот период зафиксирован в источниках. По следственному делу о бежавших в Чечню двух крестьянах Бору и Кундета Хочемаховых, по жалобе узденя Асламбека Шихибахова и крестьянина его Аслангирея в 1859 г. был признан «прикосновенным» (причастным), наряду с другими, и уздень Измаил Дзамихов⁷⁹.

Во время укрупнения аулов Дзамиховы в составе аула Думанова переселились в сел. Кармова. В посемейном списке 1886 г. упоминается Дзамихов Пшеапшоко Даутович с братьями Хажимахо, Товежем и Гузеем.

* По другим документам - Инарукович.

Молва связывает с этой фамилией одну легенду, которая гласит, будто Дзамиховым некогда удалось закабалить снежного человека (Алмасты), надежно спрятав один его волос (залог того, что он не убежит). Однажды хозяева отправились в гости. Дома осталась одна молодая сноха. Снежному человеку удалось разжалобить ее, и та указала место, где спрятан волос. Заполучив его и таким образом освободившись от неволи, снежный человек бросил свою избавительницу в кипящий котел и проклял: «Дай же бог, чтобы мужской род Дзамиховых не знал долголетия». Старшины рода считают, что это проклятие сбылось. Нелишне в связи с этим поверьем заметить, что одному из старожил, уже знакомому нам Хажкасиу Теуважевичу, - более 90 лет.

Аналогичная легенда, бытовавшая в среде карачаевцев и якобы основанная на событии 80-х гг. XVIII в., записана Г.-Ю. Кларпотом⁸⁰. Только в роли молодой снохи здесь выступают дети и отсутствует упоминание о проклятии.

ДЗАСЕЖЕВЫ. В литературе фамилия отождествляется с абазинской - Бзасажъ, Бзасажев. По преданию, она происходит от прозвища Бдзашажъ (Бдзашажев), что означает - рыбак, данного русскому, захваченному в плен горцами во время рыбалки (инф. Мараль Кумыкова)*. Фамилия в источниках приводится в нескольких вариантах: Бзацежев Шамиль Шуович и Дзацежев Шу Карович - один из родоначальников.

ДУМАНОВЫ. По преданию, аул Думанова в давние времена находился в Аргуданском ущелье. Его низовье и теперь называется Думануко (балка Думанова). А одно из первых письменных упоминаний о нем относится к первой половине XVIII в. В пояснении к ландкарте Кабарды, составленной в 1744 г., названа «деревня Дюмен» (Думанова. - С. Б.) на Баксане... вла-

дельца Магомета»**.

Абхазский ученый Ш. Д. Инал-Ипа 83 фамилию Думановых выводит из абхазского «Думаа», что означает «дым»***. Корень этого слова встречается также в древнепрусском, древнеиндийском, греческом языках. В словаре Фасмера, хотя и отмечается недостаточная аргументированность доводов отдельных специалистов, все же обращается внимание на устанавливаемую ими связь между словами «дым» и «дума». В словаре В. И. Даля зафиксировано тюркоязычное слово «тюмень» и дано одно его значение - «табак».

* В этой связи любопытны сведения И. Ф. Бларамберга, который писал: «В наше время имеются примеры мелких племен, частично русского происхождения, как, например, племя пцаше (бдзашэ. - С. Б.), которое ведет свое происхождение от русского рыбака, захваченного в плен шапсугами. Он остался среди них, женился, и его потомки насчитывают сейчас до тридцати семейств, которые все носят имя Пцаше, что по-гречески означает «рыбак»⁸¹.

** Это были поселения в два двора, укрепленные каменной стеной, или укрепленные деревни. Таковы Дюмен и Ерашты⁸².

*** Абхазский термин Думаа, на наш взгляд, скорее всего лежит в основе фамилии Думаев. В документах известен житель типичного абазинского сел. Бабукова «хорунжий Жамбек Думаев, сын Думаев и род его, в 1785 г. внесенный в дворянскую родословную книгу Кавказской области».

На идентичность терминов Думаи и Туман в тюркском языке указывает и словарь А. Г. Преображенского. Э. М. Мурзаев также отмечает, что «термин «туман», как скопление продуктов конденсации (водяных капель, кристаллов), взвешенных в воздухе непосредственно над земной поверхностью, заимствован из тюркского «туман», думай - «тюмень» - «мрак»⁸⁴. Слова «туман» и «тумэн» есть также в мансийском языке и означают «пойменное озеро, проточное озеро». Интересно, что и в адыгейском языке слово «темэн» означает «болото» (Нечерезие темэньр).

Как пишет А. Н. Насонов, у некоторых тюркоязычных народов термин «туман» или «тюмень» служил для обозначения мелких территориальных единиц. В XVI в. в низовьях Терека располагалось Тюменское княжество, населенное тюркоязычным этносом, конкретизация которого остается спорной. В 1594 г. княжество вошло в состав России. По мнению С. Ш. Гаджиевой, тюменцы были в числе основателей Эндерея (Кумыкия). Они дали свое название одному из кварталов этого селения - Тюмен-аул. Между Кабардой и Кумыкией в XVI - XVII вв. существовали довольно тесные контакты, известны смешанные поселения, а как раз с Эндереем связана деятельность наследника шамхала Султан-Мута, приведшего туда своих кабардинских родственников. Все сказанное позволяет предположить, что фамилия Думановых восходит к тюркоязычному термину тумен (думэн).

В ведомости Я. Шарданова (1825 г.) зафиксирован «аул 3-й степени узденя Хажи-Атажуки Думанова, принадлежащий умершему Темир-Булату Атажукину»*. Аул этот располагался на правом берегу р. Малки, напротив нынешнего сел. Хабаз, о чем говорит название балки (Думэнеикьуз), а также родник Думанова (Думэнхэ я псынэ), известный еще и под более поздним названием как родник Анзоровых (Анзорхэ я псынэ). В том же 1825 г. жители аула Думанова вместе со многими другими кабардинцами бежали за Кубань. Местом их жительства стала Адыгея, о чем напоминает название одного из старых кварталов селения Блечепсин - Думэней (Думаново)..

* В своем прошении 1870 г. о наделении землей один из Думановых (Есенеи) писал, что его фамилия принадлежит к сословию беслан-уорк, хотя в рабочем варианте ведомости начальника Кабардинского округа они причислены к разряду пшекеу⁸⁵. Впрочем, прошение Думановых, возможно, не было лишено оснований. На общем собрании депутатов, почетных стариков и членов Кабардинского окружного суда в 1862 г. предварительно было определено значение и деление кабардинцев, причем решено: «...малочисленный класс (пшекеу. - С. Б.), хотя потерял прежнее свое значение, но вследствие своей зажиточности в глазах кабардинцев уважается теперь наравне с беслен-уорками и уорк-шаотлукхусами»⁸⁶.

Думановы вернулись в Кабарду в 30-х гг. XIX в. Подтверждением тому служит рапорт исправляющего должность главного пристава закубанских народов поручика Венеровского от 14 июня 1834 г. командующему Кабардинской линией. Он извещал: «Командующий Кубанской линией... с разрешения командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории предписал явившихся ко мне кабардинского князя Исмаила Касаева узденей Ислама и Тембота Думановых для поселения их в Кабарду сзади наших укреплений между рек Терек и Баксаном отправить к вашему высокоблагородию»⁸⁷.

Было ли выполнено это предписание, неясно, т. к. по сведениям 1839 г. Думановы пользовались землей в верховьях Малки. Впрочем, это не значит, что они там же и поселились. К сел. Кармова аул Думановых был присоединен в ходе реформ. Об этом свидетельствует прошение жителя сел. Кармова Асхада Думанова начальнику Георгиевского округа. «Отец мой, Шу Думанов, - говорится в нем, - будучи природным кабардинцем, состоял в числе высшего сословия и, находясь на службе в Кавказском горском дивизионе в г. Варшаве, 28 августа 1842 г. произведен в прапорщики; в Кабарде имел аул под своим названием (на правом берегу р. Чегем, недалеко от нынешнего сел. Чегем I. - С. Б.) я землю, но он в 1845 или в 1846 г. умер, аул наш в 1865 году воссоединен к числу других, а я за смертью его остался без всяких средств к жизни»⁸⁸.

В количестве 40 дворов (258 чел.) этот аул и образовал в новом селении Думановский квартал.

ЕБГАЖУКОВЫ. Из сел. Кызбурун II. Старожилы рассказывают, что некто Хажумар Ябгажуков был приглашен в сел. Кармова в качестве эфенди. Здесь он во второй раз женился и по окончании срока контракта с кармовцами вернулся в родное село с новой женой. Вскоре она, будучи беременной, вернулась к родителям и родила мальчика по имени Шхануко (Хэнькьуз). После ее вторичного замужества мальчику дали фамилию отчима Китуванова * (Чэтуан, Чэртуан) Огурли Аслановича, но, повзрослев, он добился возвращения фамилии отца. О возникновении самой фамилии молва гласит следующее. На одного из предков этого рода, находившегося в бегах, напали двое разбойников, решив подарить его своему князю. Но тот, оказавшись человеком недюжинной силы, сам связал их и преподнес в качестве пленных их же князю. Видя это, князь прозвал беженца - «Ябгэжь» (Неистовый).

Китуановы же оставили селение в 20-х гг. нынешнего века.

ЖАМАНОВЫ. В конце XVII в. в Ногайской орде вспыхивает междоусобная борьба, в результате которой некоторые ногайские подразделения (Кыпчак, Найман, Терек и др.), «не желая признать власть мурз, откочевали на левый берег Терека, в Моздокскую степь, за что они получили название «яманчи», а затем «кара-ногай», т. е. «черные», или «простые» ногаи. Позже часть из них откочевала с «кулусными людьми к Терекам в Кумыкии»⁸³.

* Кетуан - герой абхазского нартского эпоса, изобретающий свирель, создающий и исполняющий песни, пастух коз.

Логично думать, что этноним «яманчи» мог проникнуть к кабардинцам в форме «жэман» (Жаманов), имея в виду, что в литературе эта фамилия сопоставляется с термином «яман».

Жамановы - коренные кармовцы. В 1858 г. корнету Седакову было предписано «выслать в управление начальника Кабардинского округа в скором времени старшину аула Шу Кармова и вольноотпущенника Али Жаманова по встретившейся в них надобности»⁹⁰.

На селе в обиходном разговоре бытует чрезвычайно емкий афоризм: «езыгъэлэйр - Жэманщ». Имеет ли это выражение непосредственное отношение к рассматриваемой фамилии? Старожилы (инф. Михаматали Мирзаканов) интерпретируют это выражение в первоначальном варианте: «езыгъэлэйр - яманщ (еманщ)», что в смысловом переводе означает: «излишнее - зло» (говорится в осуждение непомерных претензий, алчности). Если перевести это выражение снова на кабардинский язык, получим: «езыгъэлэйр - 1ейщ». Очевидно, что афоризм не имеет непосредственного отношения к фамилии Жамановых, т. к. слово и фамилия восходят к одному (тюркскому) корню - «яман», т. е. «плохой», «злой».

То, что слово «яман» могло проникнуть в среду кабардинцев в форме «жэман», свидетельствует и название речушки на краю села Жаманкул, правый приток Малки. В документах 50-х гг. XIX в. ее название дается ближе к оригиналу. В 1850 г. штабс-ротмистр Кизильбек Кармов и подпоручик Шу Кармов просили «вновь разрешения поселиться на пустопорожном месте ниже Каменноостского укрепления на р. Еманкул»⁹¹. Характер рельефа устья этой реки действительно оправдывает это название. В 80-х гг. прошлого века фамилия Жамановых была представлена двумя семействами: Каншао и Ляха Ильяс-овичей.

ЖАНДАРОВЫ. Термином «Джандар» даргинцы называют кумыков. В двух списках переселенцев из Песчаного аула в сел. Кармова (1866 г.) проходят одни и те же лица под разными фамилиями: в одном значатся Исуф Жандаров и Бекмурза (Ибрагимович) Жандаров, а в другом - Исуф Боров и Бекмурза Боров. В 60-е гг. XIX в. шла переписка между Георгиевским станичным правлением и Кабардинским окружным судом «по делу с ногайцем Ибрагимом Боровым», жителем абазинского Песчаного аула, у которого были украдены лошади. В своем отношении Георгиевское станичное правление, к которому относился Песчаный аул, указывало, что «абазинец Боров не желает разбирательства претензий его в Кабардинском окружном суде»⁹².

Таким образом, этническая принадлежность Жандаровых (Боровых) остается не вполне ясной, но, видимо, ногайцы.

ЖЕРЕШТИЕВЫ. Известно, что Жерештиевы проживали в первой половине XVIII в. в долине р. Баксан. В документах упоминаются «две деревни Ерашты и Кунач на Баксане... владельца Касая Атажукина». Еще в 1753 г. «узденъ Бий Ероштиев»* вместе с другими кабардинцами дал присягу на верность России. Однако при генерале А.П. Ермолове Жерештиевы были обвинены в «сношении с непокорными», вследствие чего бежали за Кубань (1825 г.), оказались в опале и «объявлены лишеными всех преимущественных прав в Кабарде»⁹⁵. На Кубани они «имели жительство у «непокорных абазин»⁹⁶.

В середине XIX в. Жерештиевы известны в Карачае (на Хасауте). Это обстоятельство дало повод отдельным авторам отнести Жерештиевых к карачаевцам. Например, И. М. Шаманов в статье «Развитие скотоводства в Карачае в XIX - начале XX в.» отмечает, что «далеко за пределами Карачая славились лошади с тамгами Джераштиевых (Джарашты)» и что «самой красивой лошастью на Северном Кавказе считалась порода «Джарашды». Кроме того, значительно раньше практически ту же мысль высказал проф. Дж. Коков. Он, правда, с оговоркой, замечает: «Жэрэшты - фамильное имя у карачаево-балкарцев, известное и в адыгской антропонимии»⁹⁷.

Для подобной точки зрения некоторые основания действительно имеются. Так, в 1854 г. за участие в экспедициях против горцев среди других узденей «карачаевского племени» серебряная медаль была вручена и Жинусу Жерештиеву. В другом документе упоминается также отара «жителя карачаевского Юнуса Ерыш-тиева»⁹⁸. Однако и другие документы проливают свет на происхождение этой фамилии. Бегство Жерештиевых на Кубань устанавливается в прошении крестьян Виндижевых. «Аслан Эриштиев - отец претендателя на нас, - писали они, имея в виду Ж. Жерештиева, - со всем семейством был в бегах в Карачае и принял покорность только тогда, когда русскими войсками был покорен Карачай».

Факт проживания этого Жерештиева на Кубани подтверждается также еще одним любопытным документом 1832 г., из которого выясняется, что крестьянин Абезыванова аула, «принадлежащий узденю Еруслану Балову - Маруш Балову, оказавшийся при допросе русским («имя ему было Егор, желает ныне возвратиться к России и принять через крещение греко-российскую веру») ⁹⁹, был украден «с малолетства закубанским узденем Исламом Ираштой». И, наконец, из донесения начальника Кабардинского округа на запрос начальника штаба войск левого крыла Кавказской линии от 1859 г. узнаем, что «Женус Жерештиев по отзыву почетных жителей Кабарды есть кабардинский узденъ фамилии князей Касаевых, что отец его действительно переселился в Карачай во время смут в Кабарде в 1822 году к родственникам по жене»¹⁰⁰.

* Сословное положение Жерештиевых в документах отражается по-разному. В одних - уздени 3-й степени, в других - уздени (пшикео) князей Касаевых ⁹³. В документах 1854 г. зафиксирован «вольный кабардинец Закирей Ераштиев»⁹⁴.

В 50-е гг. некоторые из Жерештиевых вернулись в Кабарду. В 1859 г. Жинус Жерештиев писал начальнику Кабардинского округа Орбелиани: «...я, как природный кабардинец и не желая изменять данной мною уже раз на верное подданство присяге, просил начальство позволить... перейти на жительство из Карачая в 120 верстах на р. Малке и поселиться с аулом выше 6-ти верстах Каменноостского укрепления и в том же году (1855 г. - С. Б.) основал на указанном месте из 15-ти домов свой аул».

Из приведенных документов ясно, что Жерештиевы - жители Кабарды и переселились на Кубань в 20-х гг. XIX в. к родственникам по женской линии, но в середине того же века возвратились в Кабарду, хотя и потом неоднократно меняли места своего жительства, наиболее постоянным из которых был Хасаут, в административном отношении позднее отнесенный к Кабардинскому округу.

Однако это еще не дает достаточного основания, что Жерештиевы - «природные кабардинцы», как сами себя называли некоторые из них. В литературе встречаются сведения о тейпах (племя, «общество»), переселившихся в XVIII в. из Ингушетии в Панкисское ущелье Грузии, среди которых есть «Эршти»¹⁰¹. Отмечается также, что «особенно значительная группа чеченского населения, называвшаяся эрштинцами, обитала на реке Карабулак. Даже так их и называли». Фамилия Жерештиевых, вероятно, и восходит к указанным этнонимам «эршти» и «эрштинцы».

В период земельной реформы относительно мелких аулов, находившихся в верховьях р. Малки и на ее притоках, было решено: «Аулы Женуса и Юсупа Жерештиевых (родные братья. - С. Б.), Шипшикова, Урды, населенные по преимуществу горцами, в случае переселения в Большую Кабарду... образуют один аул, которому место будет указано своевременно». В соответствии с этим образовался в 1865 г. новый аул Жерештиева на Хасауте, который назывался также Хасаутско-Жерештиевским, о чем известно из предписания комиссии землемеру Соколову от 27 сентября 1865 г.: «Вы отправитесь на Хасаут в аул Жерештиева и укажете новому поселению землю на 100 дворов в количестве 75 десятин на каждый двор»¹⁰². Однако жерештиевцы настаивали, чтобы их оставили на прежнем месте или дали бы им землю, «называемую Бекичи-Балка». По поводу этого прошения председатель поземельной комиссии Д. С. Кодзоков уведомлял начальника Кабардинского округа, что еще в прошлом году (1865 г. - С. Б.) они должны переселиться в назначенное им место на Хасаут, которое якобы они описали и забрали, а если теперь они высказывают, что земля, назначенная для их пользования, неудобна, то это один лишь только их вымысел, сделанный с целью уклониться от переселения и оставаться разбросанными хуторами. Поэтому прошу распоряжения вашего приказать Жерештиевым немедленно переселиться на указанное им место... подвергнув за годичную почти проволочку взысканию, а Юнуса Жерештиева сверх того за произвольно взятое на себя право подавать просьбы»¹⁰³. И Жерештиевым пришлось подчиниться. Вместе с тем жители аула Жерештиева не закрепились на новом месте, а постепенно переселялись в сел. Кармова, некоторые же считались жителями обоих селений. Так, Адильгирей Жерештиев в одном протоколе писал: «...житель с. Хасаут, проживаю на своем хуторе, на кармовской земле»¹⁰⁴. Разновременно и разрозненно переселявшиеся жители в сел. Кармова присоединились к Думановскому кварталу, однако не слились с ним, а образовали самостоятельный квартал, который получил официальное признание лишь в 1914 г.

Выделение жерештиевского квартала началось в 1910 - 1911 гг. и совпадает хронологически с периодом работы сельским старшиной Талиба Кашежева, да и стало возможным, главным образом, благодаря ему.

Летом 1910 г. по инициативе жителей Думановского квартала Дотлуко, Яхьи, Магомета Маргушевых, Баля Люова и Закирея Багова, Исмаила Апыкова и Хазыра Дзамыхова началось строительство второй квартальной мечети, которое велось без разрешения местных властей и технического надзора. Об этом окружной администрации стало известно из прошения, поданного уполномоченными от враждебно настроенных к жерештиевцам жителей Думановского квартала. Из документа выясняется действительная причина возведения мечети, начатого якобы, как говорили его инициаторы, только для обслуживания религиозных нужд строителей. По этому поводу начальник Нальчикского округа полковник Клишбиев писал в Терское областное правление о том, что упомянутые выше Маргушевы и другие задумали отделиться от Думановского квартала и составить свой, Жерештиевский, квартал, с целью получить при разделе общественной юртовой земли, отданной в пользование Думановского квартала, участка лучшего качества. Отсюда видно, что строительство мечети служило прикрытием основной цели - добиться улучшения материальных условий жизни и получить пусть небольшие, но все же некоторые свободы, которыми пользовались жители со статусом квартала.

Несмотря на запрет местных властей и народного кадия, мечеть была построена к 1 ноября 1910 г. После этого строители стали добиваться разрешить в ней богослужение. В этой просьбе Клишбиев отказал, а мечеть по его приказу была заперта и опечатана.

Грубый произвол и надругательство над религиозными чувствами верующих довели до того, что «толпа жителей сел. Кармово, подстрекаемая Маргушевыми и другими, самовольно открыла указанную мечеть». Однако, как только начальство узнало об этом из прошения Думанова, последовало предписание выяснить виновников такого самоуправства и донести, сделать немедленное распоряжение о закрытии вторично мечети, а также изгнать самовольцев из мечети и запечатать таковую и начать следствие для привлечения виновных к ответственности.

К этому следственному делу непосредственное отношение имел Талиб Кашежев, работая в 1911 г. старшиной сел. Кармова. Любимца простого народа начальник округа Клишбиев не жаловал. Более того, он был настроен враждебно. О крайне натянутых отношениях ко времени инцидента с мечетью красноречиво говорит предписание Клишбиева от 23 июня 1911 г.: «Вами наперекор решения бывшего народного кадия и без всякого утверждения с моей стороны допущен к несению обязанностей сельского кадия Куготов. Подобное действие является самоуправным, за что в последний раз объявляю Вам выговор и предписываю сейчас же устранить Куготова и представить ко мне список нескольких кандидатов на должность эфендия для выбора из них более соответствующего».

Позиция Т. Кашежева в очередном конфликте из-за раздела общественной земли вызвала новый грозный окрик начальства: «Вообще я усматриваю, что Вы не стремитесь к установлению в селении тишины и спокойствия, а создаете распри». В такой вот неприязненной обстановке Кашежев и получил предписание начальника участка дать объяснение о случившемся в мечети и представить зачинщиков.

В создавшейся ситуации Талиб Кашежев проявил гибкость. Сначала он выехал в сел. Ашабово, чтобы оперативно связаться с окружным начальством по телефону (телефонная связь с Нальчиком была установлена как раз в 1911 г.), спрашивая разрешения о представлении всех виновных, на что, как он, очевидно, и рассчитывал, ответили, что «помещать 54 человека негде, надо выяснить виновников, т. е. зачинщиков несколько человек и представить их». Кашежев, естественно, не выдал требуемых лиц и заявил, что «выяснить этого нельзя было, потому отвечали: мы все - и никого не выдавали». О том же свидетельствует и протокол дознания, проведенного начальником 1-го участка 10 ноября 1911 г. В его ходе были опрошены Хамид Люев, Исмаил Апигов, Абдулла Кештов, Каншао Сонов и Машафа Кештов. Все они заявили, что не видели, кто именно взломал замок на двери мечети. После этого протокол дознания был отправлен вместе с прошением Кашежева и протоколом его объяснения судебному следователю Нальчикского округа.

Из заключения Кашежева прослеживается, что он сочувствовал запротестовавшим и был на их стороне: «... как только жители верхнего квартала Думановского (Жерештиевцы), - писал он, - заявили мне о том, что ввиду поста и отдаленности других мечетей, а следовательно, и за неимением где совершать моления, они, 54 домохозяев, с общего всех согласия открыли запертую мечеть и молятся в ней, то я тотчас же составил протокол и отправил на имя начальника по почте». Приведем и выдержки из упомянутого протокола. «1911 г., августа 27 дня. Я, старшина селения Кармова 1-го участка Нальчикского округа Талиб Кашежев, составил настоящий протокол в следующем: утром сего числа в сельское правление явились жители Верхне-Думановского (Жерештиевского) квартала по одному с каждого двора числом 53... и заявили мне, что они прошлую ночь собрались все и с общего согласия отперли дверь подобранным ключом и вошли в запертую по распоряжению начальника округа мечеть и там производили обычное во время поста богослужение «таурах» и другие моления, которые и будут продолжаться, хотя это им воспрещено. На такой поступок они решились по следующей причине: им надоело ходить молиться по мечетям других кварталов, а теперь в пост это им особенно тяжело. На требование не служить в этой мечети они заявили, что не послушаются никого, пусть делают с ними, что угодно»¹⁰⁵.

Это был настоящий социальный протест, хоть и невооруженное, но решительное выступление трудящихся против произвола властей, которое, судя по всему, не только поддерживалось, но и нелегально направлялось Кашежевым. Этим, очевидно, объясняется и досрочное его отстранение от должности старшины селения в том же 1911 г.

Спустя несколько лет, 29 мая 1914 г., областное правление разрешило наконец открыть мечеть, правда, под наблюдение и ответственность начальника Нальчикского округа «для временного совершения в ней богослужения». Тем самым областная администрация была вынуждена задним числом фактически признать образование нового, Жерештиевского, квартала, а заодно и свое поражение.

ЖУРТОВЫ. Известно, что словом «журт» («жут») адыги называют евреев. В источниках 1825 г. зафиксирован принадлежащий Хажели Камбиеву «узденъ 3-й степени Осман Жутов из аула Шумахи Шанибова». Другой носитель фамилии, «узденъ Магомед Жутов» в 50-х гг. XIX в. находился в ауле Догужокова, откуда один из Журтовых по личным мотивам переселился в сел. Кармова (инф. Хабас Журтов).

В связи с данной фамилией выясняются некоторые условия бракосочетания кабардинцев, имевшие место более века назад и свидетельствующие об изменении обычаев под влиянием капитализма.

Вследствие женитьбы сына Кизильбека Кармова на дочери Жутова (Кебахан) возник конфликт между новыми родственниками, суть которого видна из заявления Кармова в Нальчикский горский словесный суд от 6 октября 1886 г. «По решению одного суда, - говорится в нем, - я должен уплатить Жамботу Жутову 400 руб. серебром, которую и обещал уплатить деньгами, но по всем стараниям моим денег я отыскать не мог по случаю дешевизны скота и лошадей, то предлагал Жутову получить определенную сумму по оценке скотом, от чего последний отказывается, требуя уплату деньгами, а так как на основании обычая, практикующегося в среде Кабарды, плата калыма должна быть произведена скотом, а не продажей имущества с аукционного торга для выручки этого капитала, как делает пристав по исполнительному листу, и как в постановлении суда не сказано, что уплата должна быть произведена по оценке скотом, то я прошу оный суд не оставить постановить решение так, чтобы с меня получил Жутов 400 р. по оценке скотом, а не деньгами»¹⁰⁷. Однако Жутов не только не согласился с предложением Кармова, но и стал добиваться, чтобы ответчик уплатил ему и обусловленную неустойку в размере 100 руб. Во избежание худшего исхода Кармов уже в начале ноября уплатил следующую в счет калыма сумму 400 руб.

ЗЕКОРЕЕВЫ. Происхождение фамилии в литературе объясняется следующим образом: «Кабардинская фамилия Зек1уэрей «Зекореев» образовалась всего лишь сто лет назад по прозвищу человека, уже имевшего другую фамилию - Гьук1эпшокъуэ... А прозвище, ставшее фамилией, он получил оттого, что часто с Кубани в Каменномостское (на Малке) навещался к полюбившейся девушке (Зек1уэрей - букв. много ходящий, странствующий) *»¹⁰⁸.

Это сообщение нуждается в комментариях.

Во-первых, Зекореевы раньше, возможно, носили фамилию Гьук1эпшокъуэ, т.е. Гукешкоков. Последние проживали на Чегеме. Обе фамилии считаются родственными ** (инф. Аус Зекореев, сел. Совхозное).

Во-вторых, что касается мнения о происхождении фамилии от прозвища «Зек1уэрей», обращает на себя внимание форма ее записи в посемейном списке сел. Кармова за 1886 г.: «Закиреев Пшунетл Закиреевич и его сыновья Ибрагим, Харун, Нох, Масхун». Отсюда логично предположение, что фамилия Зекореев восходит, скорее всего, к довольно распространенному в

те времена имени - Зэчрей (Закирей).

В-третьих, в приведенном фрагменте отмечается, будто бы Зекореев часто навещался к полюбившейся девушке «с Кубани в Каменномостское» (Кармово). Романтическая картина! А ведь речь идет о крестьянине в условиях крепостного права. Только сын Закирея Пшунетл был освобожден от зависимости. Кстати, выкупное свидетельство Пшунетля Закиреевича долго хранилось в архиве его внука Амина Зекореева. В этом документе, составленном 18 ноября 1866 г., изложены условия освобождения Пшунетля и членов его семьи. В течение двух лет они обязаны были платить выкуп хозяину Есенею Думанову 500 руб. серебром. В том числе: Пшунетл - 180 руб., а его супруга Куна - 200 руб.¹⁰⁹ Отсюда видно, что хождения Закирея в условиях крепостной неволи не более чем красивая легенда. К тому же следует добавить и уточнить немаловажную деталь: Закирей никак не мог навещаться «с Кубани», ибо он проживал на Чегеме, а затем на р. Малке в ауле Думанова.

По сведениям 1825 г., в ауле Магомета Асланкирова (на Малке) находился 3-й степени узден Мисост Зекуреев. А в переписке 1840 г. среди переселенцев из деревни Брагун, выселившихся из Чечни «до построения еще крепости Грозной и после того в скором времени» фигурирует некто Дзукареев. Близкие по звучанию, эти три фамилии родственных связей не имеют.

* Ссылка на устное сообщение Н. Н. Зекореева.

** По сведениям Я. Шарданова 1825 г., в ауле Тасолтана Кудинетова проживали узден 3-й степени Кучмазуко Гукепшоков и бежавший за Кубань узден Тлепш Гукепшоков. Родственная связь между двумя фамилиями не прослеживается документально.

КАЛАЖОКОВЫ. В 60-х гг. XIX в. Калажиковы находились в абазинском ауле Абукова. Из аула Абукова в сел. Ашабово переселился «вольного сословия» Ахмед Калажиков с сыновьями Аслангиреем, Измаилом, Али, Адильгиреем. Данное семейство вскоре переселилось в сел. Кармово. Об этом свидетельствует посемейный список 1886 г., где указан двор Калажикова Ахмеда Магометовича с братом Салихом и сыновьями Аслан-Гиреем, Исмаилом, Али, Алимурзой, Ибрагимом. Судя по именам, речь идет об одной и той же семье, часть которой и ныне проживает в сел. Малка (быв. Ашабово).

Калажиковы принимали активное участие в коллективизации селения. Турк Калажиков был избран первым председателем молочно-животноводческого колхоза (артели) «Красный Аурсентх» в 1931 г.

КАМБИЕВЫ. Термин «къамби» встречается у абазин. Л. И. Лавров упоминает также о карачаевцах Камбиевых.

Некоторые сведения о фамилии содержатся в прошении от 1844 г., адресованном начальнику Центра Кавказской линии Голицыну, в котором, в частности, говорится: «По возмущении кабардинцев в 1825 году отец мой Хажи Даут Камбиев, оставив меня (т. е. просительницу, уздену Аркуят - СБ.) в доме дяди моего Хажели *, родного брата своего, учинил переселение за Кубань... Имение же, оставленное под управлением брата Хажели, заключавшееся в холопах, мне не приносило никакой выгоды и по сей день [они] проживают в ауле покойного подполковника князя Кучука Джанхотова праздными... на принуждение мое отзываются, что будто бы они вольные согласно прокламации Ермолова»¹¹⁰.

Фамилию Камбиев носили выходцы из различных сословий: князья, первостепенные уздени и крестьяне. Так, в надписи на рапорте о наследстве пристава бесленеевского народа и закубанских армян от 17 марта 1850 г. начальнику правого фланга Кавказской линии отмечено, что «дана доверенность для разбирательства с князем Камбиевым своему крестьянину Тату Камбиеву»¹¹¹.

По данным 1886 г., в селении проживали Камбиев Хажимахо Магометович и братья его Ибрагим и Мазан - всего 5 семейств. Представители этой фамилии оставили заметный след в истории селения. Активным участником гражданской войны был Камбиев Хамшик Матгериевич. В наше время Героем Социалистического Труда стал педагог Мухаб Алимович Камбиев.

КАРМОВЫ **. Кабардинский просветитель Талиб Кашежев в фольклорной записи «Крымцы в Кабарде» упоминал, что на «речке Мазех, правом притоке Малки, стоял аул Кармов»¹¹². Однако в какие именно годы он находился здесь, автор записи указать, естественно, не мог, поскольку пользовался лишь преданием. Географическое название, связанное с Кармовыми, имеется на юго-западе Старого Лескена - «хребет Кармовского селениям («Къэрмэхъэблэ ытх»)»¹¹³.

* Кайтукиной фамилии узден Хажали Камбиев в 1825 г. проживал в ауле князя Тембота Кайтукина на Черке.

** К1арма (с абаз.) - калина (ягоды и растение). Рассказывают, что Кар-мовы раньше назывались Тхапш (Тхъэшц?). Здесь речь может идти о возможной связи этого слова с упоминаемым Хан-Гиреем термином «тххашь», что соответствовало «приходу». Понятие, должно быть, восходит к временам язычества, когда люди племени «сходились к известным рощам и другим примечательным местам, где и совершали жертвоприношения разных животных».

Самые ранние исторические сведения о Кармовых восходят к началу XVIII в. и связаны с именем Жабаги Казаноко. Около 1707 г., во время одной из карательных экспедиций крымского хана в Кабарду, его войско расположилось в районе Кызбуруна. Казаноко, узнав об этом, решил раз и навсегда покончить с чужеземным насилием. По его мудрому совету каждый хозяин был обязан в назначенный час зарезать, не допуская шума, расквартированных заранее по домам незваных гостей. В таком необычном адыгском «гостеприимстве» отказались принимать участие лишь Кармовы, которых за это народ прозвал робкими.

Первое научно достоверное упоминание об ауле Кармова оставил П. С. Паллас (1741 - 1811), который во время своего путешествия на Северный Кавказ застал «близ гор Машука и Бештау» аулы Аджиева, Трамова, Джантемирова и Кармова ш. А свое путешествие П. С. Паллас совершал в 1793 - 1794 гг., и, следовательно, именно к этому времени относятся первые письменные сведения об ауле Кармова. Однако перечисленные поселения не имели постоянной оседлости. В 1817 г. Кавказ-

скому гражданскому губернатору из Константиногорска сообщали, что Травов аул был «переселен в прошлом 1816 г. с сей стороны за границу на речку Бугунту, где ныне оной находится»¹¹⁵. В том же рапорте указывалось на «недавно переселенных из-за границы на нашу сторону таковых двух аулов: Кармова и Аджиева». Значит, эти аулы ранее находились на «сей стороне», т. е. на Куме и Подкумке. По данным Н. Г. Волковой, в 1819 г. на юго-восточном склоне Бештау располагался Хаджи-аул и «Карма-кабак поблизости от подножия Бештау, слева от Хаджи-аула»¹¹⁶. Вероятно, именно эти аулы описаны в поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей»:

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встает,
И за крутым Бешту садится,
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной;
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был.
.....
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!

Одним из этих «мирных аулов» мог быть и аул Кармова, поселившийся позднее на Малке близ Известнобродского поста. В первой половине XIX в. продолжалось заселение нынешней территории Кабардино-Балкарии. В частности, в 1825 - 1847 гг. «18 аулов переселены из-за Малки от Бештовых гор»¹¹⁷. Наряду с аулами Аджиева и Абезыванова, аул Кармова считался «жителями вне Кабарды»¹¹⁸. По поводу переселения кармовцев Шора Ногмов писал: «Желая вступить в воинскую службу, еще в 1828 г. изготовился было я всем необходимым к следованию с отправляющимися тогда в Санкт-Петербург в состав формируемого лейбгвардии Кавказского Горского полускадрона кабардинскими князьями и узденями для вступления в оный на службу, но по случаю переселения аула нашего из-под Бештовых гор к реке Малке я обязан был с подвластными моими устроить на сем новом месте пристанище и для обеспечения моего семейства в пропитании хозяйство».

Сведения о составе населения аула Кармова в 30-е гг. XIX в. содержатся в дневнике академика А. М. Шегрена. В 1838 г. записано: «...Наконец, предпринял я мою давно задуманную поездку, чтобы навестить поручика Ногма... Часа в два прибыл я к месту моего назначения в Кармов аул, где у меня верный Шора, верный дом. Селение это, лежащее у реки Малки, населено черкесами и абазинами и имеет около 40 дворов»¹¹⁹.

Однако аул на своем новом месте находился сравнительно недолго. Уже в конце 40-х гг. (точнее, с 1848 г.) его жители Кизильбек Кармов и подпоручик Шу Кармов неоднократно обращались в Кабардинский временный суд с просьбами о переселении на другое место. Вопрос этот возник в связи с отмежеванием части аульной земли казакам Волгской бригады. В своих прошениях Кармовы сетовали на «все невыгоды и стеснительное положение в настоящем месте их жительства в поземельном довольствии» и просили «вновь разрешения поселиться на пустопорожном месте ниже Каменноостского укрепления на р. Еманкул»¹²⁰. О намерении переселить аулы известно из «Доклада о переселении аулов кабардинских узденей Анзоровых на другие места», составленного 10 сентября 1846 г., в котором, в частности, говорилось: «...на том же самом месте, где теперь стоят три аула: Абезыванова, Кармова и Хаджиева, которые по поселении станицы, высочайше здесь назначенной, должны будут перейти на правый берег Малки». Таким образом, оставалось лишь выбрать новое место поселения.

В качестве такового первоначально был предложен участок земли на Куркужине, однако Кабардинский временный суд разъяснил, что «не находит возможным поселить на Куркужине аул Кармова, потому что там пастбищные места и табунов, и отар фамилии Мисостовой»¹²¹. Дело решилось окончательно лишь к 1853 г., и в том же году аул переехал. Об этом свидетельствует рапорт штабс-ротмистра Кизильбека Кармова в Кабардинский временный суд от 30 мая 1853 г.: «Оный суд предписанием от 21 числа февраля сего года за № 211 возложил на меня обязанность о наблюдении за местностью от Известного брода до Агубекова аула за непереследом кабардинцами на линию без установленных свидетельств... ныне же по случаю переселения моего из; б. Кармова аула на другое место, состоящее близ Каменноостского укрепления, по отдаленности исполнить этого не могу, а потому покорнейше прошу Кабардинский суд от обязанности этой меня уволить и в разрешение сего снабдить меня предписанием». Кармов был «уволен», а вместо него назначен подпоручик Жантемир Абдрахманов (отец генерал-майора Ф. Абдрахманова), однако он недолго пробыл в этой должности. В декабре 1853 г. капитан Анзоров рапортовал суду, что «в прошлом месяце 18 числа подпоручик Жантемир Абдрахманов от долговременной болезни волею божью умер»¹²².

Само же переселение, как ясно из рапорта Кармова, состоялось несколько раньше. Об этом свидетельствует рапорт воинского, начальника Каменноостского укрепления прапорщика Петренко от 24 мая 1853 г. начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Грамотину. «В ночь с 23-го на 24-е число сего месяца, - говорится в нем, - произведена была в укреплении Каменноостском тревога по случаю отбития скотины у поселявшегося близ одного аулом штабс-ротмистра Кармова (выделено нами. - С. Б.), в коей были произведены 2 выстрела со стороны злоумышленников в карауливших скот крестьян Кармова - на что были посланы в помощь господину Кармову 10 казаков». Из расследования происшествия выясняется следующее: «...Кармов с командами казаков в то же время горячими следами отправились в преследование злодеев, но по темноте ночи открыть (обнаружить. - С. Б.) никак не могли, почему и возвратились. Наконец, утром, чуть свет... ротмистр Кармов вновь с командою казаков отправился на место происшествия и довел следы до Бабукова аула, что на речке Малке, где и нашел из них одну пару, которые, вероятно, по сделанной им тревоге кем-либо из жителей спущены со двора... Третий же бык прибежал в прежде занимаемый Кармовым аул, что близ Известнобродского поста»¹²³.

Приведенные документы недвусмысленно показывают, что аул Кармова основался на ныне занимаемом месте в 1853 г., в мае, очевидно, с наступлением пастбищного сезона. А 23 мая (по старому стилю) можно считать даже датой поселения аула, ибо в рапорте точно указано, что Кармов в этот день только переселялся. Любопытно сравнить эту подлинную дату с бытующим (главным образом, среди односельчан пожилого возраста) мнением, опирающимся якобы на высказывания старожилых прошлых поколений, согласно которому «селение Каменноостское основано более 300 лет тому назад»¹²⁴. В связи с этим уместно ознакомиться и с тем, что же в действительности могли говорить и говорили по этому поводу те самые предшественники, на которых делается несправедливая ссылка.

Речь идет о прошении доверенных * общества сел. Кармова начальнику Георгиевского округа от 22 февраля 1873 г., которое к тому же характеризует их место жительства, рисуя нищенские условия существования и постоянные жалобы, остававшиеся без должного внимания местной администрации. Вот выдержки из этого документа: «С поселением в 1853 году селения нашего на настоящем месте, т. е. Каменном мосту, и затем в 1864 году с соединением малых аулов в большие, жители нашего селения по неимению места вследствие каменистого грунта земли и вообще господствующих над селением гор... занимали пахотные места на Золке... но теперь кабардинское общество и в этом единственном для нас средстве к жизни стало отказывать. Не имея возможности где-либо изыскать для себя под пахоту подручную землю, мы заявляли об этом важном стеснительном недостатке межевым чиновникам Терской области, которые объяснили нам, что земля под пахоту селения нашего должна по проекту опять остаться на Золке, что даже неизвестно лично его императорскому высочеству наместнику Кавказскому в проезд его в 1868 году через наше селение **», но до сих пор мы никакого результата не получаем»¹²⁵.

Итак, по интересующему нас в данном случае вопросу документ устанавливает разницу между тем, что говорили на самом деле предшественники в 1873 г., с тем, что со ссылкой на них же предположительно говорят их наследники в 1967 г. - на 186 лет!

Пока точно не установлено, сколько дворов переселилось на новое место, но в 1859 г. их насчитывалось 39. Если сравнить эту цифру с данными А.М. Шёгрена за 1838 г. (40 дворов), можно сделать вывод, что не все жители последовали за Кармовым. В то же время к переселенцам присоединились некоторые жители соседних аулов. Например, Коковы и Пшеуновы из Тримова. Кроме Кармовых в числе первопоселенцев оказались Абиловы, Хамнафовы (Мусовы), Ногмовы, Бишеновы, Жамановы, Кашежевы, Шериевы, Темботовы, Эштрековы, Шхануковы. Имеются данные о сословном составе собственно Кармова. На 1 января 1864 г., т. е. до начала переселения сюда же других аулов, в сел. Кармова насчитывалось 335 жителей, населявших 40 дворов вольного происхождения. Кроме того, имелся 21 двор зависимых крестьян. В них проживало 179 человек, в том числе 92 мужчины и 87 женщин ¹²⁶.

* Фица Хамизов, Канамат Кармов, Абдулла Абрегов.

** Наместник Кавказа Михаил Николаевич Романов действительно побывал в сел. Кармова, но не в 1868, а в 1869 г. По этому поводу газета «Терские ведомости» писала: «Его императорское высочество государь-наместник, возвращаясь из последней поездки в Кубанскую область, соизволил изъявить желание посетить часть нагорного населения Кабардинского округа. 7 числа настоящего мая месяца... на границе округа, по пути из Кисловодска... в 2 часа пополудни изволил прибыть в первый лежащий по пути аул Кармова, у бывшего Каменноостского укрепления... был встречен хлебом-солью - этим чисто русским выражением радушного гостеприимства... После завтрака, приготовленного в этом ауле и состоявшего частью из туземных блюд, великий князь изволил отправиться в аул Верхний Атажукина, где был назначен ночлег».

Нелишне здесь заметить, что в административно-полицейском отношении к сел. Кармова относился поселок Хабаз. В 1886 г. был составлен проект поземельного устройства безземельных горцев. В соответствии с ним в 1888 г. состоялся «отвод участка количеством 1300 десятин на 100 дворов при реке Малке для образования поселка из безземельных горцев», который распоряжением местной администрации назван «Хабаз». Первоначально к переселению было намечено 30 дворов.

По данным военно-конской переписи 1896 года в Хабазе насчитывалось 45 дворов. Следующие главы семейств: Нану Аппаев, Атаби Боташев, Тота Гашеев, Карама Гузов, Дзарашу Гельдеев, Закирей Джангуланов, Али Догудоев, Каплан Жерештиев, Аслангирей Киштыков, Бейкуль Кунаев, Закай Мокаев, Ельмурза Озеев, Дебош Сузороков, Атаби Саранаев, Боташ Тамаев, Ортабай Тебеев, Али Текаев, Гассо Тетуев, Татар Уянаев, Биби(льда) Ульбашев, Паша Шакманов и другие, всего 40 дворов, - состоявшие из перечисленной двадцати одной фамилии, - должны считаться основателями сел. Хабаз. Кроме них, по той же переписи пять фамилий: Акулов, Гемуев, Дудоев, Джаттоев и Хопаев зафиксированы как «посторонние», т. е. как не имевшие в поселке постоянного места жительства.

В 1904 году в поселке проживали 53 двора. В предписании Терского областного правления начальнику Нальчикского округа определялись условия причисления пос. Хабаз к сел. Кармова. Хабазцы были обязаны «участвовать с обществом селения Кармово в несении денежных расходов пропорционально населению; только на содержание старшины Кармовского селения 250 рублей, писаря - 276 рублей, стражи при сельском правлении - 60 р., и на канцелярские принадлежности и освещение сельского правления - 90 р., а всего 676 р. или по 2 р. 50 к. с дыма».

Хабаз отделился от сел. Кармова 26 ноября 1914 г. В этот день военный генерал-губернатор Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска генерал-лейтенант Флейшер утвердил прошение общего присутствия Терского областного правления, в котором, в частности, отмечено: «Выделить поселок Хабаз Нальчикского округа из ведения Кармовского сельского правления с преобразованием этого поселка в селение и учреждением в нем самостоятельного сельского общественного управления и открытием сельского правления».

К сел. Кармова в административном отношении причислялись также несколько хуторов: Кургоко Анзорова, фон Гарпе, Андрея и Абади Кубаловых, Койсыма Джаттоева, Лафишева, Кармова (Кучука), Губаревых.

КАШЕЖЕВЫ. О происхождении этой фамилии Талиб Кашежев писал: «У братьев Кармовых (Кануко и Кандохо. - С.Б.) был крестьянин по имени Бей, который, как говорят, был до того силен, что, отправляясь в лес, вырубал ступицы, ободья колес и все деревянные принадлежности арбы, привязывал к большому брусу и нес все это на своих плечах... У этого Бея были два сына: Кашеж и Шеру; от первого пошли Кашежевы, а от второго Шеруовы»¹²⁷.

В родословной Кашежевых, передающейся со слов Псабыды Кашежева, упоминается тот самый Бей. Предок фамилии - Даут. За ним следуют: Зэчрей, Бей, Тасэ (Тласэ). У последнего сыновья Кашеж и Шеру. Следовательно, в этом списке Бей доводится им дедушкой. У родоначальника Кашежевых был сын Жамирза. Далее его потомки: Губжоко, Псабида, Талиб (инф. Заурбек Кашежев).

Следует остановиться на еще одной любопытной легенде. Согласно ей, Кашежевы некогда были возведены в степень узденей, но вскоре, по вине Кармовых, были ее лишены. Тогда же и Кармовы утратили достоинство первостепенных узденей. Причиной послужило, что Кармовы осмелились ослушаться кабардинского князя Кургоко и спасли жизнь крымского хана (инф. З. Кармов).

Трудно судить, насколько достоверна легенда. Однако, исходя из того, что Кармовы в феодальной иерархии Кабарды известны лишь как уздени второй степени (беслен-уорк), можно предположить, что они действительно подверглись понижению.

Предки некоторых первостепенных узденей, по Хан-Гирею, могли быть и «сами князьями, но бедственными обстоятельствами, как-то: истреблением в фамилиях лучших воинов, слабости их наследников и тому подобными, принуждены были признать над собою власть... князей, вступив на весьма значительных условиях в один разряд с старожилыми дворянами того владельца».

Подобные случаи не так уж редки в практике кабардинского феодализма. Понижению в сословном достоинстве подвергались даже князья. Шора Ногмов писал, что «Кайтуко Тохтамышев - потомок князя Тохтамыша, ведшего род от самого Инала - бежавший от заговора братьев и вскоре вернувшийся... отказался от княжества, почему ныне дом Кайтуков считается между первостепенными узденями»¹²⁸.

Подобное же событие, связанное с восстанием и гневом народа, упоминается В. П. Пожидаевым. Ссылаясь на предание, он отмечает, что были «лишены княжеского звания те же Тахтамышевы и Апшев»¹²⁹. Предание подтверждается и архивным материалом. В 1872 г. на запрос канцелярии начальника Терской области, «принадлежал ли участок «Псухаба» (в горах, выше аула Тохтамышева. - С. Б.) ротмистру Анзору и узденю Жамботу Тахтамышевым на правах частной собственности и имели ли они право продать таковой узденям Тлибоковым», было разъяснено, что Тохтамышевы «имели право, как бывшие князья»¹³⁰.

Относительно Кармовых в фольклорной записи Т. Кашежева «Крымцы в Кабарде» говорится, что «сам хан гостил у братьев Кармовых и был женат на родной их сестре»¹³¹. Трудно допустить мысль, что крымский хан был бы женат на дочери второстепенного узденя и гостил бы у него, а не у кабардинского князя! Понижение Кармовых в звании могло последовать за то, что, ослушавшись воли князя Кургоко ночью «умертвить всех крымцев, расположенных по домам кабардинцев», они не только пощадили жизнь хана, но и помогли ему бежать. В этом им помог Бей, что, естественно, могло повлечь лишение его недавно приобретенного узденства. А получить это достоинство он мог за победу над ханским пелуаном, ведь перед единокком князь обещал, что «он постарается о том, чтобы его (Бея. - С. Б.) руки были подлиннее».

Следует обратить внимание, что, говоря о Бее как о крестьянине, «простом человеке», Кашежев, видимо, имел в виду, что тот не был крепостным, а оставался свободным общинником (тлхукотлем), выходцы же из этого сословия при определенных обстоятельствах могли быть возведены в узденство.

Этимология антропонима Кашеж в обиходе объясняется просто: будто человек, получивший это имя, был послан вернуть кого-то откуда-то. Но ведь до этого у него уже должно было быть имя! В подобном народном объяснении, однако, одно безусловно справедливо: наречение ребенка было делом далеко не случайным. В этой связи В. А. Никонов отмечает: «У большинства народов в разные эпохи наречение (или смена имени) связано с различными обрядами, которые подчас таят черты, раскрывающие много ранее неизвестного о былом быте, строе и верованиях народа»¹³².

Один из возможных источников фамилии содержится в «Истории...» Ш. Ногмова. Он писал: «После победоносной битвы кабардинцев (князь Эльжеруко) между Чегемом и Баксаном... за Малкою для нас имя аварского хана и влияние ходанского народа прекратилось. Испытав силы кабардинцев, они говорили: кишжи-бек, что на татарском языке значит: «...твердость не в каменной ограде, а в мужестве людей». С тех пор место между Чегемом и Баксаном называется Кишжи-бек (Кишпек. - С. Б.)»¹³³.

Нелегко удержаться от предположения, что имя Кашеж - видоизмененное кишжи-бек, где утрачен аффикс «бек», - и могло быть дано новорожденному в то время, когда в памяти народа были еще живы упоминаемое Ногмовым историческое событие и связанная с ним поговорка. Следует добавить, что селение под названием Кишпек в XIX в. находилось у подошвы г. Бештау, т. е. в местах обитания аула Кармова, а соседний с ним населенный пункт назывался Къейшу.

По данным 1886 г., в селе проживали Кашежев Дударуко Салихович и братья Генардуко и Иналуко, а всего 10 семейств из данной фамилии.

КЕШТОВЫ. Предание относит фамилию как принадлежавшую мудавеям (инф. И. Кештов). В литературе отмечено, что в XVIII в. горные абазинцы жили в верховьях рек Мзымты, Псоу и их притоков и были известны под названием «медовеевцев»¹³⁴. По свидетельству Ф. Ф. Торнау (30-е гг. XIX в.), «известные у черкес, живущих на северной стороне гор под об-

щим именем медовеевцев (другое название - «мдюаа».- - С. Б.) суть абхазцы, удалившиеся по разным причинам в неприступные скалы, сопредельные снегам... Неприступность жилищ и крайняя бедность сделали медовеевцев хищниками, страшными своим соседям... Во всех четырех медовеевских селениях (Псоу, Анбге, Ахчипсоу и Чужгуча. - С. Б.) первенствует фамилия Маршания. Медовеевцев... нельзя полагать более 500 душ мужского полу». Интересны также замечания Ф.Ф. Торнау о том, что «медовеевцы не имеют никаких религиозных понятий. Некоторые только из дворян исполняют обряды, предписываемые магометанскою верою, не заботясь, впрочем, о догматах ее»¹³⁵. Подробности об этом племени находим у С.Т. Званбы. Он писал: «...живет на р. Мзымта до самого снегового хребта общество Ахчипсоу, имеющее 900 дворов... Они известны у кабардинцев и убых под именем медазюй, из чего русские сделали медовой. Медовеевцы говорили на абхазском языке»¹³⁶. По другим источникам, «Мудавия - горная часть Малой Абхазии, называется на адыгских языках мдавей»¹³⁷.

Первые сведения о Кештовых относятся к 40-м гг. XIX в. В 1848 г. исполняющий должность начальника Центра Кавказской линии уведомлял начальника станицы Александровской: «...я разрешаю уряднику Мыхцеву тело умершего от раны казака Бабуковской станицы Аис Кештова предать земле, но предлагаю вам пока не будет оно освидетельствовано медиком, приказать не хоронить тело»¹³⁸. А. Кештов состоял в 5-й сотне Владикавказского казачьего полка и служил переводчиком при станице Александровской. Был смертельно ранен в ауле Ворокова, что располагался по соседству с аулом М.М. Анзорова. Из станицы Бабуковской Кештовы могли переселиться на другое место жительства после упразднения последней в 1860 г. Некоторые из них проживают в нынешнем сел. Карагач.

Фамилия встречается также в ауле Хагундокова на Куме. В 1868 г. здесь проживали: Салих Кештов «из узденей» и временнообязанный Магомет Кештов. Видимо, он-то и попал в список жителей сел. Кармова за 1886 г. В этом же списке значатся Кештов Магомет Тлишевич и Кештов Абдулах Товежевич.

КИПОВЫ. В тюркском языке слово «кып» означает «ущелье». Киповы - выходцы из сел. Сармаково (быв. Бабуково).

1767 г. в Кабарде вспыхнуло восстание крестьян, носившее организованный характер. Его руководителями были: Калабек Кепов, Муса Пшиготыжев и Мерем Бичеев¹³⁹.

Поиски материалов по истории отдельных фамилий часто позволяют уточнять такие факты и события, которые имеют к ним лишь косвенное отношение, но сами по себе интересны и значительны. Так, в одном документе фигурирует «атажукинской фамилии уздень Каирбек Кипов», имевший надобность съездить на Кубань о деревню «Тохтамышевскую для взятия оттоль узденя Бабукова на прежнее в Кабарду жительство». В связи с этим Кабардинский временный суд просил администрации «не оставить выдачею билета на свободный проезд сказанного узденя Кипова через Известнобродский карантин». В журнале выданных билетов сделана такая запись: «2 марта 1837 года № 61, билет живущему на речке Чегем в ауле узденя Бабукова, узденю Каир-Беку Кипову»¹⁴⁰. В приведенном документе, кроме указания места жительства и сословного положения Кипова *, привлекает внимание такая деталь: аул Бабукова в то время располагался на Чегеме.

Этот факт подтверждается и сведениями Хан-Гирея. В «Записках о Черкесии» (1836 г.) упоминается аул «Бабукие» на «Шедеме» (Чегеме. - С. Б.). Кроме того, известна карта Кавказского края, составленная в штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1842 г., на которой аул Бабукова также обозначен лишь на Чегеме.

В литературе встречаются другие соображения относительно географического местоположения аула Бабукова. В частности, Н. Г. Волкова пишет, что этот аул находился в горах, а около 1743 г. перешел на правый берег р. Малки (т. е. на территорию нынешнего сел. Сармакова). Такое мнение имеет определенное основание. Оно, очевидно, опирается на объяснение к кабардинской ландкарте 1744 г. Объяснение указывает, что «деревня Бабукова ...прежде была в горах, а ныне, тому лет с 10, поселилась на Малке, а между тем переселялась к вершине Кумы, и паки на Малк возвратилась». В 1776 г. знатные кабардинские уздени Куденетовы, Тамбиевы (так в документе. - С. Б.) и Бабуковы просили, чтобы «оставили их владельцы с их чагарами до весны на жительство в нынешних местах по Баксану, Чегему, Нальчику и Шалушке». При этом отмечалось, что «в будущую весну и они на Куму реку ко владельцам своим перейдут»¹⁴².

Эти документы свидетельствуют о том, что бабуковцы, так же как и многие их соплеменники, не имели постоянной оседлости. Кстати, и 1743 г. не может считаться датой основания сел. Бабуково, что явствует из самого текста объяснения: «прежде была (деревня) в горах», «а ныне тому лет с 10» (т. е. ориентировочно, приблизительно) и т. д. Такой вывод подтверждается и свидетельством И. А. Гюльденштедта. В 1790 г. он писал, что «деревня Ба-букт (т. е. Бабукова. - С. Б.) на левой стороне Малки, в 40 верстах на полдень от Георгиевской крепости» относится к части абхазского народа, «которая в прежнем столетии на северную сторону гор перешла, где она между черкесскими уездами, Кабардою... и живет»¹⁴³. Следовательно, первые письменные сведения об ауле Бабукова относятся к XVII в. Об этом также говорит и отписка Терских воевод, согласно которой в 1643 г. на верность России среди прочих владельцев присягал Джаным мурза Бабуков. По мнению Е. Н. Кушевой, он, «возможно, представлял абазин бабуковцев, не входивших в число основных тапантовских племен»¹⁴⁴.

* Фамилия представлена различными сословиями. В 1853 г. вольный кабардинец Якуб Кипов, обращаясь к начальнику Центра Голицыну, писал: «Назад тому 75 лет, как родной отец мой Мерем получил вольность от владельца своего узденя Османа Сасикова; с того времени я пользуюсь свободою и никто из-кабардинских узденей не называл меня своим холопом»¹⁴¹.

Аул Бабукова в первой четверти XIX в. находился в 5 - 6 верстах от Георгиевска. В нем, по свидетельству очевидцев, в 1819 г. проживали абазинцы и кабардинцы¹⁴⁵.

Но, как можно судить по документам, аул этот в район Георгиевска перебрался значительно раньше. Сошлемся на свидетельство, выданное в 1855 г. кабардинскому 2-й степени узденю Тире Тяжгову. В нем говорится, что предок его фамилии

«назад тому более 70 лет со всем его семейством и родовыми холопами, оставив пределы древних в Кабарде жилищ своих... поселились постоянным и твердым жительством в станице, именуемой ныне Бабуковскою»¹⁴⁶. Таким образом, свидетельство устанавливает приблизительную дату переселения бабуковцев к Георгиевску - не позднее 1785 г. Как видно, Л. И. Лавров не вполне справедливо упрекал И. В. Бентковского, считавшего (с разницей в среднем 5 лет), что сел. Бабуковское образовалось возле Георгиевска около 1790 г., ссылаясь на то, что еще в 1774 г. оно находилось на р. Малке несколько ниже устья р. Кичмалки. Но ведь Бентковский имел в виду не вообще возникновение сел. Бабуково, а образование селения в районе Георгиевска. Добавим к этому, что бабуковцы на новом месте поселились на правах горского аула, который лишь впоследствии был преобразован в станицу. Из рапорта генерал-адъютанта Орбелиани военному министру Сухозанету ясно, что «7 бригады Кавказского линейного казачьего войска станица Бабуковская основана была еще в 1820-х годах из горских выходцев. Водворенная сначала в виде аула, она обращена потом в обыкновенную казачью станицу введением между ее жителями исподволь наших казачьих учреждений, иногда с согласия их, а иногда и против их воли»¹⁴⁷.

Во всеподданнейшем рапорте А. П. Ермолова от 11 марта 1821 г. указано, что Бабуков аул находится «с 1783 года на земле Георгиевских казаков». И хотя по источникам за 1823 г. отмечены также «абазинцы и с ними черкесы Бабукова аула, живущие 35 лет на землях Волгского казачьего полка», т. е. с 1788 г., наиболее достоверной датой переселения бабуковцев к Георгиевску следует считать ту, которая указана А. П. Ермоловым, а именно 1783 год.

Образование Бабуковской станицы относится к 1821 г. В это время генерал А. П. Ермолов решил организовать из аула, состоявшего «наполовину из кабардинцев, наполовину из абазин», «постоянный конный отряд численностью в сто сабель, подчиненный командиру Волгского казачьего полка». В 1822 г. по приказу Александра I отряд преобразован в казачью сотню, а «...жителям оного (аула. - С. Б.) было объявлено, что начальству угодно аул этот обратить в казачью станицу и что если кто из жителей оного пожелает остаться в казачьем сословии, то, не переселяясь, оставались бы в этом ауле, не изъявившие же желания переселялись бы в Кабарду»¹⁴⁸. Надо полагать, жители, не изъявившие желания «остаться в казачьем сословии», вернулись на Малку, что отразилось и в ведомости Я. Шарданова за 1825 г. Во время волнений бабуковцы бежали на Кубань, а вернувшись оттуда, вероятно, в конце 20-х - начале 30-х гг. XIX в., обосновались (вероятно, по указанию начальства) на Чегеме.

Выше отмечено, что аул Бабукова до 1842 г. (как минимум) находился на Чегеме. А по данным Петрусевича (1846 г.), это селение располагалось уже на Малке. Отсюда ясно, что окончательная оседлость аула Бабукова приобретена между 1842 и 1846 гг. Документ, как раз связанный с фамилией Киповых, позволяет сузить эти хронологические рамки. В 40-х гг. некто узденъ Хажели Кипов, излагая суть дела в прошении, пояснял, что он год назад заехал «для ночлега в станицу Бабуковскую к Магомету Тяжгову» и что у него были «нашего аула Эдык Мудранов и абрек, находящийся тогда и теперь в бегах Аюб Тленьшов». Прошение подписано так: «...к сему узденъ Хожу Кипов... 19 февраля 1846 года аул Бабуков на Малке»¹⁴⁹. Как явствует из прошения, аул находился на Малке и в феврале 1845 г., а так как зима - не время переселения, то нетрудно сделать вывод, что он располагался там же и в 1844 году.

Наиболее точная дата переселения аула Бабукова на нынешнее место окончательной оседлости - 1842 г. В датированном этим годом документе упоминается «аул Бабуковский на Малке». Противоречие с картой Большой и Малой Кабарды, помещенной тем же годом, в которой аул Бабукова обозначен на Чегеме, может быть снято тем обстоятельством, что карта составлялась по материалам, собранным несколько ранее, или переселение произошло в том же году, но позднее издания карты.

КИРЖИНОВЫ. В традиционной пище осетин и балкарцев к общим блюдам относится «своеобразная каша, гырджын (осет.: карзын) - «хлеб», «чурек»¹⁵⁰.

Г.Ю. Клапрот писал: «...течет ручей Киршин, вдоль южной части второго гребня с востока на запад и впадает в Кумбалай недалеко от его впадения в Терек»¹⁵¹. Возможно, топоним лег в основу фамилии. Один из ее носителей узденъ Аслан Киржинов, проживав в 1825 г. в ауле Актоли Боташева, располагавшемся в Малой Кабарде, на Терек.

В 1864 г. в ауле Хагундокова проживали уздени Талостан Хуржунов и Шопак Куржинов (ср. также этноним куржи - Грузия). Последний при передаче по протоколу этого аула из ведения Кубанской области в Терскую наряду с другими его жителями «приложил чернильный знак перста своего». По данным Ю. И. Зверева, с абазинского аула Жантемирова (на Куме), располагавшегося смежно с аулом Хагундокова, в 1866 г. в Кабарду переселился Бекир Хуржинов¹⁵².

Среди предков фамилии известны: Киржиновы Шупак и Ляма Хажалиевичи. Кстати, имя последнего носит крутая возвышенность в местности Кураты (Ламэ и Гуашхэ).

КОКОВЫ. Переписка 1837 г. свидетельствует о живущих «в Калмыкаевском («что близ Железных вод») ауле» абазинских узденях Хамурзе, Огурли и Новрузе Коковых, которые «за двадцать лет назад прибыли из гор гостями к умершему генерал-майору Султану Менгли Гирею с довольным числом крестьян, из коих Деменей Махов, Кули Дгиджев...»¹⁵³. Как явствует из документа, Кокovy около 1807 г. находились в горах. Вероятно, имеется в виду Кубань, но не исключена также территория Кабарды, где в списках за 1825 г. в ауле Калмыка Трамова (на Черек) проживал узденъ 3-й степени Магомет Кокov с детьми и братьями *. Подробности об упомянутых в переписке Коковых содержатся в прошении «жительствующего близ Железных вод из аула Кокова из абазин узденя Канбота Амурзы Кокова», датированном 1841 г., в котором отмечено: «Покройным отцом моим Амурзою Коковым отпущены на волю назад тому около 15 лет два семейства собственных крестьян Есеней Кишимов 9 и Деменей Маухваев (Махов. - С. Б.) 8 мужского пола душах с тем, чтобы 1-й внес за все свое семейство 3600 рублей серебром, а последний сколько мне неизвестно, которые до отдачи совершенно всех денег должны находиться под моим наблюдением»¹⁵⁵.

В связи с фамилиями Коковых (а также Пшеуновых) выясняются некоторые подробности возникновения постоянной оседлости аула Трамова. В числе других жителей данного населенного пункта они в 1857 г. писали Грамотину: «Первоначально

начальство нас выселило из Кумы... по низовьям р. Черек... вторично нас поселили по правую сторону р. Малки назад тому 30 лет». Судя по этому документу, трамовцы основали современное селение Малка в 1827 г. Через пять лет к ним переселились «с аулом своим на левом берегу Малки, выше Известнобродского карантина», другие трамовцы, располагавшиеся в «Хостовом ауле».

Однако сведения об ауле Трамова встречаются и несколько раньше. По данным Н. Ф. Грабовского, «кабардинцы в 1818 году подвергались довольно строгому взысканию, последствием которого было разорение до основания аула Трамова, находившегося близ Константиногорской крепости (Пятигорска. - С. Б.), и отнятие множества скота для удовлетворения претензий русских, потерявших от хищничества кабардинцев».

В те времена «фамилия Трамовых скиталась в разброде по Кабарде», и, по-видимому, ее представители не считали себя собственно кабардинцами. В своей докладной записке Грамотину поручик Бекмурза Трамов в 1856 г., в частности, указывал, что со дня их поселения на левом берегу р. Малки они «жили счастливо, без всяких притеснений со стороны кабардинцев».

По всей вероятности, аулы Трамова, наряду с аулами Кармова, Аджиева и Абезыванова, находились на правах «жителей вне Кабарды».

* В источниках 50-х гг. XIX в. зафиксирован носитель этой фамилии - Есиной Коков - вольноотпущенник 154.

Перед переселением в сел. Кармова Коковы находились в ауле Трамова, часть их и поныне проживает на старом месте (сел. Малка). В 80 - 90-х гг. Коковы стали одними из наиболее крупных коннозаводчиков селения.

В 1886 г. в сел. Кармова проживал Коков Абдула Кульшарович с сыновьями: Мацем, Идиком, Мусаби. Последнему было 8 лет *. Он, кстати, принимал активное участие в социалистическом строительстве в 20-х гг. Неоднократно избирался председателем исполкома сельского Совета. Молва гласит, что беспартийный Мусаби Абдулович, не будучи сторонником насильственных форм коллективизации, впоследствии отошел от активной работы в советских и хозяйственных органах.

КОЧКАРОВЫ. В список переселенцев из Песчаного аула в сел. Кармова (в 1866 г.) помещен житель Жамбот Кочкаров. Над строкой этой фамилии карандашом сделана приписка «Кушхов», что, видимо, намекает на его этническую принадлежность («кушха» - «горец»). В 80-х гг. в селе проживал Кочкаров Абрек Жамботович. Очевидно, сын переселенца Жамбота Кочкарова.

В источниках упоминаются также карачаевцы Буниянова рода Къочкъярулу. По Данным И. М. Шаманова, среди наиболее крупных скотовладельцев Карачая в конце XIX - начале XX в. - фамилия Кочкаровых.

И еще. В 1925 г. была создана комиссия по оценке земли сел. Каменноостского, в состав которой от селения Гунделен, как сопредельного в межевом отношении, вошли К. Чукуев и А. Качкаров.

КРЫМУКОВЫ. Возникновение фамилии предание объясняет тем, что у человека, находившегося в горах (къыр), возможно, с семьей на пастбище, родился сын, которому дали имя Къырымкъяуэ (Къырым и къяуэ), т.е. сын горы. По рассказам других (инф. Ш. Беканова), предок фамилии - родом из Крыма. Этимологизируя фамилию, нелишне привлечь и сведения И. Барбаро (1413 - 1494), который упоминает о черкесской области Кремук (Кромук, Кремук) 156, которая находилась ориентировочно на территории нынешней Адыгеи, что вполне вероятно. (Отметим еще и речку под названием Карамык.)

По данным за 1867 г., в ауле Хагундокова проживали: Крымуков Кадагаза - «вольного происхождения». Другое семейство - Хангирей Крымуков и его братья Крым-Гирей и Давлет-Гирей, отмеченные в том же списке в качестве «временнообязанных», в источнике за 1886 г. приходится братьями упомянутому Кадагазе - все они сыновья Каншао Крымукова.

* В 1906 г. Мусаби Коков - помощник старшины селения Хабижа Абдрахманова 157.

КРЫМШОКАЛОВЫ. В составе шамхальства Тарковского (Дагестан) находилась территория под названием Бойнакское бийлиство, игравшее в нем значительную роль. Владелец Бойяка считался наследником престола шамхала и назывался Крымшамхалом. Возникновение

этого термина остается спорной проблемой. По мнению некоторых авторов, термин «Крым» произошел от лакского «хърив» или «хъриб», что означает «последующий». Старинная же транскрипция этого слова в вицхинском диалекте означает - «будущий шамхал», «наследник шамхала». Ученые обращают внимание, что данный термин в несколько видоизмененной форме встречается и за пределами современного Дагестана. В частности, у карачаевцев есть антропоним Крымшамхаловы (Крымшакаловы). По сведениям М. М. Ковалевского, у карачаевцев одна дворянская фамилия - Крым-Шакал, которая, как и народ, «платит дань кабардинским князьям Атажукиным» 158. Московские послы, проезжавшие в Сванетию через Баксан, «останавливались у карачаевских предводителей... Крымшамхаловых».

Историки отмечают также, что в карачаевской феодальной среде протурецкой ориентации особенно прочно держались князья Крымшамхаловы, один из которых (Ислам) получил от анапского паши даже титул вали (губернатора). А по преданиям, «кабардинский заложник Крымшамхал» - один из восьми родоначальников-карачаевцев.

Фамилия Крымшамхаловых (Хамза, Абдуразак, Таусултан) числится в списке владельцев карачаевских кошей на Эшаконском участке за 1865 г. Один из них (Абдуразак) только крупного рогатого скота и лошадей имел более 130 голов.

Старинная карачаевская фамилия в несколько измененном варианте - Крымшокалов - встречается в селении и является одной из самых молодых. Возникла она уже в советское время. Немного истории и предания. В посемейном списке сел. Кар-

мова за 1886 г. значится Хакунов Жабек Жамботович - предок Крымшо-каловых в селении с братьями Токушем, Огурли, Якубом. Эта фамилия произошла от имени матери Жабека Жамботовича - Хакуны (Хъэк1унэ), урожденной Лиховой (предположительно, сестры Машука Лихова). Оставшись вдовой и имея ребенка от первого брака с Канаметовым, Хакуна вторично вышла замуж за другого карачаевца - Крымшамхалова. Прижив с ним еще двоих детей, Хакуна снова осталась вдовой, после чего родственники забрали ее домой, в сел. Кармова (инф. Женья Крымшакалова). Так дети Хакуны, оставшись без отцов, стали называться по имени матери - Хакуновыми вплоть до окончания гражданской войны. Об этом говорит список односельчан, погибших в период гражданской войны, в котором значится Хакунаев (Хакунов) Хамзат, убитый в ст. Невинномысской. Свою нынешнюю фамилию Хакуновы получили не позднее 1926 г., о чем свидетельствует посемейный список граждан сел. Каменноостского этого года. В нем упомянутый Якуб Жабекович числится уже Крымшамхаловым. Следовательно, данную фамилию было бы правильнее писать, как в этом документе. Этот Крымшокалов на селе известен как участник Зольского восстания кабардинских крестьян (1913 г.), в ходе которого получил ранение в лицо.

В связи с фамилией Крымшокаловых заслуживает быть отмеченным одно предание. В их роду был человек, приходившийся Якубу прадедом (или прапрадедом), которого звали Каншоубий-большой (Къаншоубийшхуэ). Был также и Каншоубий-маленький (Къаншоубийц1ык1у). По передающимся из поколения в поколение рассказам старожилы села (инф. Женья Крымшакалова, со слов свекра Якуба), об одном из этих Каншоубиев и поется в широко известной старинной карачаево-балкарской (бытующей также и у кабардинцев) народной песне о Каншоубие и Гошагаг «Гошагаг» (Гуашъэгъаг).

По преданию карачаевцев, родоначальником Крымшамхаловых был Бекмурза, имевший четырех сыновей: Эльбуздука, Камгута, Каншау-бия (герой поэмы «Каншау-бий») и Гилястана. Они жили в ауле Эль-Джурт159.

В документах за 1847 г. встречается имя Каншоубия. Кавказская казенная палата писала начальнику Центра Кавказской линии: «Его сиятельство князь наместник Кавказский от 13 ноября 1846 года дал знать казенной палате, что государь император в воздаяние отличия, оказанного при вторжении Шамиля в Кабарду в апреле месяце 1846 года... соизволил выдать единовременные денежные награды»160. В числе 44 награжденных - пятеро представителей рода Крымшамхаловых, среди которых и Каншоуби. В ведомости отмечено, что «деньги и свидетельство получил лично Каншоубий Крымшамхалов и приложил чернильный знак». Как видно, герой народной песни принимал участие в сражениях против Шамиля. Кстати, в том же списке значатся Кизильбек Кармов и карачаевец Кучук Байрамуков. Сословное и служебное положение Каншоуби выясняется из другого документа, в котором говорится о «холопе» прапорщика Каншоубия Крымшамхалова - Абреке, осужденном в 1853 г. на 10 лет за побег в горы, к отбыванию наказания в арестантских ротах в г. Киеве161.

По сведениям В. П. Невской, в 60-х гг. XIX в. карачаевский коннозаводчик Каншоубий Крымшамхалов имел 400 лошадей.

КУАРТОВЫ. В селении имеются жители, фамилии которых нигде более не встречаются. К ним относятся Куартовы (Къуартхэ). Правда, в пос. Кенже проживают Куатовы (Къуатхэ). Старшие представители обеих фамилий поддерживали кровнородственные связи. В настоящее время они почти утрачены.

Один из Куартовых (Картовых) упоминается в материалах комиссии военного суда при Владикавказском ордонанс-гаузе, в 1860 г. Как явствует из документов, еще в 1858 г. «находившиеся в бегах» крестьяне штабс-ротмистра Кизильбека Кармова Махмут Абреков (Абрегов) и Ахмет Картов (восьмой раз) «прибыв на злодеяние в наши границы» были пойманы в кузнице селения. Владелец тотчас передал абреков начальнику Каменноостского военного укрепления, а тот «отправил означенных абреков в штаб 6-й бригады Кавказского линейного казачьего войска». Об опасности, которую представляли абреки для местной администрации, можно судить по мере наказания «преступников», определенной с согласия высшего военного начальства на Кавказе. Как видно из статейного списка, приговор по их делу гласил: Куартова (35 лет) «прогнать шпицрутенами через сто человек пять раз, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на двенадцать лет» (в Тобольский приказ. - С. Б.). Согласно экзекуционному листу и в соответствии с конфирмацией главнокомандующего Кавказской армией генерал-фельдмаршала князя Барятинского, шпицрутенное наказание Картова было приведено в исполнение 3 апреля 1861 г. в укреплении Нальчик «в 5 часов утра за Московскими воротами» в присутствии офицеров *. К месту заключения Картов был осужден следовать «закованным в ножные кандалы».

Абрегов же (40 лет), как содействовавший следствию, получил более мягкий приговор: «...без наказания шпицрутенами отослать для исправления в арестантские роты инженерного ведомства в Динабург на шесть лет, с тем, что если он будет вести себя хорошо, то по истечении этого срока возвратить его на родину с поступлением по-прежнему в холопство штабс-ротмистру Кармову»162.

КУАШЕВЫ. Ряд жителей села в прошлом волею судеб утратил свое родовое имя, в их числе Куашевы (Кхъуэщэхэ). Согласно преданию, Куашевы наряду с другими жителями нашей республики: Куашевыми (К1уашхэ) и Котепаховыми (Кхъуэтепыхэ) - считаются выходцами из абазинского рода Абуковых (Абыкхъуэхэ). В литературе не делается различий между двумя первыми фамилиями, что может служить косвенным подтверждением данной точки зрения. Как рассказывают (инф. Х. Куашев), фамилия произошла будто бы оттого, что в бытность свою около Георгиевска (видимо, Куашевы - бабуковские казаки) Абуковы помогли жителям очистить местность от разгула диких кабанов, которые затем ими были проданы. (Термин Кхъуэщэ буквально означает: продающий свинью.)

КУВАЖУКОВЫ. По преданию (инф. А. К. Куважуков), происхождение фамилии связано с тем, что человек, долго не имевший сына, получив весть о его рождении, очень обрадовался. Отсюда и фамилия - Гуф1эжыкхъуэ, буквально: сын обрадовавшегося.

Фамилия впервые встречается в списках аула Хагундокова за 1864 г. и 1865 г. В них зафиксированы уздени: Джанхот Куважуков **, Кануко Куфажоков, Якуб Куфажоков, Безруко Куфажуков (Уважуков). Несмотря на некоторое разночтение, не приходится сомневаться, что речь идет об одной и той же фамилии. Напрашивается вопрос: к какому термину она восхо-

дит?

* Картов был подвергнут этому варварскому наказанию, действовавшему в России с 1701 г., почти накануне его отмены (1863 г.). Осужденный со связанными руками и обнаженной спиной проходил сквозь строй солдат, которые били его палками из лозняка в сажень длиной вдоль по спине изо всей силы.

** Один из предков рода - Куважуков Бажа (Бажэ).

Имея в виду некоторые адыгские племена (шапсуги, убыхи), Фредерик Дюбуа де Монпере писал: «В наши дни... у них те же легкие галеры, которые греки называли «камора» и они сами называют «каф» или «куафа». По его же сведениям, «эти галеры называются по-черкесски Каф или Коиага, а также Камова»¹⁶³. Возможно, известный черноморский порт и торговый центр Каффа своим названием обязан этому термину? Так, может быть, и фамилия, вариант которой - Куфажоков (Куфажуков), так заманчиво похожая на «каф» и особенно «куафа», восходит к ним?

Укажем и на то, что Куф (осет.: куф) - «большая корзина для перевозки навоза в поле»¹⁶⁴.

В благодарной памяти односельчан навсегда останется одно семейство Куважуковых, судьба которого сложилась на редкость трагично. У грамотного для своего времени Исмеля Джанхотовича было восемь трудолюбивых сыновей и внук. Трое из них - Таиб, Касим и Исуф по ложно сфабрикованному обвинению в кулачестве подверглись репрессиям в период сплошной коллективизации. А шестеро братьев - Ибрагим, Мухад, Башир, Хабас, Ба-расби и Назир (внук) не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны. Один из них погиб в Белоруссии, другой сложил голову, сражаясь под Москвой, третий отдал жизнь в боях за Северный Кавказ... Наверное, не много найдется таких семейств. Память о братьях-воинах, как один вставших грудью на защиту своей Родины и погибших за ее свободу, достойна увековечения.

КУГОТОВЫ. В книге Л. И. Лаврова «Историко-этнографические очерки Кавказа» Куготовы (Коготовы) отнесены к абазинам тапанта. По мнению Х. Х. Биджиева, термин «кугут» - гидроним тюркского происхождения ¹⁶⁵.

Крестьянин Мисоста Атажукина Тлеужук Коготов фигурирует в донесении (1832 г.) начальника Баксанского военного укрепления командующему Кабардинской линией. По преданию (инф. Шагир Куготов), фамилия происходит от беглых моздокских крестьян, часть которых и по сию пору проживает в г. Моздоке и его окрестностях. Куготовы переселились в сел. Кармова в составе аула Думанова.

Нелишне здесь упомянуть об одном выражении, бытующем в народе и связанном с этой фамилией: «Гугъуэтхэ я уэс», то есть «снег Куготова». По одному из наиболее вероятных вариантов предания, это выражение возникло поздней весной. В ту пору выпал обильный снег и жители села, напуганные столь неожиданным капризом погоды, в спешке закупили сено у одного из Куготовых. Через день-другой снег растаял, зеленью вновь поля покрылись, и покупатели дорогостоящего сена раскаялись, но было уже поздно. И как бы в отместку продавцу жители нарекли тот злополучный снег «глупым», т.е. снег очень уж некстати. Всякий раз, когда теперь идет снег уже совсем не в свою пору, так и говорят: «Идет Куготова снег». Любопытна и поговорка, якобы слетевшая с уст того Куготова, внезапно разбогатевшего, благодаря подвернувшемуся случаю (инф. Гаши Кашежев, 98 лет): «Къыссыхуэ сэ гъатхейм и ней: си шейр фошыгъущ си ш Iакхъуэр урысщ». (Мой хлеб - русской выпечки, мой чай с сахаром - и пусть теперь злится зима).

В посемейный список 1886 г. занесены 6 семейств Куготовых, в их числе Гуля Тлоужукович, Жамбот Нагоевич, Гирей Аисович, Салих Товежевич.

КУМЫКОВЫ. (Кумуковы). Этническая принадлежность фамилии выясняется из прошения жителей сел. Ашабова Жали, Мусы, Умара, Магомета, Ахмета и Исуфа Кумуковых начальнику Георгиевского округа за 1872 г. «Издавна предки наши, - писали они, - происходили из узденей 2-й степени *, которые имели жительство в Казикумуке в ауле Холхусьми, и имели свою собственную оседлость, а при случившейся сильной войне от России на наше владение и на прочих, мы, убоясь страдания, предались во власть Русского правительства, поэтому и переселились отсюда в землю кабардинцев в селение Ашабова, где и ныне находимся на жительство»¹⁶⁶.

В посемейный список сел. Кармова за 1886 г. занесен Кумуков Ковдуг Махмутович и сын его Адильгирей, отмеченный также в числе тех, кто проживает в сел. Ашабовом - свидетельство прежнего их места жительства. По преданию (инф. Хажисмель Кумыков), этот род происходит из Дагестана (кумыки). Однажды две сестры, отправившиеся по воду, были похищены и впоследствии обращены в крестьян Аджиевых. Вскоре выяснилось, что одна из них беременна. Когда родился мальчик и спросили старшего, какое дать ему имя, тот, говорят, сказал: мать его украдена, назовите и ее сына Ковдуг (Къэдыгъу). Как видно, имя предка Кумыковых по посемейному списку и имя младенца, с которым предание связывает родоначальника, одно и то же - Ковдуг. На этом имени, в частности, отразились мрачные времена сословно-крепостнических порядков.

КУМЫШЕВЫ**. В XVI - XVII вв. на Северо-Западном Кавказе среди адыгов жили абазины. Эвлия Челеби называет ряд этнических групп, находившихся между реками Бзыбью и Туапсе, говоривших «и по-абазински, и по-черкесски». Среди них имела «смешанная абазо-адыгская группа хамыш (кумыш)»¹⁶⁷. По свидетельству Ф. Ф. Торнау, абхазское общество хамыш располагалось между реками Мццою и Худапсом: «...на покатоги горы, над самым морем по речке того же имени»¹⁶⁸.

Среди немногих долгожителей села, достигших столетнего возраста, значится Кумышев Хабреш Гахович (Джэху и къуэ). По имени и его потомство в обиходе называли Хабрешевыми. Фамильное предание гласит, что дети Хабреша от первого брака носили фамилию Гаховы.

И действительно, судя по отчеству Хабреша - Гахович, именно к его потомкам более должно относиться это родовое имя - Джэхухэ. А предки других носителей фамилии назывались Нанокowymi (Нанокъухэ). Имя брата Хабреша - Агзага (Агъ-

зэгъ) стало фамилией (см. ниже) проживающих в сел. Нартан Агзаговых (инф. Кумышев Мурадин Хатимович). Фамилия распространена также и на Кубани.

* В посемейном списке сел. Ашабова (1886 г.) они показаны выходцами из «простого сословия».

** Кумыш (тюрк.) - серебро.

Кумышевы являют собой пример нередко встречающихся сословных изменений и возвращения «на круги своя», а также степени их относительной неустойчивости. В своем прошении начальнику Кабардинского округа Орбелиани один из Кумышевых, Каншао, 3 февраля 1859 г. писал: «Издревне мы принадлежали фамилии Коновых (ныне сел. Куркужин. - С. Б.). Отцы и прадеды наши назывались чагарами, а также мы) имели своих крестьян обоого пола 12 душ, которых отобрали от меня... а меня передали в крестьянство поручику Току Асланову». В связи с этим он просил «воспретить Коновым делать мне притеснения и защитить меня как бедного сироту с возвращением мне моих крестьян, так как я из происхождения чагар»*169. Это прошение и последовавшая за ним жалоба вдовы, чагарки Кудас Кумышевой, рассматривались Кабардинским окружным судом в 1860 г. Оказалось, что Коновы, сославшись на «строптивость и мотовство Кудас», через Кабардинский временный суд добились, чтобы «отобрать от нее холопей в числе 12 душ и, лишив ее прав на чагарство, продать означенных холопей по произволу». На основании такого решения Коновы «продали 8 душ холопей узденю Ногмову (вероятно, Эришиду, третьему сыну Шоры Ногмова. - С. Б.), а 4 души отдали за часть имения, следуемого сестре Коновых Агзаговой, просительница же с детьми досталась сестре их невестке Тока Асланова».

Л И К А И Ш И Е В Ы. Об этой фамилии очень мало сведений. Известно лишь, что среди переселенцев из Песчаного аула есть Бий Лигавшев. По данным за 1886 г., в сел. Кармова проживал Ликопшиев Бие Абрекович с сыновьями Маша, Харис, Мажит, и братом Шухайбом. Очевидно, речь идет об одной и той же фамилии.

ЛИХОВЫ. В литературе термин отождествляется с так называемым Лыхнихским святилищем (храмом) **. В Абхазии Лыхнихский и Инорский храмы занимали самые почетные места и каждодневно в них приносились присяги десятками людей. По понятиям абхазцев, всякий, прибегнувший под защиту храма, делался неприкосновенным. По сведениям Ф. Дюбуа де Монпере, «равнина Лыхны или Бамбора на восток от цепи холмов начинается прекрасная равнина в 15 верст ширины... Лыхны - это самая значительная возвышенность, прерывающая гладь равнины». А название Бамбора происходит от абхазского «abovei», что значит «загородка для скота». (В предании и значении слова Лыхны (Бамбора), как видно, есть нечто общее.) Монпере далее пишет: «...на карте Гамбы Лыхны указаны под названием Loqhine на карте Александра, государя Имеретии (1738 г.) - монастыря Likhin. Сами абхазцы произносят это название Lonk'hin, которое русские на своей карте 1834 года изменили в Лыхны (Lekhne) »171.

* Характеризуя сословное положение вольных и чагар, Кабардинский временный суд в 1834 г. информировал администрацию, что «они в класс кабардинских холопов и другого звания людей, обязанных повинностию, не входят, а имеют по народным обрядам обязанностью свою к ним (т. е. князьям. - С. Б.) только... всегда быть при них вооруженными и как в доме, так и в пути особу их защищать; другою же повинностию они никакою не обязаны»170.

** По преданию (инф. Мачраил Лихов), предок рода - Беслан или Кабаца (К1эбацэ) - будто бы украл у местного князя убитого им тура, отсюда и прозвище - Лыхь (букв.: несущий мясо), ставшее потом фамилией.

Фамилия впервые встречается в списках жителей аула Хагундокова 1864 - 1865 гг. В списке «лицам аула Хагундокова, имевшим покос и пастьбу овец в 1865 г. на казенной земле» значится уздень Беслан Лихов, его крестьянин Алимурза и его вольноотпущенник Мустафа, а также уздень Ильяс Лихов и его крестьянин Машуко. Позднее эти крестьяне приняли фамилию Лиховых. Свидетельство тому - список жителей сел. Кармова за 1886 г., среди которых разделившиеся сыновья Алимурзы: Машпаша, Гучипса, Машафа и Гуля Лиховы. По рассказам старожил, сыновья Машпаша некоторое время носили в качестве фамилии имя отца (Мэшпаш1эхэ). В том же списке зафиксированы Лихов Калмук Бесланович с сыновьями Хажумаром и Эрежином, а также близнецы - Лиховы Исмаил и Осман Ильясовичи. Фамилия встречается также на Кубани.

ЛЮЕВЫ (Лу). О происхождении этой фамилии можно высказать несколько предположений. Любопытные сведения приводит проф. Г. П. Сердюченко о наличии у адыгов летосчисления по двенадцатилетнему животному циклу (восточный календарь). Пятый год цикла под названием «дракон», согласно источникам, у большинства тюркоязычных и ряда других народностей обозначается «через явно заимствованное из китайского «лу», «улуу», «люй». У монголов год дракона также обозначается термином «лу». Абазыны приняли для пятого года цикла традиционное его название в форме «улу». Счет лет по животному циклу перешел к адыгам, видимо, от ногайцев. Кстати, по данному циклу начало года падает на март («новруз») и называется ногайским термином «джыль» - год. Ссылаясь на информатора из сел. Коше-хабль (Карачаево-Черкесия), Г. П. Сердюченко приводит названия лет животного цикла у адыгов, которые несколько отличаются от известного восточного календаря.

Они представлены следующими: мышь - дзыгъуэ, корова - жэм, барс - барс, заяц - тхьэ-клумэк1ыхь, паук - бэдж, уж (змея) - блэ, лошадь - шы, овца - мэл, красный жучок - мейшым, курица - джэд, собака - хьэ, свинья - кхъуэ. (Для сравнения - в восточном календаре - мышь, бык (корова), барс, заяц, дракон, змея, конь, овца, обезьяна, курица, собака, свинья.) Пятый год цикла у адыгов - паук, что по-ногайски обозначается известным нам термином «улу». О бытовании восточного календаря у адыгов свидетельствует также факт, что в прошлом имели место переселения аулов (хотя и не всегда) с одного места на другое именно через каждые двенадцать лет. (См.: Сердюченко Г. П. Счет лет по животному циклу у кабардино-черкесов, абазин, ногайцев//Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1947. Т. 2. С. 103 - 105).

Исходя из сказанного, можно предположить, что родоначальник рассматриваемой фамилии мог получить имя от названия года, в который был рожден (т. е. год дракона). Между прочим, отметим, что десятый год того же цикла, т. е. год курицы, на тюркском языке называется «тоха». Аналогичным образом это слово могло стать корнем варианта фамилии Тохов.

Термин «лу» имеет и другие значения. Например, И. М. Мизиев находит, что это слово в карачаево-балкарском языке имеет значение «человек», причем оно проникло из шумерского языка.

В абазинском языке слово «лу» означает: ручная мельница. Возможно, предок данной фамилии был мастером по изготовлению ручных мельниц, откуда и мог получить свою фамилию.

Люевы проживали на Хасауте и переселились в сел. Кармова вместе с жерештиевцами *.

* Носители этой фамилии в 1822 г. проживали также в ауле Тамбиево-2 (ныне Алтуд). В документах упоминается некто Хусин Люев, известный эфенди. 172

Отношения между крестьянством и знатью незадолго до отмены крепостного права можно проиллюстрировать на примере дела между Люевыми и Жерештиевыми. 19 июня 1864 г. жительница аула Ж. Жерештиева Хажибике Луова обратилась к помощнику начальника Нальчикского округа Баратову с прошением, в котором, имея в виду Ж. Жерештиева, писала: «...постоянно делает чрезвычайно строгие взыскания и даже ни за что наносит постоянные жестокие побои и отбирает совершенно напрасно собственно принадлежащий скот, а также и свободного времени для своих работ никогда не имеем, а потому ...прошу... не оставить своим распоряжением приказать владельцу узденю Жерештиеву продать нас кому-либо или же обращаться с нами не так строго, как он поступает, и давать нам свободу для собственных работ». Крайне жестокие формы крепостнического гнета, имевшие место в Кабарде в то время, как крепостное право уже третий год как было отменено в России, вызвали возмущение даже окружной администрации. На цитированном прошении в день его подачи Баратов наложил такую резолюцию: «Все семейство... поселить временно в Вольный аул, как обобранное, обиженное... и избитое до кровавых пятен Женусом Жерештиевым. Написать об этом г. воинскому начальнику и обязать Жерештиева через участкового начальника... прибыть для разбирательства».

Однако эта резолюция осталась на бумаге. 1 сентября 1864 г. Луова вторично обратилась с прошением, на этот раз к начальнику Кабардинского округа Кобулову. Вот о чем она поведала: «Владелец наш уздень Женус Жерештиев бесчеловечно поступает со мной и детьми моими, наносит побои, тирански мучит, так что я уже у него с семейством своим не могу жить, о чем подано прошение вашему сиятельству... но еще не окончено разбирательством... Жерештиев, пользуясь этим случаем, более и более усиливается мучить нас бесчеловечно противу совершенно обычаев. А потому осмеливаюсь прибегнуть под покровительство вашего сиятельства со всеижайшею просьбою - возprite на мои бедствия с детьми переносимые... или же если непротивно будет воле вашей дозволить мне по делу этому жаловаться командиру войсками Терской области». После повторного прошения Луовой, доведенной до последней степени отчаяния, а также ее намерения обратиться к областной администрации, начальник округа вызвал Жерештиева в суд для разбирательства. Однако Жерештиев не был новичком в разного рода тяжбах и разбирательствах. До конца своих дней он фигурировал в окружных и областных судах то в качестве ответчика, то в качестве истца. И на этот раз, стремясь заранее заручиться поддержкой администрации, Жерештиев пишет встречное прошение 18 ноября 1864 г., из которого, в частности, выясняется, что Хажибике - дочь его крестьянина Оршукова, бывшая замужем за его же крестьянином Луовым. После смерти последнего «взял ее самовольно, без согласия моего, - негодует Жерештиев, - замуж безобрядный Кавдуг». И далее он проливал слезы о том, что «бывшее у них хозяйство до 600 баранов и деньгами 400 рублей серебром, что составляет вместе с холопьями собственность владельца, они размотали»¹⁷³. В обоих прошениях запечатлен типичный портрет наиболее жестокого феодала-рабовладельца. По материалам дела не видно, чем кончилась тяжба, хотя нетрудно заключить, что Луова не смогла добиться защиты и облегчения своей участи. Но знакомство с этим делом не оставляет сомнений в том, что продолжалась дальнейшая поляризация классовых сил в кабардинском обществе накануне реформы.

Фамилия Люевых получила наибольшую известность (часть из них в прошлом носили также фамилию Хамкохов (ХъэмкIэхъу) через песню о Гучипсе Люеве, в наши дни вышедшей в эфир благодаря стараниям Зарамука Кардангушева. В 1979 г. Кардангушев издал сборник «Кабардинские старинные песни», в который попала и песня о Гучипсе. В книге со ссылкой на информаторов рассказывается, что Люев был убит братьями Кармовыми и что он в последнюю минуту, смертельно раненный, сумел отомстить своим убийцам. Обнаруженные нами архивные материалы проливают свет на действительные события...

28 мая 1902 г. в Нальчикский горский словесный суд поступило прошение жительницы сел. Кармова Гуаши Сатушиевой. В нем сообщалось: «Муж мой Камбот Сатушиев несколько лет тому назад сослан. В настоящее время старшина селения Кармова за долг сосланного мужа моего Камбота Сатушиева семейству покойного Гучипса Люева описал собственно мне принадлежащих пару быков и три коровы с телятами, принадлежность каковых мне, а не мужу моему, Камботу Сатушиеву, могут подтвердить односельцы мои: Закирей Шогенов, Увжук Тлицуков и селения Ба-буково Дзуна Шидов; почему покорнейше прошу горский суд о разборе моих прав на описанный у меня скот через вызов прикосновенных к делу лиц и по разборе не оставить постановить решение освободить мой скот от описи»¹⁷⁴. Горский суд направил прошение старшине сел. Кармова для разбора. Вот что тот донес: «Камбот Сатушиев осужден в прошлом 1901 году 18 сентября за убийство односельца Гучипсы Люева, а не несколько лет (назад), как сказано в прошении. Производится мною, взыскание не за долги сосланного Сатушиева, а по исполнительному листу Владикавказского окружного суда от 9 марта сего 1902 года... на содержание пяти душ сирот убитого Люова до совершеннолетия по 1 р. 66 коп. в месяц на каждого, что составляет 8 р. 30 коп. Взыскание это производится за время с 18 сентября прошлого 1901 года. Кроме того, судебные издержки 21 р. 60 коп. по предписанию Владикавказского окружного суда. Все это вместе производится с имущества Камбота Сатушиева. Скот рогатый и лошади принадлежали Камботу Сатушиеву, а не его жене. Июля 14 дня 1902 г. Кармовский старшина Толустан Кармов».

Эти документы не раскрывают причин убийства, но указывают на конкретного убийцу Люева. Становится ясным и время, когда произошла трагедия, а следовательно, и ориентировочный «возраст» песни. Таким образом, сама песня, ставшая народной, получает конкретное документальное подтверждение и перестает быть только преданием. И все же личность Люева остается в песне загадкой, а один только факт убийства одного человека другим далеко не всегда достаточен, чтобы лечь в

основу народной песни. Предание не сохранило каких-либо достоверных сведений о Люеве. Кто же он?

Архивные документы отвечают на подобный вопрос не иначе, как «зачинщик», «командир толпы», «буйствующий» и т. п. Такими резкими эпитетами местная администрация награждала действия Люева в связи с неординарным событием, о котором был составлен специальный протокол и доложено окружной администрации. Имеется в виду рапорт старшины села Батоко Ногмова, адресованный Нальчикскому горскому суду в 1896 г. В нем он извещал: «...протокол о поступках кармовцев: Люева, Кумышева и Шенахова в оный суд на зависящее распоряжение представляю». Председатель суда 20 марта того же года переадресовал этот рапорт с протоколом начальнику Нальчикского округа; сопроводив его следующим пояснением: «Как усматривается из протокола, Люев с другими осмелились произнести оскорбительные выражения против государя императора, каковое деяние неподсудно горскому суду». Начальник округа подполковник Вырубов в срочном порядке предложил начальнику 1-го участка «произвести немедленно об изложенном расследование и таковое... представить в окружное управление». Как явствует из протокола, предписание о немедленном расследовании было вызвано тем, что «зачинщики Люев, Кумышев (Псаун. - С. Б.) и Шенахов (Мат. - С.Б.) явились на квартиру стражников», где «Гучипса Люев скомандовал толпе вынимать кинжалы и ударить таковыми». После этого стражники заперлись в саклю, но стычка этим не окончилась. Последовала новая команда: «Зажигайте спички и поджигайте саклю». В протоколе далее отмечено, что «озлобленная толпа исполняла приказания Люева, бросая зажженные спички на саклю. Когда же насмерть перепуганный глава стражников (некто Аджиев) из запертой сакли заметил «буйствующей толпе и зачинщикам», что «такой поступок противен закону и императору», «зачинщик Люев с товарищами ... выражались противу государя императора». Из протокола дознания, составленного 23 июля 1896 г., видно, что жителям, разумеется, сочувствующим Люеву и его друзьям, удалось ввести следователя в заблуждение и кое-как замаять следы. Начальник округа все же было решил «всех участвовавших в буйстве арестовать»¹⁷⁵, но в связи с манифестом, изданным по случаю столетия со дня смерти Екатерины II, они спаслись от неминуемого наказания.

Действия Гучипсы Люева и его друзей носили, конечно, не случайный характер, как то пытались представить местные чиновники, опасавшиеся, как бы и им «не попало». Стычка между полицейскими и крестьянами селения была вызвана также не тем, что «день, в который произошла ссора между всадниками и молодыми ребятами был байрам... (кстати, Люеву в то время уже исполнилось 33 года. - С.Б.) и даже не столько тем, (как был вынужден признать следователь), что стражники «вмешивались не в свое дело». Подобные столкновения вызывались тяжелым положением абсолютного большинства крестьян, одним из представителей которого был Люев, и которые искали только повод, чтобы излить свою классовую ненависть. К тому же у Люева, можно без преувеличения сказать, был некоторый политический опыт. Этот опыт им мог быть накоплен в тюрьме, куда он попал еще в 1888 г. Причины ареста, к сожалению, остаются неизвестными, но факт осуждения подтверждается документально. Среди арестантов, затребованных по Владикавказскому окружному суду, которых должны были доставить туда на 22 февраля 1888 г., значится и Люев. В справке сообщалось, что «Гучипса Люев на Нальчикской гауптвахте не содержится, а содержится по распоряжению окружного суда в Пятигорской тюрьме»¹⁷⁶. И кто знает, может быть, убийство Люева (как говорят, спровоцированное Кармовыми), было расправой над негодным местной администрации человеком, зачинщиком, бунтарем? Ведь в том же 1888 г. был арестован и этапирован в Сибирь, в Тюменский приказ, и его старший брат - Тамбий Люев «за их неисправимо порочное поведение».

Рассказывают, что Камбот Сатушиев и Гучипса Люев были закадычными друзьями. Например, информатор Ляго Кумышев вспоминает, что однажды спеть песню о Гучипсе Люеве попросил его, тогдашнего мальчонку-пастуха, один рослый дядя. Мальчик спел песню, а тот, прослезившись, ушел прочь, сказав при этом, что оставляет песню ему на память. Это и был тот самый Камбот Сатушиев...

Приведем вариант текста песни-плача о Люеве, пять последних строф из которого нами записаны со слов жителей села: Лягуа Кумышева, Данила Ногмова, Данила Шогенэва и Нагмана Бейтуганова. Отметим также, что восстановить первоначальное звучание песни помог Нагман Бейтуганов, а песня прозвучала по республиканскому радио в исполнении Бориса Хизировича Гаунова.

ГЪУШЫПСЭ

Уой дуней, сы Лу ГъушЫпсэти,
Еуей, сыпсэмыблэжти.
Уей-рэо, Къэрмэ зэшищымэ,
Сэрмахуэ, сывихьумакулэуэ.

Уой дуней, джэгур яублэмэ,
Еуей, сыджэгу зэхэшэти.
Уей-рэо, сыныкьуэкьафэу,
Сэрмахуэ, зыгуэр кьызоджэ.

Уой дуней, сьпэмкIэ сыплэмэ,
Еуей, фыцIагъэжыбэти.
Уей-рэо, сыкьеплэкIыжмэ,
Къамэ фыцIэр кьыхуагъэдалъэ.

Уой дуней, шIыльэм сеплыхмэ,
Еуей, си кIэтIий тIэкIури,
Уей-рэо, мы щIы фыцIэжымэ,
Еуей, щызэбгрожри.

Уой дуней, Думэн Пытышыр,
Еууей, псалъэхуэлэзэт.
Лээгъуазэр емызэгъыну
Къэмботышхуэм сиупшлэтай!

Уой дуней, Думэн Дохъушыкъуэр,
Еууей, хаклуэшхуэ шут, жи,
Уей-рэо, пклэльеишхуэ шууэ,
Гуащэнагъуэмэ сыпэрахъэжыр.

Уой дуней, Жэман Алийри,
Еууей, уи тхъэ хуэлажъэщ.
Уей рэо, си лэжыгъэ тлэкIур
Жэманкъулым кыдэзнэжай!

Уой дуней, Къармэхэ я пцIантIэм,
Еууей, хъэщхуэр щобзае, жи.
МыдэкIэрэ Лухэ ди пцIантIэм,
Еууей, джэбын шабзыжыр.

Уой дуней, Къэмботрэ сэрэ
Сытхэри, уо, зэхудилажъэт?!
Уей рэо, алыхъым и лажъэр,
Еууей. Къармэм кытитхуэ! *

...Я Люев Гучипса (букв.: железная душа)
...Я душой открытый был.
...Троих братьев Кармовых
...Я вашим (преданным) охранником был.
...Когда пляски начинались.
Я первым их заводил.
Танцующего меня
(Из круга) кто-то вызывает.
Вперед себя посмотрю –
(Тени) черные во множестве,
Назад посмотрю –
Кинжалом черным мне грозят.
И на землю посмотрю –
Мои внутренности жалкие
По земле черной Разбегаются.
Думанов Пытыш
В красноречии знал толк,
Никакой знахарь не смог чтобы помочь,
Меня Камбот Большой искромсал.
Думанов Докшуко
Верхом на жеребце большом ездил,
Верхом по лестнице (носилки для похорон)
Перед Гошенагой меня ставят.
Жаманов Али
Богу одному служит.
Все, что я заслужил (трудом),
В Жаманкуле я оставил.
А здесь во дворе Люевых,
Саван кроют.
Между Камботом и мною
Какие были напасти?
Аллаха напасть
На Кармова пусть обрушится!
Во дворе Кармовых
Серый пес (кровь) лижет,

Подстрочный перевод А. Гутова

МАКОЕВЫ (Макоовы). По преданию, фамилия происходит от того, что мальчику, родившемуся на сенокосе, дали имя Мэкъуауэ, т.е. косарь (инф. Н.М. Макоев). Однако следует заметить, что, по аналогии со своими братьями (см.: ГуфIэжыкъуэ и Кырымыкъуэ), он должен был получить имя Мэкъуауэкъуэ, т.е. сын косаря. Это наводит на мысль, что этимология термина, наверно, сложнее. Среди носителей этой фамилии некоторых в обиходе называли Бацу (Пацухэ) - по имени девушки Бацу, в девичестве Абидовой, вышедшей замуж предположительно за Исхака Макоева. Фамилия Бацу зафиксирована доку-

ментами. В 1883 г. жители сел. Кармова Шу Думанов, Али Бацуев и Увжукко Барагунов в числе нескольких жителей Кабарды «просили начальника области (Терской. - С. Б.) разрешить им изготовить шашку для подарка императору в день коронации»¹⁷⁷.

В посемейном списке аула Хагундокова за 1868 г. числятся «временнообязанные» Исхак Макоов с сыновьями Гучипсой, Огурли, Салиманом, Мусой, Алиханом и его братья Хатым и Умар. По данным 1886 г. известны: Макоов Умар Исупович и его сыновья Эрижиб и Шабан; Макоов Осман Тимович с братьями Аюбом и Айдармарканом, а также Макоов Муса Закиреевич (см.: Тхашоковы).

МАМБЕТОВЫ. В 1852 году в Кабардинский суд написал прошение владелец аула Алтудокова Ислам Альтудоков. «Вольноотпущенник мой Солиман Мамбетов, - жаловался он, - по буйному характеру своему не выполняет обрядов и вовсе отказывается от повиновения, даже осмеливается делать разного рода насмешки...»¹⁷⁸ И в другом прошении от 28 октября 1852 г. Альтудоков указывал: Мамбетов «продолжает делать мне разного рода неприятности, нашим законом вовсе нетерпимые, тем более отпущенника против своего господина». Степень обоснованности претензий Альтудокова к вольноотпущеннику выясняется из прошения в суд самих братьев Мамбетовых Солимана, Ильяса, Исхака, Аисс и Темрюка от 1 сентября 1853 г.: «Прежде мы принадлежали узденю Хажи Мустафе Альтудокову, а после побег его за Кубань достались узденю Кереву, который за выкуп тпустил нас на волю. В настоящее время родственник бежавшего Алтудокова делает нам притеснения». В связи с этим Мамбетовы просили разрешения «переселиться в аул Камбота Куденетова». Как видно из материалов дела, начальник Центра Грамотин согласился «с мнением суда в отношении переселения вольноотпущенников Мамбетовых из аула Альтудокова в другой»¹⁷⁹.

Проживающие в селении Мамбетовы - прямые потомки упомянутого в прошении Аисса (Гисы), сын которого Асхад, убив свою мачеху (инф. Ш. Мамбетов), переехал на новое место жительства, видимо, в 60-х гг. XIX в. Об этнической принадлежности фамилии можно, в частности, судить по списку о награжденных серебряной медалью в 50-х гг. XIX в., среди которых уздень «ногайского племени» Акият Менгай Мамбетов. Кстати, на Кавказе фамилия Мамбетов чаще всего встречается среди ногайцев.

МАРГУШЕВЫ. В географическом описании Большой Кабарды, составленном в 1753 г. майором И. Баркозским, упоминается, что «впала устьем в Черек река Маргуша и по той реке Маргуши довольно число лугов и лесу». В том же году кабардинские владельцы направили письмо императрице Елизавете Петровне о их соглашении между собой и организации суда узденей. Среди подписавших письмо - уздень Исмаил Маргуш 180.

В фольклоре встречается также «Лысая гора Маргуша» (Маргъушым и фэхур...). Есть и хребет под названием Маргъуш шыхт. Хан-Гирей зафиксировал название речки Мархгушее (приток Аргудана). Возникновение гидронима Маргуш отдельные ученые относят к случаям образования от имен личных¹⁸¹. Термин Маргуш уходит в глубокую древность. Так, А. Л. Хромов отметил ягнобское слово марг - «поляна», «луг». Специально о слове «март», как очень давней лексеме в иранском языке, писала А.З. Розенфельд, которая также считает, что слово это заимствовано арабами. Установлено, что у греков Маргиана - древняя страна, орошаемая водами этой реки. Справочники информируют, что древнее название реки, переданное греками в форме «марг», еще долго сохранялось в мусульманское время... От названия реки было также образовано название местности маргуш в древне-персидских надписях¹⁸².

В литературе встречается фамилия Маргошвили. Видимо, здесь имеем дело с грузинским вариантом современной фамилии Маргушев. Маргошвили считаются одними из наиболее старинных жителей Панкиси (Грузия), переселившихся туда в середине прошлого столетия из с. Чабано, и происходившими из Майстинского тейпа бывшего Итумкалинского района ЧИАССР. У чеченцев и отчасти ингушей принято писать фамилию по отцу. У кистов (грузинское название вайнахов), т. е. жителей-переселенцев Панкиси к отцовскому имени стали прибавлять грузинское окончание «швили» - «сын». В фамилию Маргошвили принимались и некоторые другие роды посредством братания¹⁸³.

В 1805 г. «уздени Маргушевы» со всеми своими подвластными, более 100 дворов, - на Большом Зеленчуке, а в 1809 г. они переехали на верховья рек Кумы и Подкумка, рядом с аулом Ашабова¹⁸⁴. Позднее Маргушевы бежали. Материалы свидетельствуют, что «отец Тока Асланова, хаджи Трам, действительно жил в ауле Маргушева в вершинах Кубани, принадлежащим князьям Атажукиным»¹⁸⁵. О закубанском периоде их жительства содержатся сведения в рапорте за 1846 г. исполнявшего должность начальника Центра Беклемишева командующему войсками Кавказской линии и Черномории Завадовскому: «...Имею честь почтительнейше донести, - говорится в нем, - что мать Давлет-Гирея Кудинетова, Хавва, с сыном своим, настоящим просителем, еще до возмущения в Кабарде уехала за Кубань к своим родным Мор-гушевым *; по сделавшемуся же возмущению, когда многие кабардинцы бежали за Кубань, Кудинетова не возвратилась в Кабарду, а переехала на жительство к непокорным закубанцам...»¹³⁷. О родственных связях вдовы Куденетовой с Маргушевыми свидетельствует ее доверенность сыну: «Я, Гавва, дочь Мургуса, посылаю сына своего Давлет-Гирея** в Кабарду...»¹⁸⁹. Из этого выясняется, что Маргушевы находились в родственных отношениях с одной из самых влиятельных кабардинских фамилий. В данной же переписке шла речь о ее имуществе, оставшемся в Кабарде. Завадовский был склонен вернуть Куденетовой имущество, заключавшееся в «холопях и скоте», а бывший начальник Центра Голицын, опасаясь, что это послужит опасным примером для других беженцев, и ссылаясь на известную прокламацию генерала Ермолова, тормозил благоприятный для Куденетовой исход дела. Вопрос в конечном счете был решен все же в ее пользу. При этом Завадовский мотивировал такое решение тем, что «жительствовавшие между абадзехами кабардинцы вступили в подданство России и потому не могут быть преследуемыми за прежние проступки»¹⁹⁰.

О конкретном месте жительства Маргушевых в 50-е гг. XIX в. узнаем из показаний некоего Усмана: «...пред сего жил на р. Кагар у непокорного кабардинского узденя Умара Маргушева, который занимался грабежом, воровством и мошенничеством, был скуп, что не только одежды, но и пищи не давал мне»¹⁹¹. Об этом Маргушеве есть более подробные сведения. В журнале о военных происшествиях на правом фланге Кавказской линии с 23 января по 26 февраля 1850 г. записано, что

«убит известный ...абрек Омар Маргушев».

* О том, куда бежали Куденетовы, и что они жили по соседству со своими родственниками – Маргушевыми, говорят и старые названия кварталов с. Ходзь в нынешнем Кошехабльском районе Адыгеи: Маргушева (Маргъущей), Куденетова (Къундетей).

** Беглый кабардинский уздень Давлет-Гирей Куденетов находился «в качестве чиновника особых поручений при Сафербее Занове, известном адыгском политическом деятеле первой половины XIX в. Этот Куденетов имел репутацию человека «самого вредного нашему (т.е. царскому – С.Б.) правительству» 188.

Перед переселением в сел. Кармова Маргушевы проживали в аулах Абукова и Жерештиева (на Хасауте). В документе говорится: «Вышедший из гор под наше покровительство и поселившийся на жительство в ауле майора князя Адильгирея Капланова кабардинский уздень Али Маргушев просит ходатайства моего о дозволении ему переселиться с семейством и крестьянами к его родным, находящимся на жительстве в ведомстве Центра Кавказской линии в ауле князя Гаджи Абукова». Имея в виду упомянутого Маргушева, начальник Центра Грамотин 4 декабря 1853 г. докладывал: «...имею честь донести, что значащиеся в приложении к отзыву списку люди и сам владелец Маргушев прибыли и получили разрешение о водворении их»¹⁹². В приложенном списке, кроме Маргушева и его брата «Гассана» значатся 32 крестьянина.

В XIX в. немало кавказцев посещало Турецкую империю. В одном документе говорилось, что коренные обитатели Кавказских гор в нынешнем столетии находились в процессе постоянного передвижения в Турцию «из пределов России и затем, сделавшись турецкими подданными, вновь возвращались в Россию и селились на своих прежних местах жительства, оставаясь чем-нибудь недовольными своим положением в Турции»¹⁹³. К их числу относился и уроженец сел. Кармова некто Маша Маргушев, двоюродный брат жителя села Маргушева Шухаба Алиевича. Турецкий подданный Маргушев вынужден был оставить село.

В 80-х гг. XIX в. в сел. Кармова проживали три семейства Маргушевых: Шухаба и Эрижиба Алиевичей и Амфоко Сафаровича.

МАРЖОХОВЫ. Маржоховы переселились из Малки. По свидетельству информаторов, малолетние сыновья Бот, Шахим последовали за матерью. В посемейный список 1886 г. занесен житель сел. Кармова Мажох Гирей Хасанович с сыновьями, имена которых Шахим и Шахбот (очевидно, Бот).

В 1862 г. житель Абезыванова аула вольноотпущенник Эльдар Мажохов обратился в Кабардинский окружной суд с прошением, в котором жаловался на то, что «он, прибыв в комитет для разбора прав своих, был приостановлен бывшим Бабуковским урядником Уважук Хажиметовым потому будто бы, что умерший отец Эльдара - Хусын Мажохов не уплатил Хажиметову откупной суммы»¹⁹⁴. Однако в архивах суда нашлось подтверждение, что судом еще «7 февраля 1855 года... определено уплаченную умершим отцом просителя Хусыном Мажоховым откупную сумму * узденю Киляру Кармову в количестве 150 руб. сереб. передать настоящему его владельцу уряднику Уважук Хажиметову, которые взысканы полностью с Кармова, и Хажиметов удовлетворен». На основании чего и предлагалось Баксанскому участковому начальнику «воспрепятствовать Хажиметову делать подобные препятствия Эльдару Мажохову»¹⁹⁶.

* В письме начальнику Баксанского участка указывалось, что Хусин Мажохов, как видно из дел окружного суда, отпущен на волю в 1825 г.¹⁹⁵

В 60-х гг. Маржоховы были причислены к сословию узденей. В списке чинов Георгиевского округа, получивших различные награды по сел. Ашабово, наряду с юнкером Махмудом Шуковым и узденем Солейманом Хаджинаговым значится и уздень Ильяс Мажохов. Он с 1861 по 1867 г. служил всадником в Лабинском Конно-иррегулярном эскадроне. «За тяжелые подвиги, перенесенные при окончательном покорении Западного Кавказа, награжден знаком отличия военного ордена 4-й степени»¹⁹⁷, о чем объявлено в приказах по Кавказской армии 1 июля 1864 г.¹⁹⁸

МИКИТАЕВЫ. Эта фамилия в документах впервые встречается в 1915 г., хотя несомненно, что ее представители проживали в селении и раньше, однако не считаясь здесь коренными жителями. 24 мая 1915 г. расписку Хамзата Магатаева о получении им четырнадцати рублей за проданную «пару сапог для добровольцев (очевидно, речь идет об участниках первой мировой войны. - С. Б.) отбирал помощник старшины Т. Губжоков».

Официально жителями селения Микитаевы были признаны лишь в условиях послереволюционной действительности, и то не сразу. Приведем выписку из протокола заседания сельского исполкома от 28 марта 1924 г.: «Слушали: Заявление проживающего в сем селении гр-на Магатаева Абдрахмана о принятии его в среду нашего общества, т. е. коренным жителем нашего селения.

Постановили: Принимая во внимание, что гр-н Магатаев Абдрахман, живя с семьей в нашем селении и занимаясь честным трудом, и как гражданина, стоящего на стороне Соввласти, принять в среду граждан нашего селения с правом получения земельных и других наделов наравне с прочими гражданами нашего селения»¹⁹⁹.

Микитаевы (Магатаевы) - потомки выходцев из Дагестана. Как пишет профессор Г. Х. Мамбетов, в Кабарде и Балкарии наряду с кровниками, беглыми крепостными крестьянами, пленниками и купленными рабами находилось значительное число дагестанских мастеров-серебряников, медников, оружейников, среди которых были и Махатаевы (Магатаевы).

МИРЗАБЕКОВЫ. Носители этой фамилии считают себя ногойцами и принадлежат к коренным хагундоковцам. В 1865 г. в ауле Хагундокова проживал Тлостан Мурзабеков (Мирзабеков), а по более поздним спискам - Мурзабеков Таусултан Фуранович.

Этимологизируя эту фамилию, нелишне сказать, что у узбеков XV - XVI вв. «мирза» перед именем означало «секретарь, пи-сец», а после имени - «потомок Тимура»²⁰⁰. Объяснение этнического значения антропонима облегчает труд Хан-Гирея, который писал: «На вершине Кубани, на высотах Ущь-Куль называемых, с восточной стороны реки находится гробница одного из предков фамилии Тагановых, нагайских мурз, по имени Мрзебека. Время построения этой гробницы определялось до ста лет»²⁰¹. Родственники Мирзабековых проживают в г. Черкесске. Поддерживается между ними связь. В просторечии фамилия имела прозвище - Штат (Штлатхэ). Со слов современников этого термина (Зули Куважуковой) старожилы рассказывают, что он никакого отношения к фамилии Мирзабековых не имеет, а связан с шутливым детским именем их снохи (в де-вичестве - Шаловой).

МИРЗАКАНОВЫ (Мурзыкановы). По фамильному преданию, Мирзакановы - выходцы из Самурзакани, исторической области Абхазии. О значении этого названия так писал Фредерик Дюбуа де Монпере: «Самурзакань (т.е. «то, что принадлежит Мурза-Хану») представляет узкую полосу, простиравшуюся от высокой горной цепи Кавказа до моря, между реками Гализгой на северо-западе и Енгуrom на юго-востоке»²⁰². В 30-х гг. XIX в. Самурзакань представляла собой арену непрерывного разбоя. Вероятно, это обстоятельство явилось причиной миграции части ее жителей, среди которых могли быть и Мирзакановы.

Первое упоминание о Мирзакановых относится к 1831 г. В именном списке жителей Бабуковской станицы значится казак Исмаил Мирзаканов* - предок рода. Род занятий и место жительства одного из предков фамилии - Идриса Мирзаканова - выясняется из рапорта бригадного адъютанта 7-й бригады Волгского казачьего полка начальнику Кабардинского округа Орбелиани от 1860 г. К рапорту приложен список «тем кабардинцам, кои прикосновенны к следственным делам». В их числе названы находящиеся под следствием кабардинцы Вольного аула Созруко Емгахов и бывшей станицы Бабуковской казак Идрис Мирзаканов «за увоз кабардинцем Емгаховым дочери у казака Абазинского поселка, причисленного к станице Георгиевской»²⁰⁴. К документу можно добавить, что Бабуковская станица упразднена в начале 60-х гг. XIX в., а «жители оной переселились по разным аулам Большой и Малой Кабарды»²⁰⁵. Вместе с некоторыми другими фамилиями Мирзакановы обосновались в сел. Кармова. Переселенцы Кештовы и оставшиеся в сел. Бабукова Гонгапшевы и Мирзакановы считаются потомками родных братьев. Одно семейство Мурзы-кановых - Жандара Ноховича - проживало в сел. Мисостово (ныне сел. Урвань).

В 1886 г. в сел. Кармова проживали три семейства Мирзакановых: Мудар Нохович жил совместно с Хатымом Сагидовичем. Жили раздельно братья: Буран Исмаилович и Идрис Исмаилович с сыновьями Батырбеком, Хажбекиром и Хамидом - последнему было два года. Впоследствии он стал знатоком фольклора.

* Службу вместе с ним несли также казаки: Абезыванов, Альмов, Багов, Батыров, Бугов, Дигов, Жириков, Казанов, Какубашев, Коков, Котепахов, Коцев, Купов, Мамхегов, Мидов, Михцев, Нартуков, Пшуков, Шухостанов, Тавкешев, Тлянчев, Тяжгов, Хамготов, Хапцев, Хапсергенов (Копсергенов), Шереметов; урядники: Дауров, Хаджиметов, Хуранов и начальник станицы хорунжий Думаев – всего 102 воинских чина²⁰³.

Мирзакановы - однофамильцы. Отдельные из них находились в ауле князя Бекмурзы Касаева. Житель его, вольноотпущенник Идрис Мирзаканов в 1853 г., обращаясь к Грамотину с прошением, писал: «При отъезде в прошедшем 1852 году в Мекку владельца моего отца и братьев Касына Хакулова он продал их узденю Хажу Ногаеву (Хажнагоеву. - С. Б.)». Далее в прошении отмечается, что Мирзакановы из-за неповиновения получили тяжкие побои, от которых отец Идриса Али умер, а братья его Аиса, Салех и Харис «по сию пору остаются на гаубтвахте»²⁰⁶. Разразившийся конфликт, жертвой которого пал крестьянин и брошены за решетку его сыновья, был вызван жесточением эксплуатации новоиспеченным господином своих крепостных. На допросе же Аис, который в ответ на удар палкой господина «выхватил кинжал, нанес раны двум младшим братьям Кудинета Хаджи Ногаева», показал, что исполнял «все приказания владельца своего... согласно обряда», а когда «господин стал требовать вопреки обряда, чтобы жена его ходила ночевать к госпоже своей в случае отлучек из дому его, Кудинета, равно при понуждении им жену его носить воду по обыкновению в дом его в большом котле, но как она не в состоянии была поднять его, то действительно отказался он от подобных неправильных его требований»²⁰⁷.

МУСОВЫ. В 1862 г. комитет для разбора личных и поземельных прав жителей Кабардинского округа информировал: «Идрис и Хафиз Хамнеховы Кармова аула, явившись в комитет, объявили себя принадлежащими к сословию уорк-шаотлухуса, считая род свой происходящим от некоторого Муссова, который будто бы происходил из бесленеевских уорк-шаотлухуса. Доводы Идриса и Хафиза Хамнеховых, до сего времени никогда не известных в Кабарде под фамилиею Муссовых, депутаты комитета признают весьма недостаточными, а потому мнением своим полагают предложить братьям Хамнеховым предоставить в комитет в удостоверение своих доводов показание 12 человек, отобранное от них из-под присяги»²⁰⁸. Комитет далее просил суд «распорядиться определением Хамнеховым 12 человек свидетелей «приводом их к присяге» после надлежащего ручательства в их добропорядочном поведении. Комитет предписывал суду предложить свидетелям два вопроса: «1) Действительно ли Хамнеховы происходят по прямой линии от Муссова, женившегося на своей крестьянке, купленной им Кармовым и 2) Этот Муссов точно ли один из Муссовых, считающихся у бесленеевцев уорк-шаотлухусами».

Как видно, документ содержит интересные сведения об этнической принадлежности и сословном положении Мусовых. В отношении Комитета к суду отмечено, что Хамнеховы (Хамнафовы) не были ранее известны как Мусовы, хотя, как ясно из переписки 50-х гг., эта фамилия уже встречалась. Однако несомненен факт временного вытеснения родовой фамилии именем Хамнаф (Хамнеф), ставшего, очевидно, популярным.

Известность Хамнафу, по преданию (инф. Ханифа и Хажмуса Мусовы), принесло его участие в деле о разводе между князем Атажукиным и его женой (предположительно, урожденной Абуковой). Рассказывают, что княгиня, заподозренная в неверности, не желая предложенного ей мужем развода, стремилась необычным, способом сорвать его замысел. Хитрая уловка состояла в том, что очередному судье, приглашенному князем, жена задавала один и тот же коварный вопрос, якобы за-

имствованный из Турции: «А Вы сами сожительствоваали со своей матерью, как же Вы можете быть моим судьей?» Оскорбленные таким неожиданно дерзким вопросом, судьи оказывались вынужденными отказаться от разбирательства дела, чтобы самим не быть обвиненными в [пристрастном судействе. И вот, в очередной раз, перед ней предстал Хамнаф. Услышав вопрос, считавшийся неотразимым, Хам-наф не растерялся. «Да, - спокойно возразил он, - я однажды сожительствоваал со своей матерью, так же, как и Вы - при своем рождении». Пораженная находчивостью Хамнафа, княгиня удостоверилась, что, наконец, она нашла судью, который был бы в состоянии справедливо разобраться в запутанном деле, и остановила на нем свой выбор.

Вполне вероятно реальность предания. В этом мнении убеждает факт, что некоторые члены этой фамилии отличались красноречием, а упомянутый комитетом Хафиз Хамнехов в 1886 г. был муллой сельского суда.

В годы Великой Отечественной войны проявил подлинный героизм Менли Мусов - боевая гордость и слава односельчан, награжденный всеми орденами Славы. Его именем названы улица в родном селении и в Нальчике.

НОГМОВЫ. Самый известный представитель фамилии - выдающийся просветитель кабардинского народа, первый ученый, историк Шора Бекмурзович Ногмов. Однако, как писал советский ногмовец Г.Ф. Турчанинов, во всех официальных документах при своей жизни Шора именовался не Ногмовым, а Бекмурзиным. Это же имя фигурирует и в обнаруженном нами в Центральном госархиве КБАССР документе. Речь идет о рапорте занимавшего должность дежурного офицера управления штаба войск Кавказской линии и Черноморья по пограничной части майора Лещенко, адресованном 4 июня 1832 г. командующему Кабардинской линией Венерал-магюру Горихозову. В рапорте отмечено, что «шеф жандармов Бенкендорф, препроводив к господину командующему войсками на Кавказской линии и Черномории список воинским винам лейб-гвардии Кавказского горского полуэскадрона, которые «имеют нужду переменить неспособных и заменить палых лошадей, «Им принадлежащих, уведомил при этом, что лошади сии должны быть отправлены в С.-Петербург с людьми, долженствующими прибыть туда на смену другой половины того полуэскадрона и Инто оные ко времени отправления сих людей будут приведены на Сборное место в г. Ставрополь». В связи с этим Лещенко предоставлял именной список воинским чинам, который мы и приводим:

«Чины и прозвания / Число лошадей
Штабс-ротмистру князю Айдемирову - 3
Корнету Кудинетову - 2
Юнкерам:
Магомет Козухову - 1
Саит Лафишеву - 1
Оруженосцам:
Шоре Бек Мурзину - 1
Куй Гукееву - 1
Шу Кайшрокову - 2
Казылбек Кармову - 1
Кликеж Казахову - 1
Хатахшук Анзорову - 1
Итого: 14

Исполняющий должность штабс-офицера майор Лещенко»209.

Итак, в списке среди оруженосцев значится имя Шора Бек Мурзин. Этот архивный документ примечателен тем, что знакомит непосредственно с теми, с кем служил Шора Ногмов, и кого он знал лично. Документ дает также определенное представление о том, как формировался полуэскадрон, в котором служил Ногмов. Привлекает внимание и следующее обстоятельство. В списке числится и другой оруженосец - Казылбек Кармов. Он попал в полуэскадрон по ходатайству своего дяди - подпоручика Шу Кармова, служившего там несколько ранее. В именном списке взвода лейб-гвардии Кавказско-Горского военным чинам, желавшим вызвать малолетних детей своих и родственников для поступления в учебные заведения за 1829 г., числится «узденя Шу Кармова брата Мустафа Кармова сын Казылбек»210.

Казылбек Мустафович Кармов родился, судя по посемейному списку жителей аула Кармова за 1886 г., подписанному им самим в качестве старшины села, в 1809 г. Он начал военную службу 1 апреля 1830 г., то есть в тот же год, месяц и день, что и Ногмов. Оба отличились в польском походе и, возможно, сражались вместе. В 1835 г. Кармов - корнет, в 1841 г. - поручик, а в 1842 г. его возводят в чин штабс-ротмистра. Не исключено, что Кармов поступил на российскую службу под влиянием Ногмова, который уже тогда был горячим сторонником укрепления и расширения русско-кабардинских связей. Умер Кармов в 1889 г.

Ногмов и Кармов - односельчане. Оба жили в ауле Кармова, который, как писал сам Ногмов, был переселен «из-под Бечтовых (Бештау. - С.Б.) гор к реке Малке» в 1828 г. Именно это переселение помешало ему еще тогда поступить на службу в Кавказско-Горский полуэскадрон.

Следует подробнее остановиться на связях Ногмова с аулом Кармова. Действительно, жизнь его неразрывно связана с этим аулом. Здесь он жил несколько лет. После его смерти, вплоть до 70-х гг. XIX в. в том же селении проживала его семья. Однако необходимо подчеркнуть, что аул Кармова не являлся родиной Ногмова. Первый биограф Шоры А. П. Берже, ссылаясь на старшего сына просветителя Эрустама, писал, что Шора родился в родовом ауле Ногма, что располагался на реке Жицу недалеко от Пятигорья. А Г. Евгеньева в статье «Шора Ногмов» уточняет географические координаты: «Между горами Юцой и Джущой ютился небольшой черкесский аул. И доныне старожилы горцы указывают на руины усадьбы Ногмовых, где провел детство этот замечательный человек»211.

Ногмовы, а с ними, возможно, и весь небольшой аул, состоявший, видимо, из нескольких дворов, переселились в Хаджи-кабак (точнее, аул Аджиева) после 1818 г., но не позднее сентября 1821 г.

Не до конца выясненным до последнего времени оставался и вопрос о связи Шоры Ногмова с современным селением Каменноостское. Проф. И. В. Тресков разделяет довольно распространенное мнение о том, будто Ногмов жил в этом селении. В книге «Этюды о Шоре Ногмове» он писал, что Ногмов жил около «года в ауле Кармово (ныне селение Каменноостское)», отождествляя, таким образом, бывший аул и нынешнее селение. Следует отметить, что сел. Каменноостское до Октябрьской революции действительно называлось Кармово. Как и многие населенные пункты Кабарды, в первой половине XIX в. аул Кармова нередко переселялся с одного места на другое. Так, обосновавшись на Малке у Известного Брода в 1828 г., аул в 1853 г. переехал к укреплению Каменноостскому. Именно в ауле Кармова у Известного Брода проживал кабардинский просветитель, аул же, о котором идет речь у И. В. Трескова, основан жителями в 1853 г., т. е. спустя девять лет после смерти Шоры.

В статье «О жизни и деятельности Шоры Ногма» Г. Ф. Турчанинов писал: «Шора умер без фамилии. При жизни во всех русских официальных и неофициальных документах он числился как Шора Бекмурзин, реже - Шора Бекмурза, т. е. по имени и отчеству. В конце 1843 года он лично возбудил ходатайство о присвоении ему утерянной где-то в дебрях канцелярщины родовой фамилии «Ногма»²¹².

Однако следует сказать, что утверждение Турчанинова о том, что Ногмов при жизни числился в документах только по имени и отчеству, не соответствует действительности. Так, в 1825 г. по заданию местной администрации был составлен вполне официальный список узденей Большой Кабарды, где среди других значится «жительствующий в ауле Кармовом под Бечтовыми горами Шора Нагумов».

Здесь в фамилии - Нагума - обращает на себя внимание часть слова - гум, что совпадает с кабардинским (адыгским) названием реки Кума (Гум). Может быть, данная фамилия восходит к названию этой реки?

Этимология фамилии Ногмова представляет интерес и в связи с тем, что Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» (1836 г.) - этой «энциклопедии адыгской жизни первой половины XIX века» - писал: «...кабардинский уздень Шоре Некуме... составил было азбуку на черкесском языке». Публикаторы труда Хан-Гирея В.К. Гарданов и Г.Х. Мамбетов в предисловии к книге справедливо указывают, что сочинение написано на родном для автора бжедугском диалекте, а это усложнило написание адыгских терминов, особенно этнических, не говоря уж об ошибках переписчика, дополнительно осложнивших прочтение оригинала, допуская разное написание одних и тех же терминов. Вместе с тем и в редакции Хан-Гирея в интересующей нас фамилии сохраняется часть слова - «кум». В официальных документах при жизни Ногмова, как сказано выше, он, в основном, именовался как Шора Бекмурзин. Тот факт, что Хан-Гирей знал его настоящую фамилию, сам по себе примечателен. Важно отметить, что данная фамилия, вероятно, транскрибирована Хан-Гиреем фонетически в соответствии с оригиналом.

Откуда произошла эта фамилия? Обратимся к небольшому словарю Якоба Рейнегтса (1744 - 1783), где приводятся значения слов из черкесского, как он пишет, «секретного, или тайного, языка, который называется Зиковшир». В этом словаре дается, видимо, совпадающее с вариантом Хан-Гирея, слово нэку-мэ, что означает «хлеб»²¹³. И еще. Полемизируя с Рейнегтсом, Г.Ю. Клапрот сообщил некоторые подробности об этом языке. «В своих разбойничьих набегах, - пишет он, - они (черкесы. - С.Б.) пользуются тайными языками, которые составлены по взаимному соглашению. Самые употребительные среди них называются «шакобше» и «фаршибше» (а не «зиковшир», как указывает Рейнегтс). Первый из этих языков кажется совершенно особенным, так как его слова не имеют ничего общего с черкесским языком». На языке «шакобше» Клапрот и дает несколько видоизмененный по сравнению с Рейнегтсом вариант упомянутого слова - некуше с тем же значением - «хлеб»²¹⁴. Наличие тайного языка у кабардинцев подметил и Паллас. Он писал: «...будто бы князья и дворяне в Кабарде имеют особое наречие, которое скрывают от простого народа. Точно, существовало между черкесами искаженное наречие, коего ключ не каждому был известен. Оно называлось шакобзе, т. е. языком охотничьим»²¹⁵.

Имеет ли родовая фамилия Шоры прямое или косвенное отношение к этому языку? Л.И. Лавров подчеркивает, что у абазин в течение длительного времени бытовал специальный охотничий язык. Этимологизируя фамилию Нэгумэ, можно, на наш взгляд, обратиться и к термину «ашнакума». В Абхазии так называлось сословие, «среднее состояние между дворянами и крестьянами»²¹⁶.

Нелишне упомянуть и о том, что во времена Ногмова некоторым обитателям района Кумы давались имена по названию этой реки. Например, в документах встречается владелец аула Кармова Мустафа Кум Кармов - свидетель по судебному делу, которым как секретарь занимался Ногмов.

Слово «не» зафиксировано и в словаре Ногмова со значением «глаз», «глаза». Может быть, Хан-Гирей писал фамилию правильно и имел в виду то же самое? Очевидно, «Некуме» Хан-Гирея не что иное, как Нэкумэ или современное Нэгумэ.

И сегодня, спустя более 140 лет после смерти адыгского просветителя Шоры Ногмова, в его биографии остается все еще немало спорных моментов. Известно, что до сих пор нет единой точки зрения относительно года его рождения. Но и утвердившееся мнение о национальной принадлежности Шоры не бесспорно. Этот вопрос специально в ногмоведении не ставился. Правда, А. П. Берже относил род Ногмовых к адыгскому племени абадзехов, не обосновав это достаточно вескими аргументами. Между тем народная молва уже давно гласит, что Шора Ногмов родом из абазин. В ЦГА КБАССР хранится документ, проливающий свет на этот вопрос. Имеется в виду доклад комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области, составленный в 1870 г. Наведя справки о том, к какой степени кабардинских узденей следует приравнять абазин Абуковых, комиссия нашла, что уже в 1862 г. бывшим комитетом по разбору личных и поземельных прав жителей Кабардинского округа рассматривалась аналогичная ситуация. Тогда речь шла о Ногмовых... Поскольку во

время разработки поземельного вопроса Большой Кабарды Абуковы «не были подведомственны действиям комиссии...», теперь «явилась неизбежная необходимость обсудить личные права Абуковых для приравнения их прав к правам одной из степеней кабардинских ворков...».

По интересующему нас предмету в докладе отмечено, что «род Абуковых в абазинском племени был одним из почетнейших, что Абуковы посредством браков находятся в родстве с некоторыми из кабардинских тлекотлешей, что по своей зажиточности в мнении кабардинцев всегда стояли очень высоко и что по отношениям абазинского племени к кабардинскому в личных правах своих Абуковы ближе всего подходят к сословию деженуго, ибо фамилия их несомненно выше Ногмовых, а сии последние, по определению бывшего комитета по разбору личных и поземельных прав туземцев Кабардинского округа, причислены к беслан-воркам»^{*217}.

Данный доклад имеет чрезвычайно важное значение для выяснения происхождения рода Ногмовых. Доклад этот, на наш взгляд, заслуживает полного доверия, как заключение авторитетной комиссии, специально занимавшейся сословными и поземельными правами горцев. Определяя сословное положение абазин Абуковых в Кабарде, комиссия для сравнения с ними берет за исходную позицию не какую-нибудь другую фамилию, считавшуюся собственно кабардинской, а именно соплеменную - фамилию Ногмовых. Поскольку «сии последние... причислены к беслан-воркам», комиссия, ставя Абуковых «по отношению абазинского племени к кабардинскому несомненно выше Ногмовых», считает, что Абуковых следует причислить к сословию деженуго, то есть на ступень выше.

* Согласно другому документу, «Абуковы принадлежали князьям Жантемировым, по переселении же в Кабарду жили в ауле Атажукина, а поссорившись с ними, переселились к аулу Атласкирова, а оттуда в Боргустан... Абуковы никогда не пользовались значением аульных владельцев и не имеют своих узденей»²¹⁸.

И еще. В докладе сделан акцент на том, что Абуковы посредством браков находились в родстве с некоторыми из кабардинских тлекотлешей. Именно это обстоятельство позволило сделать вывод о том, что фамилия Абуковых «несомненно выше Ногмовых», разумея при этом, что в своих брачных связях с кабардинцами Ногмовы не поднимались до «уровня» тлекотлешей *. В документе вопрос о происхождении рода Ногмовых ставится по-новому **.

Для выяснения этнической принадлежности жителей населенных пунктов, находившихся в Кабардинском округе в 60-е гг. XIX в., самого серьезного внимания заслуживает доклад Комиссии о распределении аульных участков в Большой Кабарде, составленный в 1865 г. Касаясь положения некоторых аулов, комиссия констатировала: «...аулы Кошева и Лафишева до сих пор занимали постоянно земли у кабардинцев же, то же самое происходило с Аджиевыми, Кармовыми, Абезывановыми и другими, которых кабардинцы считают за пришельцев. Названные фамилии абазинского происхождения, но очень давно водворившиеся между кабардинцами и вошедшие в состав княжеских кабардинских родов». Среди других абазинских аулов здесь названо и сел. Кармова. И далеко не случайно, что Шора Ногмов являлся его жителем, так что предков его можно считать абазинами, «очень давно водворившимися между кабардинцами».

Продолжая тему о сословном происхождении Ногмовых, обратимся к делу 1862 г. комитета для разбора личных и поземельных прав горцев Кабардинского округа, упоминавшемуся выше. Следует подчеркнуть, что приблизительно в апреле - мае 1862 г. комитет отказал в разбирательстве сословных прав Эрустану Ногмову. В «списке жителям Большой Кабарды, которых депутаты отказались разбирать», первым значится «Поручик Эрустан Ногмов (Кармова аула)». Причины отказа - «за незнанием к какому сословию должны причислить». Но уже 7 декабря 1862 г. в тот же комитет поступило предписание: «Если комитет просил Кабардинский окружной народный суд разобрать личные права какого-либо из жителей вверенного мне округа, за незнанием депутатами комитета, к какому сословию его причислить или же разногласию между ними, то выдаваемые таковым лицам от Кабардинского суда свидетельства, вполне уясняющие сущность дела, как, например, свидетельство за № 635, выданное поручику Эрустану Ногмову о причислении его к сословию беслен-ворк, предлагаю... принимать как акт вполне доказывающий сословное происхождение лица, коему дано таковое свидетельство».

* В итоге Абуковы были причислены к беслен-уоркам.

** О сословно-родственных связях Ногмовых см. также «Туговы».

Характеризуя сословное положение Ногмова, Ад. Берже, вероятно, исходил из упоминаемого здесь свидетельства. Однако, если Эрустан, а следовательно, и его отец Шора Ногмовы действительно принадлежали к разряду беслан-уорков и их сословное положение, по крайней мере, не вызывало сомнений у членов комитета, не было бы и никакой необходимости в самом решении суда. Но бесспорно ли это решение? Ведомость Якуба Шарданова 1825 г. свидетельствует о живущем «в Кармовом ауле под Бечтовыми горами уздене Шоре Нагумове»^{215*}, причем степень (или категория) узденства не уточнена. Если бы он относился к степени беслан-уорк, это было бы наверняка отмечено. Между тем имеется документ, составленный в 1869 г., который, справедливо характеризуя Ногмова как одного «из замечательных людей по своей развитости и принесенной своим направлением пользе», конкретно указывает, что «семейство умершего штабс-капитана Шоры Ногмова, состоящее из 3-х сыновей, - уорк-шаутлухуса»²²⁰. А это значит, что в сословной иерархии феодальной Кабарды Ногмов занимал ступень, уступающую той, что утверждалась до сих пор.

Вопрос о сословной принадлежности Ногмовых порождался не праздным интересом. Он имел вполне практическую подоплеку, так как был основой для решения материального благополучия семьи - ведь при наделении землей в период реформы сословный принцип соблюдался. Однако Ногмов внесен в список лиц, коим земля предназначалась в частную собственность за особые заслуги и в повышенных размерах сравнительно с общепринятым правилом, определенным для лиц того же сословия. «Земельный вопрос» Ногмова был решен, во многом благодаря усилиям председателя Терской сословно-поземельной комиссии Д.С. Кодзокова, который хорошо знал и ценил первого кабардинского просветителя.

Дело в том, что еще при жизни Шоры Ногмова ему был обещан участок земли в 1000 десятин. По этому поводу комиссия 26 февраля 1864 г. констатировала: «С 1840 года велась переписка о награждении поручика Шоры Бек-Мурзина Ногмова 1000 десятинами земли. Во внимание к полезным его заслугам в 1862 г. последовало распоряжение главнокомандующего о составлении плана на участок земли в свободной местности Кабарды для семейства умершего Ногмова, оставшегося в крайней бедности...»**.

* См.: Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века/Составление, введение и примечания Х. М. Думанова. Нальчик, 1986. С. 109. Следует отметить, что этот уникальный документ неоднократно цитируется нами в этой книге.

** 18 июля 1844 г. Семейству Ш. Ногмова была назначена пенсия – 282 р. 75 коп. – годовое жалование покойного.

На обстоятельства дела проливает свет отношение начальника Кабардинского округа командующему войсками Терской области Святополк-Мирскому от 18 августа 1862 г.: «Бывший командир Отдельного Кавказского корпуса г. генерал о г. инфантирии Головин, - говорится в нем, - желая наградить кабардинского узденя поручика Шору Бекмурзина Ногмова за его преданность правительству и постоянную готовность к исполнению требований начальства 9 августа 1840 года за № 787 предписал командовавшему войсками линии дать названному кабардинцу в вечное и потомственное владение для него и для 14-ти семейств его крестьян до 1000 десятин земли...* Поручик Шора Бекмурзин Ногмов умер в 1843 году** на службе в С.-Петербурге и наследники его - три сына остаются до сих пор в крайне бедственном положении»221. Поземельная комиссия, вероятно, не без воздействия Д. С. Кодзокова, сумела оценить в Ногмове не «его преданность правительству и постоянную готовность к исполнению требований начальства», а оценить его как «полезнейшего и передового представителя кабардинского племени», и потому ходатайствовала «о внимании начальника области». В другом месте комиссия отмечала, что «Ногмов действительно был достойнейший человек, заслугами своими резко выдававшийся из ряда кабардинцев». В связи с этим она сочла «необходимым исполнить приказание генерал-адъютанта князя Орбелиани». Комиссия, извлекая для себя максимальную пользу, не только не скрывала действительной природы такого рода приказания и его исполнения, а напротив, подчеркивала его назидательно-пропагандистский характер, добавив, что «оно показывает туземцам, что истинно полезная служба их не остается без награды даже тогда, когда отличившийся уже скончался».

В 1870 г. поземельная комиссия исходатайствовала участок земли, правда, значительно урезанный против первоначально обещанного ***. В ходатайстве, датированном 8 октября 1870 г., говорится: «Семейству умершего штабс-капитана Шоры Ногмова, показанному состоящим из трех братьев, предназначалось 750 десятин. Между тем двое из них переселились нынешним летом на жительство в Турцию, почему я полагал бы поручику Ерустану Ногмову во внимание к памяти отца его, собственно хорошей службы и усердию в исполнении возложенных на него разных поручений назначить 500 десятин»222.

Следует вдуматься в эту мотивировку. Ясно, что «память отца» не была бы оценена и наполовину первоначально обещанного. И если все же поручику Ерустану назначено 500 десятин, то здесь учтены его личные заслуги. В документах более позднего времени о «памяти отца» уже не говорится, а отмечается лишь то, что «один из сыновей его поручик Ногмов участвовал в венгерской кампании и в Кавказских экспедициях и пятилетнюю службу по поземельным делам много принес пользы»223 и что следует «по случаю ухода 2-х сыновей в Турцию оставить 3-му сыну Ерустану, состоящему по армейской кавалерии поручику 500 десятин, а остальные 250... считать свободными»224.

* Рассказывают (инф. Куца Куважукова-Ногмова), что Клыч Ногмов оспаривал у Ерустана Ногмова часть пожалованного ему земельного участка. Как явствует из документа, эта молва не лишена некоторых оснований, ибо земля была обещана Шоре Ногмову еще в период крепостного права и учитывала семьи его крестьян.

** В документе неточность – Ш. Ногмов умер в 1844 г.

*** Мотивами уменьшения размера участка было также получение крестьяне ми Ногмова земли в общине.

Ерустан Ногмов и после этого не раз обращался в различные инстанции с просьбами ускорить наделение его землей. Например, 12 января 1874 г. он пишет докладную записку управляющему межевой частью Терской области: «Более десяти лет тому назад высшею властью разрешено отвести мне в Большой Кабарде участок земли за службу, оказанную правительству покойным отцом моим капитаном Шорою Бекмурзиным Ногмовым, но... до сих пор не удостоился получить в надел участок земли... какового права пользования я домогаюсь более 10 лет, но так несчастлив, что все мои просьбы не достигают должного результата». Это был уже крик отчаявшегося...

Земельный участок все же был закреплен за Ерустаном Ногмовым только в 1881 г., спустя более 40(!) лет после того, как его отцу была обещана земля. Но владел он ею недолго. Вскоре земля Ерустаном была продана дворянке Е. А. Хомяковой, которая основала здесь, на Золке, хутор (ныне сел. Совхозное Зольского района).

Как уже отмечалось, поземельная комиссия предназначала обещанную Шоре Ногмову землю «семейству умершего штабс-капитана». В связи с этим выясняются некоторые сведения о членах семьи Ногмова. О сыновьях было сказано выше. Однако в ЦГА КБАССР хранится прошение вдовы ротмистра Ногмова и дочери ее Кульандам (точнее - Кулядам. - С. Б.), адресованное 18 мая 1871 г. начальнику Георгиевского округа: «За службу и полезные дела мужа моего ротмистра Шоры Ногмова государь император даровал ему тысячу десятин земли, но муж мой не успел получить таковую в свою собственность, а потому я с дочерью своею осмеливаюсь обратиться... и просить ходатайства вашего о наделении нас участком земли из числа назначенной семейству». Однако эта просьба не была удовлетворена. Отказ мотивирован тем, что «предназначено к наделу в частную собственность семейству умершего штабс-капитана Шоры Ногмова, состоящему из 3-х сыновей 750 десятин земли, но из числа этих сыновей два переселились в Турцию, а в Кабарде остался только поручик Ерустан Ногмов, его мать и замужем сестра, при которой первая и проживает»225.

Эти документы обращают на себя тройное внимание. Во-первых, выясняется, что два младших сына Шоры Ногмова Эриван и Эришид, как они значатся в списке жителей аула Кармова за 1864 г., переселились в Турцию в 1870 г. Этим самым по-

путно снимается сомнение проф. И. В. Трескова, писавшего, что сыновья Ногмова переселились «будто бы в 60-е годы в Турцию»*, и уточняется год переселения. Во-вторых, вдова Ногмова жила не со своим сыном, как следовало ожидать, а у своего зятя. Возможно, что между Салимат и Эрустаном были натянутые отношения... В-третьих, этот документ - пока что единственное письменное свидетельство о том, что дочь Шоры Кульдаам была замужем.

* И.В. Тресков опирается на сведения Г.А. Кожиева, а тот – на неизданную рукопись Гаибова по истории Кабарды, хранившуюся у З.Д. Кумехова.

Эрустан Ногмов при жизни Шоры Бекмурзовича воспитывался в Павловском кадетском корпусе. Затем он находился на военной службе в гусарском ее императорского высочества великой княгини Ольги Николаевны полку. В 1851 г. «офицер этот уволен был в отпуск на родину и, не возвращаясь в полк, по просьбе матери, был прикомандирован к войску». Салимат не решилась расстаться с другими сыновьями, когда ей еще в 1847 г. предложили отправить их в учебное заведение как бы в обмен на возвращающегося Эрустана. При этом она в письме из аула Кармова 17 марта 1847 г. сослалась на следующие причины: «...Малолетних сыновей моих я не могу отдать в учебное заведение при всем моем душевном желании образовывать их под благодетельным покровительством правительства, ибо из них старший весьма слабого сложения, а меньшой еще мал. К сему штабс-капитанша Бекмурзина Ногма, по неумению грамоты прикладываю свою печать». Обращает на себя внимание и тот факт, что жена первого адыгского просветителя оставалась безграмотной!

Возражения Салимат относительно двух ее сыновей были признаны уважительными, о чем начальнику Центра Кавказской линии Хлюпину Кабардинский суд донес «с приложением подлинного ответа Шориной (Салимат. - С. Б.) и входя в положение ее как не имеющей опоры в хозяйстве».

После прикомандирования поручика Ногмова к казачьему войску началась переписка с его матерью относительно суммы 838 р. 20 к., которую он задолжал бывшим сослуживцам и казне полка. В связи с этим начальник Центра генерал-майор Грамотин 27 января 1856 г. предписал Кабардинскому временному суду поспешить донести ему, «желает ли мать поручика Бек-Мурзы Ногмы производить вычет из получаемого ею пенсионна на уплату долгов сына ея, или нет, то почему именно».

Суд, разобравшись с этим делом, ответил: «...мать поручика Ногмы отозвалась тем, что она разделилась с сыном и потому не хочет брать на себя его долги»²²⁶. Остается невыясненной причина раздела...

С образованием Терской сословно-поземельной комиссии отставной поручик Ногмов назначен письменным переводчиком. Являясь в то время одним из очень немногих образованных (грамотных) людей своего народа, он проводит значительную работу по составлению списков населенных пунктов, разъяснению обычных прав горцев при неизбежных конфликтах, возникавших в ходе земельной реформы 60-х гг. XIX в. в Кабарде и Балкарии. Затем он выполнял ряд других поручений, служил в разных должностях. Бескорыстным подвижничеством можно назвать его хлопоты по переизданию труда отца - «Истории адыгейского народа» в 1891 г. На деньги, вырученные от продажи своего земельного участка, Эрустан приобрел табун лошадей и некоторое время занимался коневодством. Переиздание отцовской книги, видимо, обошлось ему в копейку. Он вскоре совсем обеднел, к 1897 г. значительно вырос его долг в Кабардинскую общественную сумму. 20 октября 1897 г. он писал помощнику начальника Нальчикского округа: «Я состою должным в Кабардинской общественной сумме 672 руб. 69 коп. В данное время не имею средств в деньгах для уплаты в сумму и не имею движимое имущество, а имею дом под железом о четырех комнатах с коридором, а потому всепокорнейше прошу не оставить сделать распоряжение описать дом для продажи на пополнение суммы, а поручителей моих освободить от платежа...»

Бедственное положение Эрустана подтверждал и старшина сел. Ашабово (ныне сел. Малка): «Ногмов кроме одного жилого дома другого имущества не имеет, хотя и есть одна кобылица, но таковая решительно по своей худобе не может быть доставлена для продажи»²²⁷. И все же, очевидно, Ногмова оставили бы на улице, если бы нашелся покупатель его дома, объявление о продаже которого было дано в газету «Терские ведомости». Однако покупателя не нашлось. После этого была предпринята попытка сдать дом в аренду под открываемое местное училище (школу), но и она не увенчалась успехом, поскольку вопрос об его открытии не был еще окончательно решен.

Детей у Эрустана не было. Жену его звали Наго, урожденная Хажиева (из Малки). По воспоминаниям очевидцев, она была стройной рослой блондинкой, носила длинные волосы, курила сигару. Эрустан умер в одиночестве в 1904 г. на 78-м году жизни.

Дети Шоры Ногмова оставили потомство по мужской и женской линии. Хотя Эришид, как и Эриван, остался в Турции, на родину вернулся его сын Шамгун. Он жил вместе с Эрустаном. Молва гласит, что, возвращаясь из Пятигорска, где он держал чайную, Шамгун, по вине шурина, был убит из винтовки. У Шамгуна осталось два сына: старший, названный Шорой в честь своего прадеда, умер в 12-летнем возрасте от тифа. Младший, Хамид, закончил педагогические курсы в Пятигорске и в 30-х годах работал учителем в селениях Сармаково, Камлюко. Позднее заведовал отделом пропаганды Зольского райкома комсомола. На этой должности его застала война. Хамид Шамгунович поступает в военное училище и отправляется по его окончании на фронт. Был политруком. Пропал без вести в окрестностях г. Житомира.

У него остались сын Валентин и дочь Нина. Фамилия Хамида была другой - Бижев. Будучи младенцем и круглым сиротой (мать умерла при родах), он воспитывался у соседей. Опасаясь, что ребенка могут убить из-за происхождения, приемные родители скрыли его настоящую фамилию. В результате в свидетельстве о рождении Хамида появилась другая фамилия. Так во второй раз было утеряно родовое имя Ногмовых! Только в 1960 г. 15 июля решением Зольского районного народного суда Нина Бижева (по мужу Махова) добилась признания за ней утерянной фамилии Ногмовых.

Вот выписка из протокола судебного заседания, который хранится в семье Валентина Хамидовича Бижева: «Определение судебного заседания.

Народный суд Зольского района КБАССР в составе председательствующего Богатырева, народных заседателей Семеновой и Гязовой, при секретаре Бжениковой с участием прокурора Сазонова, рассмотрев в открытом судебном заседании в с. Залуккоа-же 15 июля 1960 года дело по иску Бижевой Нины Хамидовны об установлении ее родственных отношений с Ногмовым Шорой Бекмурзовичем, установил: Заявление Бижевой об установлении ее родственных отношений с Ногмовым Шорой Бекмурзовичем заслуживает удовлетворения. Как видно из показаний свидетелей: Бижева (80 лет), Мурзаканова (80 лет) и Афаунова, хорошо знавших и знающих родословную Ногмовых, заявительница Бижева является правнучкой Шоры Бекмурзовича Ногмова, умершего в 1844 году. То обстоятельство, что правнучка Ногмова носит фамилию «Бижева», объясняется тем, что ее отец Хамид, оставшись в детстве без матери, воспитывался и вырос у Бижева Н. Д. и его дочка Нина носит эту фамилию отца. Таким образом, суд считает достоверно установленным факт родства заявительницы с Ш. Б. Ногмовым. В силу изложенного, руководствуясь ст. 5, 118 ГПК РСФСР, постановления пленума Верховного Суда СССР № 3 от 7 мая 1954 г., суд определил: Признать Бижеву Нину Хамидовну правнучкой Ногмова Шоры Бекмурзовича, а также факт о том, что она входит в круг наследников Шоры Бекмурзовича по закону. Верно: нарсудья Зольского района И. Богатырев. Подпись, печать».

На основании данного постановления (определения суда) детям проживающего в сел. Сармаково Бижева Валентина Хамидовича выданы свидетельства о рождении, в которых они записаны как Ногмовы.

Сведений, документально подтверждающих имя зятя Шоры Ногмова, в архивах пока что не обнаружено. И. В. Тресков, ссылаясь на устную информацию, сообщает легенду о том, что у Кульдаам было даже два мужа: сначала она вышла замуж за корнета Альмова, а после его гибели от руки «дикого человека» стала женой второго Альмова - Шолоха 228. Оказывается, под этими двумя именами может скрываться одно и то же реальное лицо! В посемейном списке сел. Лафишево (ныне сел. Псыхурей) за 1886 г. значится тот самый Шолох Альмов, по отчеству Дагазович, он же корнет. В ту пору ему исполнилось 71 год. Альмов в течение 25 лет служил в 1-й Волжской бригаде. В 1881 г. за службу ему была пожалована «ввиде особой монаршей милости» земля в 165 десятин на Кичмалке, но вскоре он обанкротился и продал землю Лафишевым, которые в 1883 г. обосновались хутором, у впадения р. Экипцоко в Малку, купив часть Абдрахмановского участка.

У Шолоха Альмова было двое сыновей - старший Батырбек, 1861 г. рождения, и младший - Хажи Смаил (Куржим) - 1864 г. рождения. Батырбек Альмов некоторое время работал старшиной в родном сел. Лафишево. А в сел. Кармова ему довелось сменить в должности старшины Талиба Кашежева в 1911 г.

В рапорте начальнику Нальчикского округа, в котором еще раз прослеживается «неуживчивость» Кашежева, его самостоятельность, так раздражавшие и озлоблявшие местную администрацию, Альмов, в частности, сообщал: «...я не знаю, почему именно не было исполнено распоряжение инспектора народных училищ 1-го района относительно своевременного доставления отчета в расходе казенного пособия на училище бывшим старшиной Каше-жевым, но допускаю мысль, что ввиду траты этих денег на другие надобности».

Зная, что Кашежев не исполнял ничьего распоряжения в угоду местной знати, логично допустить мысль, что эти средства пошли на самые насущные нужды трудового народа.

Итак, у этого Батырбека Альмова была дочь Фатима, при рождении которой умерла ее мать Хура. От второй жены, урожденной Абдрахмановой - Литы, у Батырбека была дочь. Она не оставила потомства. Согласно свидетельству о рождении, которое сохранилось у правнучки Шоры Ногмова по женской линии Фузы Карачаевны Блаевой, Фатима Батырбековна родилась в 1892 г. Отец Фузы, Карачай Мисостович, женился на Фатиме в 1912 г., когда ей исполнилось 20 лет 229.

Как фамилия, входящая в круг потомства Шоры Ногмова, фамилия Блаевых заслуживает внимания, тем более что их родословную трудно отнести к разряду обычных. В переписке, относящейся к 40-м гг. XIX в. и продолжавшейся более двух лет, упоминается об иске «тагаурских старшин Алдатовых о возвращении им бывшего кавдасарда их Блаева (убившего отца Алдатовых. - С. Б.), с семейством проживающего около 15 лет в Малой Кабарде» 230. Этот документ, адресованный Голицыну 21 января 1846 г., устанавливает дату приблизительного переселения Блаевых в Кабарду - 1831 г. Вместе с тем этническая принадлежность и сословное положение их нуждается в некоторых комментариях.

В Тагаурском обществе феодальной Осетии были сословия: алдары, фарсалаки, кавдасарды (кумиаки) и кусаки. Алдары в числе 8 фамилий: Алдатовых, Есеновых, Мамедовых, Тулатовых, Кундуховых, Кануковых, Шанаевых и Тугановых, - выводили свой род от пращура Тагаура *, наследника Армянского царства, который по смерти отца был вступил на престол, но вследствие угрожавшей ему опасности бежал из Армении и после долгих лет странствий поселился в Осетии.

* К числу Тагаурских алдар причисляются еще три фамилии: Дударовы, Тхостовы (Звазуевы) и Жантиевы (Джантиевы). Дударовы выводят свой род от некоего Дудара, выходца из Кистинии (до поселения в Кистинию Дударовы именовались Иналовыми и считались узденями малокабардинского пши Мулдаврова (Мударова - С.Б.), занявшего лет 300 земли...)

В «Очерках сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей» имеется такая характеристика кавдасардов: «...между зависимыми сословиями Терской области, освобожденными в 1867 году, обращают на себя особенное внимание осетинские рабы, известные под именем кавдасардов или кумиак... сложность и запутанность их прав и, главное, неестественность их отношений к высшим сословиям - алдарам и фарсалакам» выводила их «из ряда всех прочих зависимых сословий, существовавших в среде горцев Кавказа». Далее в «Очерках...» подробно разъясняется история этого сословия: «Кавдасард или кумиак - сын владельца и женщины свободного сословия, отданной в номлус (именная жена) за калым, несколько высший против существующего между осетинами... Самая большая зависимость кавдасарда по отношению к тому лицу, в доме которого он родился и рос, отнюдь не походила на отношение раба к владельцу, а скорее приближалась к поло-

жению бедного человека, покровительствуемого своим богатым и сильным родственником... Сословный антагонизм нарастал с годами между кавдасардами и их старшими братьями, причем первые доказывали, что обязательные их отношения к владельцу, в доме которого они родились, прекращаются со смертью этого лица; между тем как последние присваивали себе право владения кавдасардами по крайней мере в течение трех поколений, считая от первого владельца, при-обретшего кавдасардов». Кавдасарды, некогда бывшие «по кровной связи своей с владельцами... с каждым поколением более и более переходили в положение, весьма близкое к рабству. В таком именно положении застала их пора освобождения в 1867 году»²³¹.

Изложенное конкретно знакомит с неординарным сословным положением Блаевых. Кроме того, являясь кавдасардами тагаурских алдар Алдатовых, Блаевы по крови (а это в данном случае для нас главное) восходят к самому Тагауру. Значит, носители рассматриваемой фамилии - осетиноязычные армяне. Документальное подтверждение тому. - свидетельство народного суда Осетинского округа, выданное 7 декабря 1867 г., в котором, в частности, сказано: «...Дано сие., жителю Малой Кабарды подпоручику Джамбулату Блаеву в том, что отец его по кровомщению переселился из Осетинского округа в Кабарду, который происходит из фамилии тагаурских алдар Алдатовых...»²³²

Относительно упомянутого в свидетельстве кровомщения. Начальник Центра Кавказской линии Голицын был информирован в 1846 г. о том, что в течение более двух лет велась переписка «по иску тагаурских старшин Алдатовых о возвращении им бывшего кавдасарда их Блаева с семейством, проживающего около 15 лет в Малой Кабарде»²³³. Истцам было отказано «по причине долговременного жительства от них в Кабарде» Блаева. Такое решение могло быть принято не только в связи с давностью переселения, а и учитывает социальное положение Блаева, т. е. надо полагать, принимался во внимание служебный чин его как офицера. И еще. В сословной иерархии Кабарды дети от неравных браков никогда не считались рабами (если рождались от свободных женщин), тем более сыновья князей - уступали в положении только князьям. Это обстоятельство могло влиять благоприятно на судьбу Блаева в Кабарде, и, вероятно, не случайно именно она была избрана беглецом местом убежища.

Потомок кавдасарда Карачай Блаев * был известен как кабардинский просветитель, образованный человек, в советское время работавший учителем, автор нескольких литературных произведений. Его дочь, Фуза Карачаевна Блаева, внесла заметный вклад в становление медицины в нашей республике. Еще в 1937 г. она одной из первых горянок закончила Дагестанский медицинский институт. В годы войны она приложила все знания и умения для восстановления здоровья бойцов: служила в качестве кандидата эвакуационной комиссии, награждена медалью «За оборону Кавказа» в 1944 г., «За победу над Германией» в 1946 г. Самоотверженный труд кандидата медицинских наук Ф. К. Блаевой в 1957 г. был удостоен высшей награды Родины - ордена Ленина. Ф. К. Блаева - доцент КБГУ, заслуженный врач РСФСР.

В 1958 г. трудящиеся Зольского района оказали ей высокое доверие, избрав депутатом Верховного Совета СССР.

У нее два сына. Старший - Адиль Васильевич Тимофеев - доктор технических наук, автор нескольких книг по робототехнике. Младший - Владимир Васильевич Блаев - кандидат наук, преподаватель Кабардино-Балкарского агрометеорологического института.

Сестра Фузы Ляна Карачаевна Шауцукова ** - кандидат биологических наук, доцент КБГУ с 1950 г. У нее две дочери - Лейла и Лаура, обе кандидаты наук.

Потомки первого адыгского просветителя, ученого и историка, идут в первых рядах советской научно-технической интеллигенции, принимают активное участие в строительстве новой жизни, о которой так страстно мечтал их знаменитый предок.

Однако фамилию Ногмова после смерти Шоры Бекмурзовича получили не только его потомки по крови. В связи с этим на ней следует остановиться подробнее.

* В послужном списке его отца, «из кабардинских узденей» Мисоста Кантемировича Блаева, составленном в 1892 г., записано, что он бывший урядник Терской постоянной милиции, переводчик кабардинского и осетинского языков, женат на девице Кудас. Имеет детей: сына Карачая, родившегося 4 апреля 1890 г., и дочерей: Кута, Посриля, Меретхан ²³⁴.

** Некоторые сведения об этой фамилии содержатся в свидетельстве, выданном Кабардинским судом жителю Большой Кабарды Бешказакова аула Бекиру Шаоцукову (он же Мамурзов) в том, что члены суда единодушно признали его принадлежащим к сословию вольных ²³⁵.

И.В. Тресков в книге «Этюды о Шоре Ногмове» пишет, что «выданы деньги на возвращение в Кабарду Клыча Какагажева - верного слуги и друга Ногмова. Какагажеву, как и сейчас еще рассказывают в народе, умирающий Ногмов якобы передал свою фамилию, которую носят ныне проживающие в нашей республике потомки Клыча»²³⁶. Родиной этих «потомков Клыча» является сел. Кармова (сел. Каменноостское). Сейчас уже, вероятно, невозможно установить, передавал ли в действительности Шора Ногмов свою фамилию Клычу. Известно другое: до отмены крепостного права в Кабарде, т.е. до 1867 г., за Клычем официально эта фамилия не была признана. Об этом свидетельствует следующий документ.

Как выше отмечено, в 1865 г. полковнику Ф. Абдрахманову был «высочайше пожалован» участок земли в 900 десятин. Как обычно в таких случаях, при отводе земли в натуре, межевая книга подписывалась свидетелями. Письменным переводчиком поземельной комиссии состоял поручик Эрустан Ногмов, участвовавший в определении границ участка. Он и расписался в межевой книге как за себя, так и за неграмотных свидетелей, среди которых в двух местах значится «Клиш Дагазов»²³⁷. Очевидно, что в то время имя отца служило Клычу фамилией.

Раннюю родословную этого Ногмова трудно с точностью установить. Однако можно сослаться на семейный архив, хранящийся у жителя сел. Каменноостского Ауеса Бишенова. Из него мы узнаем, что дед Клыча Теувеж с братьями Бишеном и

Заурбеком, опасаясь кровной мести, бежали из-за Кубани. Заурбек отправился в Грузию и пропал бесследно. А Теувеж и Бишен обосновались в ауле Кармова, что тогда располагался в районе горы Бештау. У Теувежа был сын по имени Дагаза, будущий отец Клыча. В посемейном списке сел. Кармова за 1886 г. числятся Ногмов Клич Дагазович, 61 год, сыновья его Эрижип, 21 год, Мурзабек, 19 лет, и Каирбек, 15 лет. Отдельно от Клыча проживал его старший сын Батоко (31 год), впоследствии ставший старшиной селения.

Следует отметить и то, что в означенном году Клыч был освобожден от уплаты каких-либо денежных взносов и общинных повинностей, как «кандидат сельского судьи». Если исходить из того, что Клычу в 1886 г. исполнился 61 год, а других данных пока нет, то получается, что он сопровождал Шору Ногмова в его последней поездке в Петербург в девятнадцатилетнем возрасте.

Родственные же отношения Теувежа и Бишена подтверждаются тем, что Ногмовы и Бишенеры (последние носят имя своего предка в качестве фамилии) и до сих пор не практикуют брачных связей между собой из-за кровного родства.

Из изложенного следует, что новую фамилию Клыч мог получить лишь после отмены крепостного права, и, как свидетельствуют документы, это было делом весьма непростым: Эрустан Ногмов, узнав, что Клыч присвоил себе фамилию его отца Шоры Бекмурзина, стал энергично протестовать и оспаривать такое самовольство. Так, 26 февраля 1897 г. житель сел. Ашабово (ныне сел. Малка) поручик Эрустан Ногмов обратился к начальнику Нальчикского округа с прошением, в котором он, выражая недовольство действиями крестьян «умершего штабс-капитана Шоры Ногмова, ныне присвоивших себе фамилию Ногмовых, проживающих в данное время в селениях Кармовом и Лафишевом...», писал: «Приемлю смелость надеяться, что... не оставите мою просьбу без внимания».

В резолюции, адресованной старшине сел. Ашабово 4 марта 1897 г., начальник округа предписывал: «Истребовать от Эруста Ногмова особый список тех лиц, которые неправильно называют себя Ногмовыми, с указанием, какого они селения, имена и отчества их, состав семейств и представить в управление округа».

В ответ на это Эрустан представил удостоверение следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся, сим удостоверяем, что бывшие крестьяне умершего Шоры Ногмова, ныне присвоившие себе фамилию Ногмовых, проживающих в данное время в селениях Кармова, а именно: Клич Дагазович Хусов * с сыном Батоко, с семейством его и племянники Клича Хусова: Кяго Фицевич Хусов, Жамбот Фицевич Хусов, Увжукко Хапович Хусов - были приобретены... около шестидесяти лет назад названным выше Шорою Ногмовым от узденя Хажимета Кармова и что правильная фамилия поясненных лиц Хусовы **, но отнюдь не Ногмовы, а также носившие эту фамилию жители селения Лафишево Гур и Машуко по фамилии Хачемаховы, у которого также осталось немало имени принадлежащего покойному Шоре Ногмову. Все это в случае надобности можем подтвердить из-под присяги...»²³⁸. Этот документ подписан 30 свидетелями и заверен сельским правлением 20 февраля 1897 г.

Данное свидетельство не только проливает свет на родословную Клыча накануне перемены им своей фамилии. Оно ценно еще и тем, что указывает на возможность аналогичных ситуаций в связи с другими фамилиями. Ясно одно: новая фамилия не сразу утвердилась за Хусовыми. Рядом с ней соседствовала старая форма, когда имя отца передавалось детям в качестве фамилии и не только в обиходной речи, но и на уровне правительственных учреждений. В качестве примера можно привести следующий документ.

* Очевидно, что И.В. Тресков приписывает Клычу фамилию Кагазежева ошибочно.

** Хус-Гъус[э] – этимология слова, возможно, восходит к названию адыгского племени Гусие, что совпадает с преданием об их бегстве из Закубанья.

31 марта 1895 г. Горский словесный суд предписал старшине сел. Кармова дополнить протокол по делу о похищении девушки, «допросив Каирбека и Мурзабека Клычевых: кроме того, выяснить, с какой целью учинен Каирбеком Клычевым увоз дочери Машуко Нагоплежева Хадижат, и не покончено ли дело сторонами миролюбиво». В ответ получена такая расписка: «1895 года мая 12 дня. Я, нижеподписавшийся, даю сию подписку Абуковскому сельскому правлению в том, что вследствие надписи Нальчикского горского словесного суда от 22 апреля текущего года... я действительно с жителем селения Кармова Каирбеком и братом его Мурзабеком Клычевыми (Ногмовыми) относительно увоза ими моей дочери Хадижет помирился и иск на них дальше простираю не буду... в чем и подписуюсь. Житель селения Абуково (ныне с. Первомайское Ставропольского края. - С.Б.) Пятигорского отдела Машуко Нагоплежев, а вместо него неграмотного по его личной и рукоданной просьбе расписался по-арабски Камбот Хакупшев. Старшина с. Абуково К. Гоов».

Мы привели эту длинную выписку лишь с одной целью - показать, что до конца XIX в. наряду с фамилией Ногмов в официальной переписке применялась, т. е. считалась законной, фамилия Клычев.

Встречается и другой случай. Например, в 1896 г. старшина сел. Кармова Батоко, сын Клыча, подписывается: «Сельский старшина Б. Ногмов», т. е. уже не упоминая старой фамилии. Видимо, это последнее обстоятельство и побудило Эруста Ногмова обратиться с вышеупомянутым прошением к начальнику Нальчикского округа в 1897 г. Остаются невыясненными ход и результат возбужденного Эрустаном дела, но судя по тому, что спорная фамилия все же осталась за ответчиками, ему не удалось его выиграть.

Фамилия Ногмовых, как отмечено выше, бытовала также среди жителей сел. Лафишева (ныне сел. Псыхурей). Родоначальник проживающих в этом селении Ногмовых, имя которого, вероятнее всего, Каншао, как рассказывают их односельчане, сопровождал по обычаю дочь Шоры Ногмова Кульдаам, когда она выходила замуж за проживавшего там Шолоха Альмова. Это предание подтверждается документально.

Так, в посемейном списке сел. Лафишева за 1886 г. числится семейство Ногмова Гура Каншаовича с пометкой: «...селения Кармовского с 1872 года». Тут же, напротив перечеркнутых этих слов, сделана приписка: «Значится записанным в посемейном списке в сел. Кармовском»²³⁹. И действительно, в посемейном списке сел. Кармова за 1886 г. встречается «проживающий в селении Лафишевом 4 участка Налычкского округа Ногмов Тлогур (Лыггур, Ггур. - С. Б.) Каншаович с сыном Пшемурзой и братом Машуко»²⁴⁰. Отсюда можно заключить, что данный Ногмов проживал именно в сел. Лафишева, хотя и был «приписан» к сел. Кармова, т. е. в сел. Лафишево должен был называться «временнопрожи-вающим». Любопытен и следующий факт. В том же посемейном списке сел. Лафишева значится некто «Асланов Жанкыр Ногмов». Это означает, что имя отца указанного лица странным образом совпадает с рассматриваемой нами фамилией. Откуда же он? В списке сказано, что из Кубанской области Баталпашинского округа. Есть ли здесь какая-нибудь связь с известными нам Ногмовыми? Трудно пока ответить даже предположительно.

НЫРОВЫ. Жители квартала Ныровых, что в сел. Кармова, являются выходцами из Песчаного аула. По сведениям Е.Н. Даниловой, этот аул в 30 - 60-е гг. (до 1863 г.) был расположен близ ногайского Султановского аула, на землях бывшей крепости Песчаной, по которой он и получил свое наименование. Очевидно, жители этого аула принадлежали к Джантемировцам²⁴¹.

Некоторые подробности из истории аула содержатся в прошении от 30 июля 1838 г. «абазинцев Мирного аула на земле Султана» на имя Кавказского областного начальника П. Х. Граббе. В нем говорится: «С давнего времени семья наша, поселившись в Султан ауле, проживала под управлением умершего ныне Султана *, была довольна во всех статьях... Со смерти же Султана ногайцы, совместно с нами живущие, другой веры, другого обряда и образа жизни начали нас теснить, отобрали землю и пастбища и оставили без малейшего способа в поддержании себя и нашего хозяйства... Осмеливаемся просить... дозволить нам в числе 21 семейства... переменить жительство наше из земли Султан аула на землю, состоящую пониже Песчаного». От имени жителей прошение подписали: Ибраим Боруи (Ибрагим Боров), Хохо Хуконов, Хангер Нуров»^{**242}.

«Пешаной пост», называвшийся также и Кумским постом, находился на левом берегу реки Кумы, в расстоянии от Суворовской станицы не далее 12. верст». В 1840 г. в ауле Султана насчитывалось 24 семейства, в том числе 93 мужчины и 97 женщин. Они имели 69 лошадей, 390 штук рогатого скота и 2160 овец. Жители аула на свое прошение получили положительный ответ, но и в 1841 г. оставались на старом месте жительства из-за слишком тяжелой повинности, налагавшейся на них в случае переезда - она включала в себя содержание кордонной стражи, для чего были обязаны давать «2-х конновооруженных с соблюдением между ними очереди и 2 арбы для перевозки леса на Минеральные воды с получением за то установленной платы»²⁴³.

Причина переселения аула в Кабарду выясняется из рапорта Д.С. Кодзокова от 16 февраля 1865 г. к начальнику Терской области: «Начальник главного управления наместника Кавказского, - писал он, - просил уведомления вашего превосходительства, не представится ли возможность дозволить переселиться в Кабарду 30 дворам абазинцев Песчаного аула Пятигорского уезда, коих земля пожалована частному лицу»²⁴⁴. Начальник области дал на этот запрос двоякий ответ: во-первых, если «абазинцы изъявят желание переселиться... в Кабарду, то дозволить»; а, во-вторых, «в противном случае должны непременно настоятельно весною переселиться в аул Канглы, где приказано сосредоточить всех оставшихся на Калаусо-Саблинских землях ногайцев...». Второй вариант, видимо, абазин не удовлетворял. Об этом говорит их обращение к Ставропольскому губернатору 1 мая 1865 г. «с просьбою о дозволении им переселиться к абазинцам Кубанской области, так как просители по своим обычаям не могут жить вместе с ногайцами, с которыми они назначены к поселению»²⁴⁵.

* Имеется ввиду «начальник ногайского и абазинского народа генерал-майор Султан-Менгли-Гирей»

** Из переписки 30-х гг. XIX в. он также известен как «закубанский уздень Ныров», он же – «ничт иное есть, как только племянник прежних господ их Коковых»

Дело о переселении аула Песчаного в Кабарду обсуждалось Терской областной поземельной комиссией. Первоначально она решила «допустить абазинцев Песчаного аула водвориться в Кабарду с тем, чтобы они расселились по аулам в числе 5 дворов и подчинялись бы всем правилам общественного в Кабарде устройства»²⁴⁶. В связи с этим решением окружное управление предписало начальнику Баксанского участка: «Из 30 дворов 10 семей перешли или переходят к ногайцам и затем в Кабарду следуют только 20 дворов, то 10 из них поселить в аул Лафишева, 6 в ауле Кармова и 4 двора в ауле князя Хасанби Атажукина»²⁴⁷. Однако предписание не было выполнено, что видно из сообщения Кодзокова начальнику Кабардинского округа: «Абазинцы Песчаного аула *, - писал он 21 апреля 1865 г., - поступили в состав Кармова аула не вразброс, а полностью, но сколько именно дворов, мне неизвестно»²⁴⁸. Отсюда ясно, что абазинцы переселились в аул Кармова не позднее 21 апреля 1865 г., а о числе дворов мы узнаем из ответа начальника Баксанского участка начальнику Кабардинского округа от 16 июня 1866 г.: «...Абазинцы бывшего Песчаного аула в числе двадцати дворов поселились в аул Кармова, список коим при сем представляю. Докладываю, что остальные жители этого аула, по показаниям переселившихся в вверенный мне участок, отошли в ведение заседателя 5-го участка и поселились в селение Канглы. При этом доношу, что препровожденный список при предписании от 30 апреля прошлого года за № 429 утерян»²⁴⁹.

Приведем список переселенцев с указанием количественного состава каждой семьи:

1. Исуф Боров - 7
2. Бекмурза Боров - 3
3. Магомет Шомаров - 5
4. Анзор Едигов - 8
5. Каспот Едигов - 4
6. Исхак Хоконов - 5
7. Исуп Хоконов - 5
8. Гиса Хоконов - 7
9. Жамбек Кушхов - 7

10. Хачимахо Ныров - 10
11. Сахид Ныров - 5
12. Адамей Ныров - 10
13. Мастафа Ныров - 5
14. Султан-Гелди Арсланов - 4
15. Исмаил Арсланов - 5
16. Бий Лигафшев - 4
17. Езаго Османов - 3
18. Дагаза Азойбеков - 8
19. князь Сальби Саринов - 4» 250.

* В докладе о распределении аульных участков в Большой Кабарде (1865 г.) в примечаниях уточняется: «Песчаный (Нырова) аул на Куме, ниже станицы Суворовской... не 10 дворов, а 32 двора».

Можно, кстати, упомянуть, что часть переселенцев, например, некоторые из Хоконовых, Аслановых, возвращались обратно в сел. Канглы даже спустя 20 лет.

Таким образом, становится очевидным, что все жители Песчаного аула, перебравшиеся в Кабарду, образовали свой квартал в сел. Кармова. Однако в литературе встречается ошибочное изложение этого события. Так, Т. Х. Кумыков пишет: «В 1865 г. 30 дворов абазин аула Песчаного, по предложению комиссии Кодзокова, было переселено по их просьбе, в Кабарду. Они расселены в разные аулы, расположенные в бассейне реки Малка, по 5 дворов»²⁵¹. Такого же мнения придерживается и Е. Н. Данилова, отмечая: «В эти аулы (Кармова, Лафишева, Ашабова, Трамova и Аджиева - СБ.) в 1864 году были расселены жители абазинского Песчаного аула Пятигорского уезда по 5 семей в каждый, несмотря на желание и просьбы абазин поселить их в Кум-ские или Кубанские абазинские аулы»²⁵².

Как уже показано выше, первоначально действительно было принято решение о расселении жителей Песчаного по разным аулам, но, как свидетельствуют и Кодзоков, и начальник Баксанского участка, это решение не было выполнено. Следует также подчеркнуть, что идея переселения не исходила, как мы видели, от комиссии Кодзокова. Не была она и желанием абазин, г. навязана им начальником главного управления наместника Кавказа, причем переселились не 30, а 20 дворов.

ПАШТОВЫ. В 1834 г. уздень Мустафа Пештов (Паштов) имел жительство в казачьей Бабуковской станице.

Абхазское происхождение этой фамилии не вызывает сомнений. Вот что говорится по этому поводу в прошении (1870 г.) «жителя Большой Кабарды аула Кармова князя Магомета Паштова»: «Фамилия, к которой я принадлежу, происходит от абхазских владетельных князей и всегда пользовалась княжескими правами. При настоящем размежевании частных собственников земли я устранин от этого надела, а потому покорнейше прошу ходатайства... о награждении меня участком земли». Для подтверждения своей родословной Паштов обратился в Цебельдинский народный суд, который выдал ему свидетельство следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся члены Цебельдинского народного суда, по выслушании просьбы жителя Кубанской области князя Магомета Паштова, о выдаче ему удостоверения об его происхождении, постановили, что он действительно происходит из одного рода с однофамильцем своим, цебельдинским князем подпоручиком Каншокова Пашт-ипа, предки которого издавна переселились из-за гор в Цебельду, всегда пользовались здесь княжескими правами, а потому, признавая и за Магометом Паштовым эти княжеские права, в удостоверение сего выдали ему это свидетельство...» Утверждая свидетельство, командующий войсками в Абхазии, генерал-майор Шатилов присовокупил, что «подпоручик князь Каншокова Пашт-ипа принадлежит к фамилии князей Маршани и что родственник и однофамилец его князь Магомет Паштов происходит из того же рода»²⁵³.

Социальное положение этого Паштова и его местожительство в прошлом прослеживаются и в отзыве поземельной комиссии. На прошение Паштова Кодзоковым была наложена такая резолюция: «Паштов скорее должен именоваться Бабуковским казаком, бежавшим к непокорным, но князем ни в каком случае, прав на надел не имеет»²⁵⁴. Надо сказать, что Паштовы, переселившиеся в аул Хасанби Атажукина (ныне сел. Куба), также из Бабуковской станицы, упраздненной в 1860 г. (урядник Каирбек Паштов).

ПШЕУНОВЫ (букв.: дом князя). Первые сведения о фамилии относятся к 30-м годам XIX в. В 1834 г. жил «на речке Малке в ауле Трамове кабардинский уздень Долотуко Пшеунов». О другом месте жительства Пшуновых говорит название части села Псыгансу - Пшуновых околотов (Пшыунэ хьэблэ). В 1847 г. пристав Тохтамышевских аулов сообщил начальнику Центра Кавказской линии, что житель аула Калмыка Трамova вольноотпущенник Хаба Пшунов и уздень Дая Копсергенов «имели намерение бежавшего малолетнего сына (18 лет. - С.Б.) узденя Лафишева запродать в горы, но препятствовали им в том кубанские жители аула Клычева, коими означенный Пшунов там же заарестован и доставлен ко мне»²⁵⁵. А в 1848 г. исполнявший должность начальника Центра Эристов информировал Кабардинский временный суд: «Вольноотпущенные узденей Трамoвых переселившиеся из Кабарды на р. Куму... Пшуновы, Гучина Абреков... остались в Кабарде и не желают переселяться к Трамoвым». Обосновывая свое нежелание переселяться на Куму, жители Трамova аула Пшуновы, Шогеновы, Коковы... в другом прошении начальнику Центра Грамотину разъяснили сложившуюся ситуацию: «Первоначально, - отмечали они, - начальство нас выселило из Кумы... по низовьям Черека, потом вторично нас поселили по правую сторону р. Малки, назад тому 30 лет. Тогда Заурбек и Бекмурза Трамoвы жили в Хостовом ауле, которые уже после нашего поселения на Малке через 5 лет просили нас, чтобы им дозволили к нам переселиться, на что мы согласились». А на предписание Эристова начальник Кабардинского округа Орбелиани получил ответ: «Суд имеет честь донести, что Трамoвы все издавна жили и имели аул на Малке и в этом ауле они не имели собственных холопей... и потому нет возможности требовать, чтобы по одному лишь произвольному желанию его аул, считающий себя неподвластным Бек Мурзе Трамoву, также был выселен из Кабарды и потому претензий Трамova противу аула че может быть»²⁵⁶. Некоторые из Пшеуновых считались узденями. Кабардинский суд в 1851 году рассматривал дело крестьянина абазинского

узденя Калмыка Трамова Бажа Пшунова. Он жаловался о «неправильном им завладении и продаже» в другие руки Трамова же аула (сел. Малка) узденем Салимом Пшуновым». В справке по делу отмечено, что «шариатом он (Баж Пшунов. - С. Б.) признан в прежнем состоянии»²⁵⁷.

Точная дата переселения Пшеуновых (Пшуновых) в аул Кармова пока не установлена, но вероятно, что они, во избежание постоянных раздоров с Тромовыми, воспользовались переселением кармовцев к верховьям Малки и присоединились к ним. Из предков рода на селе известны Пшунов Бот Мисостович, его сыновья Алихан, Хангирей, Каншоубий и брат Китера.

САТУШИЕВЫ. На равнинном месте по правому берегу Черема напротив Аушигера некогда находилось селение, называвшееся по фамилии Сатуши. Про фамилию напоминает и крутой склон (Дахэ и дэхып1э) к юго-западу сел. Псыгансу. По преданию, жених, скрываясь от преследования, верхом вынес по этому склону свою невесту из фамилии Сатуши 258. В ауле Абдрахманова, располагавшемся на Экипцоко в 1864 г., находились уздени Сатушиевы. Проживавший в сел. Кармова в 80-х гг. XIX в. предок фамилии Сатушиев Жамбот Османович с детьми Камботом, Гуллой и Аиссом, надо думать, переселился туда вместе с абдрахмановцами в период укрупнения аулов. Среди переселенцев 1865 года «из аула Шипшева, бывшего при впадении р. Чегем в Баксан в а. Кошерокова» был также представлен носитель фамилии - Асламурза Сатушиев.

СОНОВЫ. Термин «сваны» («соаны») встречается еще у Страбона (64 - 63 г. до н. э. - 23 - 24 г. н. э.)²⁵⁹. В Никоновской летописи за 1563 г. повествуется: «И Темгрюк (Темрюк Идаров. - С. Б.) со государевыми людьми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы... И воевали землю их одиннадцать дней, и взяли кабаков мшанских и сонских сто шестьдесят четыре, и людей многих побили и в полон имали»²⁶⁰. Комментируя термин «сонские», Е. Н. Кушева пишет: «Документы конца XVI и XVII вв. дают материал для определения Сонских кабаков. «Соны» русских источников - это сваны, для которых русские приняли грузинскую форму их названия; но термин Сонская земля употреблялся тогда в более широком смысле... Отсюда название перевальных путей из Кабарды в Грузию «Сонскими щелями»²⁶¹. Как видно, Соны (Сонэ), Суаны - это грузинская форма этнонима сван, распространенная и среди адыгов.

В 1840 г. командир Отдельного Кавказского корпуса Головин поставил в известность начальника Центра Кавказской линии Пирятинского о том, что жители Вольной Сванетии «принесли ныне покорность нашему правительству» и предлагал объявить об этом «кабардинцам и другим жителям на северной стороне Кавказского хребта». В связи с этим последовало предписание Пирятинского Кабардинскому временному суду, ответ которого от 26 ноября 1840 г. гласил: «Во исполнение предписания... о принесении ныне покорности нашему правительству жителями Вольной Сванетии во внимание таковой преданности этих новых подданных нашему правительству, - сим судом объявлено о сем всем жителям Большой Кабарды, также балкарцам, безенгиевцам, хуламцам, уруспиевцам и чегемцам с тем, чтобы они... когда сванеты явятся в Кабарду, давали бы им свободный пропуск... о чем вашему превосходительству Кабардинский временный суд донести честь имеет».

Изменившаяся политическая обстановка благоприятствовала большему проникновению сванов и на территорию Кабарды и Балкарии. Так, в семье А. Сонова (сел. В. Куркужин) хранится семейная реликвия - свидетельство, выданное Кабардинским судом в феврале 1847 г. за подписью секретаря суда поручика Анзорова одному из предков рода - Альбеку (Бекиру? - С. Б.) о том, что он «житель Малой Кабарды аула Бековичева... есть узденского происхождения» и что имеет право «жить с детьми и пользоваться навсегда свободой без всякого препятствия». Фа обитания Соновых в Малой Кабарде подтверждается также топонимом. Известна «возвышенность труп свана» (Сонэ хьэдэ шыгу) к северо-западу от дороги на Верхний Акбаш.

В сел. Кармова Соновы, вероятно, появились в 60-х гг., в ходе укрупнения аулов. По некоторым сведениям, они носили и другую фамилию - Асланов (Аслэнхэ) - инф. М. Сонов. По данным 80-х гг., в сел. Кармова проживали потомки переселившегося сюда представителя рода Маша (Мэш): Соновы Псаун и Каншао Машевичи.

Выше отмечено, что адыги называли выходцев из Сванетии - сонэ. Однако нередки случаи, когда представители этого народа, оказавшись в Кабарде, проживали в ней и под другими фамилиями. К их числу, например, относятся Кармоковы. Семейное предание гласит, что они рода дадыяновского. Что обозначает этот термин? Фамилию или этноним?

Ответ на эти вопросы дают сведения Генерального штаба Отдельного Кавказского корпуса, относящиеся к 1832 г. Из них выясняется, что в Сванетии жили четыре народности: Циха, Татархан. Вольные и Дадыяновские *. Последние отмечены на карте как принадлежащие Мингрелии. Жители Сванетии проникали на территорию Кабарды и Балкарии задолго до принятия ею подданства России. По сведениям М. М. Ковалевского, приблизительно более 350 лет назад в Баксанском ущелье у верховьев р. Баксан жили сваны 262. Рассматриваемая фамилия помогает ориентировочно установить по документам время переселения некоторых из них в Кабарду. Так, 12 декабря 1862 г. на имя начальника Кабардинского округа Орбелиани поступило прошение от «жителей аулов Атажуко князей Атажукина и Бекмурзы Атажукина, а именно: Исмаила Апшева, Асланбека Жемухова, Мет Афашагова, Магомет Гукетлова, Едика Гедгафова, Маша Тикинова, Науруза Шибзухова, Умара Шогенова, Хаджи Сижажева, Аисса Шурдумова, Барака Кармокова, Ислама Шомахова, Ибрагима Шетова и Заур-бека Булатова». Они писали: «Как по преданиям нам известно, что предки наши лет около 150 были узденями князя Темрюка Атажукина, от которых исходя и мы всегда пользовались правами ворк-шаотлухуса княжеской фамилии... ныне же комитет, разбирая личные наши права, причислил нас к сословию вольноотпущенников (азет), тогда как ни мы и ни отцы наши не были отпущенниками на волю, а потому просим распоряжения не оставить дозволить нам доставить положенное число свидетелей для подтверждения прав наших»²⁶³. Таким образом, документ показывает, что сваны проникали в Кабарду и Балкарию с давних времен, в данном случае, с 1712 г. (о сванском происхождении части просителей говорит наличие среди них Кармоковых).

* Жители селения Сармаково по фамилии Дидановы (Дидан), вполне вероятно, потомки выходцев из сванского общества - дадыяновского.

Кроме того, этот документ ясно свидетельствует, что и в самом комитете по делам личным и поземельным не все было ясно в вопросе о сословном положении населения феодальной Кабарды, и что его решения по причислению той или иной фамилии к той или иной степени узденей, а также определения даже княжеского достоинства нередко выглядят проблематичными и спорными. Мы не располагаем сведениями, удалось ли вышеназванным просителям добиться официального признания своих узденских прав. Однако, судя по давним конфликтным отношениям их к разным лицам фамилии князей Атажукиных, они, скорее всего, не могли добиться желаемого. О старой вражде авторов прошения и князей Атажукиных свидетельствует еще один документ. В прошении, датированном 1851 г., отмечалось, что Магомет Атажукин во время одного из своих частых разбойничьих набегов отнял у Магомета Сижажева двух служанок, лишил Кедгафова (Гедгафова. - С. Б.) 800 баранов, у Шу Апшева «угнато» 700 овец и 40 штук скота, у Шогенова - 900 баранов, 80 сапеток ульев, у Ахметова - 1100 баранов, 60 штук скота. «А при этом же случае без вести пропали два брата Крымоковых (Кармоковых. - С. Б.). Семейства же их лишились 700 баранов, 50 штук скота и 25 кобылиц, у Дикиновых заграбили 5 душ крестьян»²⁶⁴.

Проникновение жителей Сванетии на территорию Кабарды и Балкарии происходило самыми различными путями. Пожалуй, самым древним и наиболее выгодным с точки зрения феодалов-грабителей оставалось похищение (пленение) людей. Этот «промысел» в тот период был как бы узаконен и даже поощрялся. Как сообщал начальник правого фланга Кавказской линии в 1853 г. начальнику Центра Кавказской линии Грамотину, все вывезенные с гор пленные поступали во владение того, кто их вывез, и этому лицу предоставлялось «право поступать с ними как с своею собственностью»²⁶⁵.

Трагическая картина одного из многих таких случаев представлена в прошении узденя аула Абукова Хасана Маргушева, который, добиваясь возвращения выкупной суммы за сбежавшего от него крестьянина, писал Эристову: «В зимнее время сего 1852 года я ездил за Кубань, где у немирных закубанцев купил холопа Огурли за 250 руб. серебром и по возвращении моем на родину сказанный холоп объявил себя дадиановским жителем, увезенным еще малолетним в плен, потом он признал за отца какого-то казначея, живущего в Боргустане...» Разбирательство, «учиненное» в связи с этим прошением, установило, что сбежавший «не помнит отца, матери, родоприсхождения». Оказалось, что назвавший себя Мирзаем Кудалеевым, крестьянином князя Дадияна, был украден в 1850 г. «из виноградного сада князя Дадияна абхазским жителем князем Иналовым». Он «с самого малолетства» проживал в Мигрелии «у разных тамошних жителей в холопстве, переходя от одного к другому, не помнит более имен и прозваний их, оттоль назад тому около пяти лет неизвестными ему азиатами украден и продан в Апхазию, далее постоянно был перепродаваем из рук в руки в разные аулы и разным хозяевам с уверением продавцов покупателей, что он есть русский, и наконец, через продажу эту, он доставлен азиатом, именовавшим себя Маргушеном, в аул Абуков, где дознал он, что вблизи этого аула живут русские люди, бежал прямо в станицу Боргустанскую»²⁶⁶. Здесь, на станице, житель ее, сотник Горепекин и его родственники признали в беглом крестьянине «родного сына Горепекина - Михаила, взятого 3-летним в плен при разграблении хищниками станицы Боргустанской, почему, основываясь на точных доказательствах», он просил о причислении его к своему семейству.

СРИНОВЫ. (Сириновы). Среди ногайских племен было племя сиринов (ширинов). По данным эпоса Едигея, в формировании ногайской народности наряду с другими принимало участие и племя Сырын (Ширин).

Как пишет А. Н. Григорьев, «ширин - первый из четырех древних и знатных татарских родов, военно-феодалов, знать которого - карачи - играла видную роль в жизни не только ногайцев, но и крымских и, в прошлом, казанских татар». Установлено также, что «ширинские беи в Крыму были «самые знатные и важные после самого хана»²⁶⁷.

С племенем ширин связан (Эвлия Челеби) следующий эпизод: «Когда мы осмотрели все это (кабак Педеси и его окрестности в земле хатукаевцев. - С. Б.), его светлости хану дали тысячу отборных, хорошо вооруженных воинов-телохранителей. К хану пришли следовавшие вместе с ним от самого Крыма беи ширин, воины мансур... Они сказали: «О наш падишах! Мы были определены тебе в сопровождение, а теперь хватит. Ведь мы рабы (крымского) хана». И они попросили: «Можно нам возвратиться обратно, уйти к новому хану...» Хан позволил, и тотчас же ширинский бей сказал: «Хан мой, ты непременно должен выдать нам этого везира Москвы, находящегося у тебя в рабстве, Шермет-бека. Ты ведь взял его благодаря нашей силе. Они подняли крик, но так ничего и не добились. В конце концов он (хан. - С. Б.) проклял их, высказал хулу в адрес племени ширин»²⁶⁸.

В списке жителей абазинского Песчаного аула, переселившихся в сел. Кармова, первым значится «князь Сальби Сиринов» *.

*. Учитывая его сословное положение, следует считаться с тем, что Ныровский квартал села, как рассказывают, раньше назывался Сриновским (Сринэ хэблэ). Перемена названия квартала в обиходе, вероятно, связана с тем, что 4 двора из 19 переселившихся были носители фамилии Ныровых.

ТАХИРОВЫ. В селении проживало немало людей, не имевших оседлости, т. е. права на общинную землю. Таковых, например, в 1894 г. насчитывалось 29 жителей 270. В 1901 г. здесь I находились в качестве «посторонних» 12 человек, в 1909 г. 2 человека считались «иногородними», а 7 жителей - не имеющими оседлости. Среди них, как указывалось, были выходцы из Дагестана. В их числе - Тахировы. Они по национальности лакцы. Фамилия происходит от имени предка рода Тахира (инф. М. Тахиров).

ТАЧЕВЫ. Малолетние носители этой фамилии, по преданию, переселились в сел. Кармова вместе с матерью и считаются балкарцами (кушха). Вместе с тем в «Описании народов, обитающих в Кавказских горах разных племен по правую и левую стороны Военно-Грузинской дороги, принадлежащих к Владикавказскому округу», числится «ингушевского народа» деревня Батич Тачева, в которой насчитывалось 6 дворов (98 душ обоего пола)²⁷¹.

В конце 80-х гг. XIX в. социальное брожение «низов» достигло значительного уровня. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в 1888 г. большая группа кармовцев была приговорена к ссылке в Сибирь на поселение. Им было предъявлено стандартное обвинение, что они якобы «неисправимо порочного поведения». В этом «черном списке» оказались: Магомет Кармов, Батуша Кашежев, Камбулат Эдыков, Тамбий Люов, Тембот Гятов, Кайтуко Шуганов, Херли Лихов, Мазан

Лихов, Бекмурза Боров, Наиб Губжоков, Асхад Балагов, Камбот Мусов, Жамбот Машуков, Каирбек Хоконов и Исмаил Тачев. Приговор общества Кармова был утвержден местной администрацией 31 августа 1888 г. в отношении Тамбия Люева, Тембота Гятова, Магомета Кармова, Наиба Губжокова, Асхада Балагова и Исмаила Тачева. Между тем оставался на свободе наиболее «опасный» из них - Исмаил Тачев. Он скрывался в Кубанской области (сел. Конокова Баталпашинского участка).

* О ногойском князе Сиринове (Салеби Серинов) известно, что он был принят на три года в Кабарду на жительство, на службе не состоял, но за особые заслуги ему пожалована земля в размере 250 десятин 269.

На предписание Терского областного правления начальник Нальчикского округа информировал: «...публикация о розыске жителя селения Кармова Исмаила Тачева помещена в «Терских ведомостях» сего года в № 22». Неудовлетворенное ходом затянувшегося розыска Тачева, в декабре 1889 г. управление Нальчикского округа предписало начальнику 1-го участка «понудить старшину штабс-ротмистра Казильбека Кармова к розыску кармовца Исмаила Тачева, подлежащего к отправлению в Сибирь». Однако вместо ожидаемого ответа в управление округа поступило извещение о смерти Кармова. Чем кончились розыски Тачева, неясно, но, скорее всего, он в то время не был пойман, так как окончательно отправлено по этапу было 4 человека, для чего обществом сел. Кармова уплачено для этой цели 124 р. 60 к. Местом их ссылки был назначен Тюменский приказ 272.

ТЕМБОТОВЫ. Из записки Петрусевича известно, что «вниз от горы Кашкатау по речке Череку участок земли принадлежал князьям Темботовым... Темботов бежал за Кубань, а земля остается пустая» (1846 г.) 273. Однофамильцев Темботовых несколько. Жители села Темботовы - коренные кармовцы. Они проживали в ауле Кармова еще в бытность его под «Бечтовыми горами» (инф. Ш. Темботов). В 80-х гг. прошлого столетия на селе находились предки фамилии: Темботовы Герандуко и Гуч Харилховичи. Любопытная деталь: имя Харилхо (Хьэрълху, т.е. сын собаки) довольно редко и по тем временам. По фамильному преданию (инф. Шита Темботов), оно было дано сыну родоначальника Тембота из-за опасения, что род вот-вот может прерваться. А по суеверным представлениям наших предков, в подобных случаях новорожденному давалось имя, корень слова которого означал бы собаку - «хьэ». Однофамильцы Темботовы проживают также в сел. Псынадаха, куда они переселились из Кызбуруна I в 20-х гг. XX в.

ТОХОВЫ. Среди жителей аула Хагундокова (на Куме) за 1868 г. зафиксированы сироты Хацу и Берту, принадлежавшие владельцу аула Зурабу Хагундокову. А в 1886 г. в сел. Кармова они же проживали под именами Тохов Хацу Тохович (49 лет) и Тохов Берту Зурабович (34 лет). Согласно преданию (инф. Хабиж Тохов), часть Тоховых, к которым принадлежит и он, восходит к шапсугскому племени адыгов. Фамилия их предка - Шамурза Имамов. Вынужденный скрываться, он оставил жену и ребенка под покровительством своего знакомого, владельца аула Зураба Хагундокова. Имамов пропал без вести, и фамилия отца не закрепилась за упомянутым Хацу. Его фамилией, так же как и отчеством, стало имя матери - Тох (Тэхьуы). Брат Хацу по матери, Берту Зурабович, получил фамилию аналогичным образом. Его потомки ведут свой род от Зураба Хагундокова. Фамилия Имамов однако, не пропала бесследно. Имамовы, проживающие в Кызбуруне II, - прямые потомки того самого Шамурзы Имамова от его первого брака. Между представителями обеих фамилий до недавнего времени поддерживались кровнородственные отношения.

Один из носителей фамилии Тоховых популярен в народе: его имя (Хабан) * фигурирует в известной балкарской народной песне-плаче об Али Бейцизове. В соответствии с версией односельчан, Хабан и Али были закадычные друзья. Однажды они не поделили между собой добычу. Почти безоружный Хабан, по хитрой уловке Али, попадает в западню, в районе скалы Герпегеж, что на Кичмалке. Очевидцы и по сию пору указывают на сохранившиеся очертания могилы, якобы вырытой для Тохова, но оставшейся пустой. По заранее подготовленному сценарию, Али отлучается, якобы по делу. Через минуту начинается (дело было вечером) спровоцированная схватка между сообщниками Али и Хабаном. В тот же момент подбегает Али с недоуменным видом, но тяжело раненный Хабан успевает нанести ему рану, оказавшуюся смертельной. Тохову удалось скрыться через камышовую балку, он начал было выздоравливать, но, как говорят, подкупленный лекарь отравил своего пациента.

* В 1918 г. банда Шкуро угнала в Кисловодск 50 жителей с. Каменноостское в качестве заложников. Среди них находился Хабан Тохов.

Песня-плач, сочиненная, по рассказам, вдовой убитого (со слов братьев Нагмана и Назира Бейтугановых):

Алийм и анэр, Алийм и анэр
Ой, дуней, хуабжурэ магъыр.
Сытк1эрэ мыгъынырэ, Алийм и к1уэц1ым
Къамэ ф1ыц1эр шагъэджэгуаш.

Уи джэрпэджэжыр, уи джэрпэджэжыр
Айдэ, маржэ, уеджэмэ къоджэжыр жи,
«Алий» жалэу къаджэмэ, хэт щ1эзгэк1ыну –
Си Алийри узымы1эж.

Мы Жэналькъыжым, мы Жэналькъыжым
Ой, дуней, хьэхэр щобани,
Ой, къадзыгъуэ банэр, ей, уэ уи п1эщхьагъыурэ
Ныжэбэхэр уэ нэху уогъэщ.

Нартсанэ гъуэгур, нартсанэ гъуэгур
Ой, дуней, уи нашэ - къаши.

Ей, Чышбалькъ аузымэ лыы ф1ыц1эр дауши,
Си Алийр кысхуашэжай.

Чышбалькъ аузым, Чышбалькъ аузым
О, маржэ, шыхэр шагъажи,
Алий уи жьэн - фэнхэри батыргъэн лъабжьэм
Махуиемэ щызэхагъэж.

Бейцыз Алийри, Бейцыз Алийри жи
Ой, дуней, 1эщэм щогугъри.
И щхъэм щыгугъыурэ Т1эхъухэ Хьэбэным
Ди Алийри кытф1иук1ай.

Нартсанэ больницэр, Нартсанэ больницэр
Уей, Алий, сытк1э уи хушхъуэт?!
Сэ удз хушхъуэ сыхъурэ уигу сытыральхъэм,
Си Алий, узгъэхъужынт.

Гъэмахуэр хъумэ, гъэмахуэр хъумэ
Уей, Алий, шыхъужь уогъэпск1ыр.
Уафэхъуэпск1ым хуэдэурэ, ей, уи псэр щыхэк1ым
Сыт гушэри уэсят къэпш1ат?

Хьэ гъуабжэжыт1ыр, хьэ гъуабжэжыт1ыр
Ой, дуней, пц1ант1эк1э, ябги,
Жылэ ябгэжъурэ Къэрмэхъэблэжъым
Си Алийри дэк1уэдэжай.

ПЕСНЯ АЛИ

Мать у Али, мать у Али, Уей, дуней, горько рыдает.
Как ей не рыдать - в теле у Али Черный кинжал порезвился.
Это эхо, жери, уей дуней, это эхо, Айда, маржа, на зов откликается.
Если (друзья) кликнут: «Али!», кого я из дому провожать буду?
Нет у меня больше моего Али!

В этом Жаналькы проклятом, уей, в этом Жаналькы проклятом,
Уей дуней, собаки лают,
Уей, на постели из колючек
Эту ночь ты проводишь.

Дорога в Нартсану, дорога в Нартсану,
Уей, дуней, извивается,
Уей, в Кичмалки ущелье да потечет черная кровь.
Моего Али мне привезли!

В ущелье Кичмалки, в ущелье Кичмалки,
Уей, маржа, кони наперегонки бегают.
Али, твои внутренности
(Там) по корням борщевика разбежались.

Али Бекизов, Али Бекизов,
Уей, дуней, на оружие полагается.
На себя лишь положившись, Хабан Тохов
Нашего Али убил.

Больница в Нартсане, больница в Нартсане,
Уей, Али, разве для тебя целебна?
Если бы я стала целебной травой и положили бы меня тебе на грудь.
Мой Али, я исцелила бы тебя.

Лето, лето когда настанет,
Уей, Али, ты мерина купаешь,
Когда душа твоя, словно молния, вылетела,
Кому ты сделал завещание?

Два серых пса, два серых пса,
Уей, дуней, в своем дворе свирепые.

В ауле неистовом Кармахабле
Мой Али погиб.

Подстрочный перевод А. Гугова

ТУГОВЫ. В посемейном списке сел. Кармова (1886 г.) зафиксирован житель «из узденей» Тугов Алихан Бикирович». Отец главы этого семейства - «3-й степени уздень Бекир Тугов из аула Хажи-Темрюки Ашабова» упоминается и в ведомости Яку-ба Шарданова (1825 г.) 274. Очевидно, что Туговы - переселенцы из данного населенного пункта.

История этой фамилии довольно примечательна. Она проливает свет на многие стороны сословных взаимоотношений, включая в свою орбиту несколько известнейших фамилий, в том числе Ногмовых. 16 сентября 1848 г. прапорщик князь Александр Мисостов подал рапорт начальнику Центра Кавказской линии Эристову. Как из него явствует, он, узнав «о праздно проживающих в Кабарде чагарах», родных братьях Беслане и Бекире Туговых (Тукговых), по наследству ему доставшихся, в свое время просил двоюродного дядю князя Кучука Джанхотова «о введении их в должное» ему повиновение. Однако узнав, что тот «желал освободить их от рабства», Мисостов «дело это отложил до удобного времени». Затем дело было передано в Кабардинский временный суд, где секретарем служил Шора Ногмов. Мисостов, указывая на роль Ногмова в своем деле, писал далее в рапорте: «...Бывший секретарь поручик Шора Бекмурзин, будучи родственником чагара моего, подговорил состоявшего при оном суде для проверки журнальных записей майора Давыдовского... отказали мне в силу грамоты, дарованной императрицею Екатериною II». На требование Мисостова переселить к нему из Ашабова «семейство Бекира Тугова», а из аула Клишбиева его родного брата Беслана Тугова крестьяне заявили, что они «узденя, а не чагары». В силу всего этого Александр Мисостов просил начальника Центра «распоряжения о возвращении в мое подданство чагар Тукговых (Туговых. - С. Б.), проживающих в Ашабовом и Клишбиевом».

Документ представляет большой интерес во многих отношениях. Во-первых, он косвенно характеризует сословное положение Шоры Ногмова, как имевшего родственные связи с чагарами и, следовательно, весьма близкого к данному сословию (т.е. крестьянам) по своему происхождению. Во-вторых, расширяет круг наших представлений о родственниках Ногмова, хотя в документе, к сожалению, нет даже намека, кем конкретно доводились ему Туговы. В-третьих, мы узнаем, что Шора Ногмов не был послушным исполнителем воли князей, заседавших в суде, а действительно мог влиять на исход судебных дел, благодаря знаниям юридических основ судопроизводства, последовательно защищал обрядные права сословий. В случае с Туговыми он воспользовался грамотой Екатерины II (1771 г.), по которой, если кто «из владельцев оставя отечество» избереет место жительства в пограничные места, то имущество таковых, в том числе и крестьяне, отчуждалось. Таковым владельцем был отец истца майор князь Магомет Мисостов, находившийся (правда, с ведома местной администрации) в г. Моздоке.

При желании Ногмов, вероятно, мог бы воспользоваться и этим исключительным обстоятельством в пользу Мисостова.

Осенью 1918 г., когда в сел. Кармова вторглись банды Шкуро и Серебрякова, которым удалось временно реставрировать старые порядки, должность так называемого комиссара села исполнял прапорщик Исмаил (Исмель) Тугов. После восстановления Советской власти скрылся. Дальнейшая его судьба неизвестна.

ТХАШОКОВЫ. Наряду с фамилиями Крымуковых, Куважуковых, Макоевых, в литературе Тхашоковы отнесены к числу тех, для которых «характерно отсутствие в ней какой бы то ни было материальной взаимопомощи, но сохранение экзогамии и обязанности кровомщения». Эти слова принадлежат известному советскому этнографу М. О. Косвену. Ссылаясь на сообщение А. И. Першица, он писал: «В сел. Каменноостском фамилии Макоевых, Крымуковых, Куважуковых и Тхашоковых составляют лЫбын (потомство одного мужчины) и могут называться Тха-шоковыми, так как происходят от Тхашоки и его трех сыновей: Макоя, Крымука и Куважука»²⁷⁵. Впервые высказывая подобное мнение, А. И. Першиц руководствовался преданием и подвергать сомнению возможность родственных связей между этими фамилиями (соблюдения экзогамии) не имел оснований. Вместе с тем следует подчеркнуть, что, как свидетельствуют документы, фамилия по имени отца - Тхашоков - значительно позднее возникла, чем фамилии по именам трех его сыновей - в 80-х гг. XIX в. О том, что послужило поводом к появлению новой фамилии, предание гласит следующее. Двоюродный брат жителя сел. Кармова «общественно-доверенного» Адамея Макоева - Херли Макоев, оскорбленный односельчанином, убил обидчика, за что был арестован и доставлен в г. Владикавказ. Адамея Макоева попросили поручиться за него.

Однако, по обычаям того времени, достижение цели было невозможно из-за одинаковой фамилии. В этой ситуации Адамей принимает неординарное решение: взять себе новую фамилию - Тхашоков (ТхъэщIэкъу), по-видимому, по имени одного из своих предков. То, что предание имело под собой реальную основу, подтверждается и фактом перемены фамилии. Так, в прошении Шолоха Альмова от 3 августа 1886 г. среди других свидетелей назван и «Адамей Макоов, он же Тхашоков». Это значит, что новая фамилия еще некоторое время соседствовала со старой. Нелишне отметить и то, что потомки Тхашокова в обиходе и по сей день называют себя адамеями. И еще. В протоколе дознания от 5 июля 1884 г. зафиксирован «понятый с. Кармова Адамей Макоов», в другом же прошении в суд в качестве поверенного жителя селения Хажиберама Шалова в 1887 г. он же официально подписывается: «Адамей Тхашоков»²⁷⁶, т.е. не упоминает старой фамилии. Выше отмечалось, что нашелся повод для перемены фамилии. Следовательно, могла быть и причина. Обращает на себя внимание тот факт, что фамилия Тхашоков, судя по более поздним спискам, стали носить не только потомки самого Адамея, но и другие близкие родственники. И среди них - потомки Хасина Макоова (в частности, Курман-Али Тхашоков). А в числе жителей аула Хагундокова за 1864 г. упоминается уздень Хасин Макоов. Следовательно, причиной смены фамилии могло стать сословное положение ее носителей (остальные Макоовы в списках показаны временнообязанными крестьянами). Кстати, говоря о родственных связях Адамея Макоова с Крымуковыми и Куважуковыми, нелишне также заметить, что ни на кого из представителей последних новая фамилия не распространилась.

Однако вышеизложенным не раскрыта тайна предания о братстве этих фамилий. За ее разгадкой, на наш взгляд, следует об-

ратиться к «Запискам о Черкесии» Хан-Гирея. Указывая на причины установленного к 30-м гг. XIX в. в абадзехском, шапсугском и натухажском племенах «народного правления», он писал, что вольным земледельцам «для достижения независимости или вольного состояния и ниспровержения власти господствующего класса... необходимо было размножить число свое. Эта необходимость, вероятно, родила у них обычный устав соприсяжного братства». Сущность «братства» заключалась в следующем. Человек, перешедший «к ним из другого племени по каким бы то ни было обстоятельствам, какого бы он ни был рода и звания, с семейством или без семейства, должно принимать в сочлены того рода, к которому беглый явится». При этом беглый давал установленную присягу быть верным новому обществу и исполнять основные того рода, или фамилии, условия». Хан-Гирей не пишет о том, когда возник устав братства, куда принимались также отдельные дворянские фамилии, и кто были его основателями, но отмечает, что эти «племена с восторгом упоминают о некоторых из своих сочленов, отличавших себя различными неистовствами от толпы черни...» и добавляет, что «обычный этот устав соприсяжного братства был гробом власти высшего класса во всей Закубанской Черкесии».

Одним словом, эти соприсяжники, или союзники, соединялись между собою «узами родства, утверждаемого по их обычаям». К обычаям такого братства восходит, надо полагать, предание о братстве фамилий Куважуковых, Крымуковых и Макоевых. Отсюда уже нетрудно объяснить тот факт, что никто из членов данных фамилий в настоящее время не знает, в каких именно кровнородственных отношениях они между собой находятся, кроме тех, о которых повествуется в предании. И это понятно: таковых просто нет! Однако узы, связавшие однажды различные фамилии родством не по крови, а родством социальной организации, были настолько сильны, что в памяти потомства до наших дней не стерлись основные их черты.

Среди соприсяжников вольных земледельцев Хан-Гирей упоминает фамилии: Куфеше (несколько напоминает имя типа Гуф1эж, и производные: Гуф1эжыкуэ - Куважуков), Пцаше-р (вероятно, Дзасэж - Дзасежев), Меко-р (может быть, Мэк-уауэ - Ма-коев?), Щнахо-р (Шнахо - Шинахов?) Абде-р (Абидов?) и др.

УНАГАСОВЫ. Этот род - из сел. Жанхотова (ныне сел. Псыгансу). Фамилия Унагасов, что значит «поджегший дом», указывает на событие или поступок, приписываемый одному из предков, которое послужило поводом к возникновению данной фамилии. В источниках отмечен родоначальник сельской династии - Унагасов Гамшик Каратуович.

УНАЧЕВЫ. Некоторые фамилии восходят к названиям отраслей народных промыслов. Так, Уначевы (Уэнащ1э), что значит «седельщик», берут свое начало от представителя этого рода Али, отличавшегося умелым изготовлением принадлежностей для верховой езды и упряжи. Об одном из представителей фамилии есть информация в «Терских ведомостях» от 15 июня 1912 г. «По докладе государю императору прошения бывших всадников расформированного Терско-Кубанского полка Пшекана Уначева, Бахо Мокоева, Паши Кармова, - говорится в ней, - государь высочайше повелеть соизволил: освободить означенных лиц от содержания в исправительных арестантских отделениях с отдачей их Иа 4 года под надзор полиции, без возвращения им прав, утраченных по приговору суда». В документах упомянуты предки рода: Уначевы Исмаил и Магомет Шумаховичи.

УРИШЕВЫ. Уришевы (Уарыш) - выходцы из Кишпека. Девушка из рода Гятовых вышла замуж за одного Уришева из Кишпека. Оставив троих малолетних детей, оба родителя умерли. Сирот (старшего звали Хацу) забрали к себе Гятовы обратно в сел. Каменноостское приблизительно в 1926 г. С этого времени фамилия появилась среди жителей селения. По родовому преданию, Уришевы ранее назывались, подобно своим сородичам в Кишпеке, Урусовыми. А как заметил еще Л. Люлье, кабардинцы «урусами называют русских», следовательно, данная фамилия восходит, очевидно, к этнониму «русский».

Другая группа однофамильцев - Уришевых (Оришевых) проживает в селениях Карагач, Сармаково и Чегем I. Старожил Гамель Уришев (ветеран партии, войны и труда) из Чегема I рассказывает, что его предок по имени Урыш обладал недюжинной силой. Урыш, родом из фамилии Алакаевых (алакай - ногайский этноним), ранее находился в Вольном Ауле. Предание подтверждается документом. В 1832 г. Кабардинский временный суд сообщал: «Кабардинец Вольного аула Уриш Аликаев по принесенной им жалобе на узденя Тлухпаго Закиреева по обоюдному их согласию Аликаев Закиреевым удовлетворен одним пудом меда и на 30 руб. серебром, скотиною, платьем и пчелами»²⁷⁷.

Как видно, родословная представителей, по существу, одной и той же современной фамилии кабардинцев восходит к различным этнонимам.

УРЧУКОВЫ. Известны в документах с 50-х гг. XIX в. На одного из них жаловался владетель абазинского аула Лоова князь Лоов: «Собственный крестьянин мой Гучупса Урчуков, - писал он, - вообще имеет... наклонность к противозаконным поступкам, сбивая и других подобных себе на таковые же поступки, за что мною он Орчуков арестованным препровождается при сем»²⁷⁸. Просьба Лоова об отправлении Урчукова в крепость Темнолес-скую была «уважена» немедленно. Та же фамилия фигурирует в другом прошении в Кабардинский суд - от 1864 г. На этот раз Жунус Жерештиев сетовал на своего крестьянина Оршукова. Ур-чуковы были известны и как владельцы из аула Инджилокт. А в 20-х гг. прошлого века в ауле Бекови-ча-Черкаского находился уздень 3-й степени Жанкаши Урчукаев.

О появлении Урчуковых в сел. Каменноостском повествуют документы 1921 г. Так, 1 апреля 1921 г. окружной земельный отдел предписал исполкому сел. Каменноостского: «Настоящим предлагаю вам наделить усадебной, покосной и пахотной земель на общих основаниях с другими гражданами вашего селения переселившихся из Хасаута 7 семейств, пострадавших от контрреволюции»²⁷⁹. Предписание явилось ответом на заявление граждан сел. Хасаут от 20 марта 1921 г. на имя председателя Нальчикского окрисполкома. Заявители: Магомет, Хамид, Иташ, Берту, Ми-тух, Пшимахо, Тломахо и Тешеню Урчуковы, в частности, писали: «...со дня упразднения царской и министерской власти в России, все жители Хасаута по направлению своих знатных князей и дворян по старому обычаю принимали их наставления идти против Советской власти с истреблением всех, дать помощь кадетам, дабы не попасть в руки большевиков... Мы, сознавая, что Советская власть охватывает всю великую Россию и никогда не могла быть побеждена разными князьями и их кулаками, мы бросили свое родное гнездо и перешли на жительство к мирным жителям селения Каменноостского, которые приняли нас, как дорогих гос-

тей...»у Далее в своем заявлении Урчуковы просили: «...сделать свое распоряжение причислить нас с семействами к селению Каменноостскому на равных правах граждан того селения в числе 8 дворов, в составе 36 душ». 20 марта 1921 г. исполком Каменноостского сельского Совета выдал переселенцам удостоверение следующего содержания: «Дано сие гражданам селения Хасаут Урчуковым в том, что они и их семьи со дня данного распоряжения председателем Нальчикского окружного исполкома товарищем Калмыковым от 7 декабря 1920 г. живут в селе Каменноостском безотлучно и ни в каких провокационных отношениях замечены не были». Кроме того, указывалось, что «Магомет Урчуков в бытность отряда Арешкина при ликвидации кадетских банд в горах около Хасаута был самым первым проводником всех войск и указывал войскам дорогу, дабы они не попали в руки бандитов в горах и скалах». Б. Э. Калмыков 11 декабря предложил исполкому сел. Каменноостского «принять и разместить в селении беженцев из селения Хасаут». Таким образом, Урчуковы были не просто переселенцами - они считались беженцами. Об этом и сами они писали предисполкому Баксанского округа: «Мы бежали из селения Хасаут за невозможностью дальнейшего проживания там через разных бандитов и контрреволюционеров, которые всегда имели на нас гонение и даже убили нашего родственника за то, что он большевик»²⁸⁰.

ХАГУНДОКОВЫ*. Абазинское племя мысылбай (или башилбаевцы) входило в группу шкарауа. В племени господствовали два княжеских рода: Сидовы (Шидовы?) и Егибоковы. Последние, по некоторым данным, «якобы происходили из кабардинцев». Среди прочих фамилий - амыста князей Егибоковых, известны Хахандуковы²⁸¹.

* Встречаются также варианты фамилии: Агундоков, Хатдуков, Ахандуков, Хаундоков.

Согласно справке комиссии по разбору личных и поземельных прав горцев, «фамилия Хагундовых принадлежит к кабардинским узденям Атажукинской фамилии разряда беслен-уорк»²⁸². Вместе с тем имеется немало материалов, прямо указывающих на абазинское происхождение фамилии. Один из таких документов - «прошение абазинского 1-й степени узденя Якуба Хогондокова», адресованное 28 июня 1862 г. командующему войсками Кубанской области генерал-лейтенанту Евдокимову. Другое прошение исходило от прапорщика Лафишева и предназначалось начальнику Кабардинского округа Орбелиани. Оно начинается словами: «По претензии на меня абазинского узденя Якуба Хагундокова я вызван в Кабардинский суд...»²⁸³.

Итак, в первом из приведенных документов Хагундоковы причислены к кабардинцам, а в двух других именуется абазинами. Нет ли здесь противоречия? По-видимому, нет. Комиссия, которая в одном случае занималась, главным образом, земельным вопросом, могла констатировать факт пребывания Хагундовых в административном отношении на кабардинской земле и на этом основании причислить их к кабардинцам, имея в виду службу подателя прошения на имя императора Александра II, ротмистра Измаила (Ислама) Хагундокова, чин которого уже давал ему право на наделение землей. Ведь вышеупомянутая справка была вызвана этим прошением. Простение же Якуба Хагундокова (близкого родственника И. Хагундокова, жителя того же аула) было написано до начала работы поземельной комиссии, не ставя вопроса о наделении его участком земли. Поэтому беспристрастное указание самим Хагундовым на свою этническую принадлежность, так же как и в прошении прапорщика Лафишева, имеет существенное значение для правильного ее определения. Достаточно в связи с этим отметить, что тот же Я. Хагундоков в 1871 г., прося о наделении его земельным участком, уже называл себя кабардинским узденем. Но на свою просьбу он получил такой ответ из канцелярии правителя Терской области: «...объявить просителю, что фамилия Хахондовых принадлежит к абазинскому племени и потому к наделу землею в частную собственность в Кабарде по происхождению не подлежит. Если же некоторые из этой фамилии получают участки земли в Кабарде в частную собственность, то собственно за их службу, а так как проситель не служил - то и не представляется возможным удовлетворить означенную его просьбу»²⁸⁴.

Следует отметить также, что в литературе упоминается небольшое племя хагун, входившее в состав шапсугов и натухацев. Может быть, родовое имя Хагундоков восходит к этому этнониму? Такая возможность не исключена. Однако абазинское происхождение Хагундовых этим обстоятельством, строго говоря, не опровергается. В связи с этим методологическое значение имеет одно высказывание Л.И. Лаврова. «Ряд адыгейских племен (шапсуги, абадзехи, бжедуги), - пишет он, - были прежде абазинами и говорили на абазинском языке. Соображения в пользу этой гипотезы... до сих пор никем не опровергнуты»²⁸⁵.

Одно из первых упоминаний о Хагундовых содержится в рапорте генерал-майора Дельпоццо от 6 июня 1805 г. князю Цицианову. В нем сообщается: «Уздени Хаундоковы с 60 семей поселились у узденя Могукова по вершине Кумы; оных же еще осталось за Кубанью 40 семей». Из рапорта также становится известным, что аул был уведен в Закубанье «...в прошлом (1804. - С. Б.) году бунтовщиком, бывшим полковником Росламбеком Мисостовым».

По данным Хан-Гирея, аул Хагундокова (Хахгундекоае) в 30-х гг. прошлого века располагался на речке Кайтуко *. Комментируя эти сведения, автор указывал, что аул «не имеет особливового владельца, кроме князей Хатохжоковых рода, по случаю недавнего прекращения сей фамилии». Трудно подвергнуть сомнению данные Хан-Гирея, но если род Хагундовых все-таки возродился, то здесь, видимо, случилось нечто подобное тому, что имело место относительно рода Талостановых, когда род «трижды прекращался таким образом, что по смерти последнего члена оного жена умершего, оставшаяся беременною, разрешалась от оной сыном».

В 60-х гг. XIX в. аул Хагундокова находился на правом берегу Кумы при впадении в нее притока с одноименным названием - Ахондучка²⁸⁶, в 17 верстах от аула Абуково²⁸⁷ (ныне с. Первомайское Ставропольского края). В Терской и Кубанской областях было несколько аулов, называвшихся Хагундоковскими. Поэтому следует уточнить, что именно названный аул переселился в сел. Кармова. Юнкер Зураб Хагундоков 20 сентября 1865 г. писал председателю Терской сословно-поземельной комиссии: «18 лет тому назад аул мой переселен из Кабарды на кумскую землю, где я жил около 10 лет, не стесняемый никем... Но за восемь лет пред сим мне объявили, что участок, на котором находится самый аул, вошел в состав земель Боргустанской станицы, а покосные и для выгона места аула отошли в казну». В связи с этим, Хагундоков просил оставить его на этих землях или по соседству на более выгодных для него условиях, «наделив достаточным количеством по расчету на 230

душ». Однако в просьбе ему было отказано, и жители аула вынуждены были «платить ежегодно станице Боргустанской 50 руб., а в казну 160 руб.»²⁸⁸.

* Между Куркужином и Малкой, по сведениям Хан-Гирея, есть источник Ккайтико, протекающий пространство около двух верст.

Имея в виду аул Хагундокова на Куме, Д.С. Кодзоков в 1867 г. указывал, что «неопределенное положение жителей аула Хагундокова совершенно их разоряет, почему необходимо дать о них начальнику Кабардинского округа какое-либо окончательное приказание»²⁸⁹. «Неопределенность» эта была вызвана изменением границ Кубанской и Терской областей, на стыке которых располагался аул. Касаясь положения, в котором аул оказался, канцелярия начальника Главного штаба Кавказской армии 6 июля 1864 г. разъясняла: «Приказом по армии от 27 ноября 1859 г. ...была определена граница между Терской и Кубанской областями. На основании приказа по Кавказской армии от 20 апреля 1861 года изменена часть этой границы... Между тем аул Хагундоков (Хатдуков тож), расположенный на правой стороне р. Кумы на местности, вошедшей в состав Терской области (на землях, известных под именем кордонных), до сих пор состоит в ведении Верхне-Кубанского приставства Кубанской области... Упомянутый аул, как уведомляет канцелярия вверенной вам области, населена жителями Кабардинского округа...»

Жители аула не хотели, чтобы «неопределенность», в которой они оказались, завершилась изгнанием их с кумских, обжитых земель, хотя, как уведомлял начальник Кабардинского округа начальника Терской области 12 сентября 1864 г., «расположенный на правой стороне р. Кумы аул Хагундокова в числе 34 дворов, с 284 душами обоего пола жителей принят мною в свое ведение и присоединен к Баксанскому участку». А в следующем году (25 мая 1865 г.) был оформлен переход аула Хагундокова из ведения Кубанской области в Терскую область специальным протоколом. Но, как уже отмечено, войдя административно в состав Кабардинского округа, жители аула все же надеялись остаться на кумских землях. На скорейшем их выселении настаивала администрация Эльборусского округа. Заведующий этим округом 8 ноября 1865 г. обратился с рапортом к исправляющему должность попечителя горских народов Кубанской области. В нем он подробно излагал свои соображения и их основания: «Переданный в прошлом году в Кабардинский округ аул Хохондуков, - отмечал он, - отстоя от центра управления этого округа слишком на сто верст, совершенно изолирован от всякого почти на него влияния начальства этого округа и потому жители его, пользуясь таким удобным случаем, дозволяют себе заниматься воровством, а главное, передачей воровского в обширных размерах... Этому едва ли не более чем удаление от центра управления способствует положение этого аула в углу сходящихся границ четырех ведомств, а именно: Кабардинского, Эльборусского округов и земель 4-й бригады Кубанской казачьей и 1-й бригады Терского казачьего войска... Все это послужило к развитию в этом уголке воровства, получившего в глазах туземцев, по окончании военных действий (так называемой Кавказской войны. - С. Б.) особенную прелесть, как единственное средство показать свою удаль и ловкость»²⁹⁰. В конце своего пространного и тенденциозного рапорта заведующий округом делал вывод: «...так как главный пункт, где сходится большая часть добытых воровством в Карачае и казачьих станицах и откуда все это расходится по всей Терской области и в Тифлис, есть аул Хахондукова, то его следует с занимаемого им места перенести вглубь Кабардинского округа ближе к центру своего управления».

Из вышеизложенного следует, что участь жителей аула была предreshена, но они предпринимали одну попытку за другой, чтобы остаться на кумских землях. Одна из таких попыток - прошение владельца аула, штабс-ротмистра Исмаила Хагундокова, написанное в 1864 г. на имя императора Александра II. В нем, не забыв, конечно, упомянуть о своей верноподданной службе, он писал о том, как «несчастлив его отец (Зураб, активный участник борьбы против Шамили, был награжден знаком отличия военного ордена в 1857 г., возведен в чин юнкера в 1864 г. - С. Б.), не получая от местного начальства разрешения остаться со своим аулом на р. Куме, где с незапамятных времен жили наши предки, чему доказательством служит то, что все бывшие там посты именовались Хагуидоковскими» и просил «оказать отцу... милость, даровав ему вечную потомственную оседлость»²⁹¹. Прошение было переадресовано Терской сословно-поземельной комиссии, которая в рапорте начальнику Терской области (уже цитированном нами) дала, в частности, такое разъяснение: «Фамилия Хагундоковых принадлежит к кабардинским узденям Атажукинской фамилии разряда беслен-уорк и проживали до 1824 года * на кабардинской земле, на левом берегу Подкумка и при бывших в то время несогласиях между кабардинцами некоторые члены этой фамилии перешли за Кубань, из числа этих ныне в наших краях никого не осталось, а другие Хагундоковы и из них Зураб, отец штабс-ротмистра Измаила, с братьями переселились в Кабарду и проживали на правой стороне Малки, а в 1846 г. с разрешения начальства перешли на старое место своего жительства, на левую сторону Подкумка близ поста Хагундоковского и состояли в ведении сперва Карачаевского, а впоследствии Верхне-Кубанского приставства, хотя и проживали на землях Терской области. В прошлом году, по просьбе Зураба Хагундокова, он и жители аула в числе 23 дворов (230 человек) из ведения местного начальства причислены в Кабардинский округ, кои природные кабардинцы... остались, однако, на старом месте своего жительства». Что же касалось претензий Хагундокова на землю, то комиссия разъяснила, что «вообще все хагундоковцы пользуются кабардинской землей наравне с остальными своими одноземельцами и особых прав на землю, ими ныне занимаемую... не имеют... и могут свободно пользоваться нужной им землей наравне с прочими жителями Кабарды, или, если пожелают, то переселиться внутрь Кабарды в подлежащую им Атажукинскую фамилию».

* Хан-Гирей называет аул Хагундокова (Хахгундекоае) в числе тех, что переселились в Закубанье в 1821-1822 гг. ²⁹²

Итак, вывод поземельной комиссии о том, что хагундоковцы «особых прав на землю, ими ныне занимаемую... не имеют», был равносителен отказу в прошении. Убедившись в неизбежности их переселения в глубь Кабарды, жители аула предприняли последнюю попытку переселиться, но на этот раз на левую сторону Кумы, и просили Кубанскую администрацию причислить их к Кумскому абазинскому аулу. В прошении своем они указывали: «С 1848 г. ...переселены мы в числе прочих жителей из Кабарды с причислением в Тахтамышевское приставство и с поселением в верховьях р. Кумы по правой стороне оной. Место это более 200 лет было занято фамильными вождями Хахандуковыми с своими подвластными, по фамилии коих русским правительством устроена была даже крепость Хахондуковская, каковую память желаем и мы сохранить по своему происхождению... Покорнейше просим... ходатайства о переселении нас в вверенный Вам округ и перечислить к аулу Кумскому абазинскому. С разрешения начальства к сей докладной записке по неграмотности прилагаем знаки перстов

своих жители Кабардинского округа аула Хахандукова из узденей: Якуб Хахондуков, Беслан Лыхов, Ильяс Лыхов, Каншау Баев, Закирей Абитов, Шапак Куржинов, Магомет Кармов, Дженгот Куважуков, Нух Бейтуганов, Киля Баев, Хасин Макоов, Салих Кештов, Мазан Нанеев, Умберек Катов, Идрис Вакашев, вдова Хуж Багова, Молля Курашинова, Зураб Хахондуков, печать»*293. Это прошение было написано 29 марта 1868 г., а уже в августе того же года аул Хагундокова был расселен и 25 его дворов из 46 составили в сел. Кармова особый квартал, заняв место упраздненного в 1867 г. Каменноостского военного укрепления. Остальные жители расселились в селения Ашабово - 14, Абуково - 3, Касаево - 1 двор.

* Документы 60-х годов XIX в. свидетельствуют и о других жителях аула Хагундокова, позднее переселившихся в другие населенные пункты. Один из них указывает, что «с давнего времени девять семейств из аула Джантемирова – Жамбот Кармов, Беслан Мушхожев, Абдул Татарканов, Ибрагим Татарканов, Бата Шадуев, Харис Койшиев Аброков и Бекир Курашинов живут в а. Хагундокова и подчинены Кубанской области» 294.

Переселением своим владеец аула Хагундоков не был доволен, просьбы о наделении его и его сына землей продолжали поступать в различные Инстанции. В одном из прошений (1870 г.) Зураб Хагундоков, прямо указывая, что он «по воле начальства переселился в аул Кармово, где с переселением понес большие убытки в скотоводстве, потому что пригнанный... скот и овцы почти все пали по непривычности к знойному солнечному климату...»295, просил о наделении его землей. На это, видимо, получил отрицательный ответ со ссылкой на то, что его сын получает землю. В связи с этим он вновь писал начальнику Терской области: «Если сын мой майор Ислам Хагундоков должен получить надел земли в частную собственность, то это для меня несколько не выгодно, потому что он перешел в православную веру и, вероятно, будет жить отдельно от меня». Наконец, в 1874 г. просьба отца и сына Хагундовых была удовлетворена. При этом следует отметить, что за них перед императором ходатайствовал великий князь, наместник Кавказа Михаил Николаевич, что видно из уведомления Терского областного управления Георгиевскому окружному начальнику. Начальник главного управления наместника Кавказского сообщал начальнику Терской области, что государь император, по ходатайству его высочества наместника Кавказского, в 15 день сентября высочайше повелеть соизволил: кабардинцам юнкеру Зурабу и сыну его майору Исмаилу Хогондоковым отвести в собственность два участка из свободных казенных Эш-каконских земель в количестве 667 десятин взамен пожалованных им в 1870 году 590 десятин в Большой Кабарде на р. Кичмалке». Оба земельных участка с обоюдного согласия владельцев были отмежеваны «одною окружною мерою», но вскоре разделены. Разделение было вызвано смертью Исмаила Хагундокова, после чего «вдова войскового старшины Николая (по крещении) Хахон-докова Александра Ивановна Хахон-докова, опекунша детей своих», обратилась с просьбою в межевое управление. Она требовала «отделить участок умершего Исмаила Хахондокова в 413 десятин особо для самостоятельного пользования»296.

Из всего изложенного напрашивается вопрос, чем они, Хагундоковы, сумели вызвать внимание столь высокой особы царской династии? Только очень и очень немногие из горцев удостоивались такой большой чести, как личное содействие наместника. Конечно, прежде всего это связано с военной службой войскового старшины Николая (Исмаила) Хагундокова. Позднее начальство характеризовало его как отличного офицера 297. Николай Хагундоков учился и получил воспитание и военное образование в бывшем Павловском кадетском корпусе, куда он поступил в 1851 г. из Александровского малолетнего корпуса. В 1857 г. поступил на службу в 14-й гусарский батальон Митавского, короля Вюртем-бергского, полка и в его составе дослужился до чина штабс-ротмистра, а позднее стал майором. О действительной военной службе Хагундокова сведений мало. Известно лишь, что «переписка о взыскании с войскового старшины Хахундокова поземельных пошлин передана для исполнения по месту службы Хахундокова в войсковой штаб Кубанского казачьего войска... и передана для зависящего распоряжения атаману Ейского военного отдела Кубанского казачьего войска»298.

Успешному продвижению по службе, надо полагать, немало послужило его участие в одной из экспедиций в Закубанье в 1862 г. Отец Хагундокова Зураб несколько раньше получил предписание выступить с двадцатью всадниками к р. Зеленчуку, а оттуда вместе с милиционерами аулов Верхне-Кубанского приставства следовать в укрепление Майкоп. Однако по состоянию здоровья он отправиться не смог. И во главе 20 всадников из аула Хагундокова и 20 всадников из других соседних аулов встал его сын Исмаил. В этой карательной экспедиции он отличился наряду с начальником милиции, как он характеризуется в документе, «неустраслимым полковником Абдрахмановым». Кстати, на их совести несколько дотла сожженных абдзехских деревень, в которых оставались в основном женщины, старики и дети. Об одной из этих деревень - Шхагуаше (Щхьэгуашэ), что расположена у одноименной речки - притока Зеленчука (русское название - Белая), сожженной 10 ноября 1862 г., народ сложил песню-плач.

Записана со слов жителя сел. Каменноостского Бейтуганова Гусмана Гисовича, слышавшего песню в 1924 году:

Жып1энурэ зэчырым хуэдэщ,
Уедэуэнурэ кьур1эным и уазщ.
Щхьэгуашэурэ тхьэр зыдэбгэным
Льы бахьаер кьызэрыдох.
Муслымэнурэ дызэхэзыным
Гьыбзэ дахэр (щ1ы1эр) кьытхуагьэфащэ.
1эшэ-фащэура дыщэ зэрылэр
Уардэ унэм кьышызэф1адзэ.
Шэджэрокьуэрэ ди тхьэр зи гьуазэ,
Фоч гьуазэм Ш1эмьпсэхуж.
Шэджэрокьуэрэ шэджэрокьуатхьэуэ,
Си тхьэужьейхэр лъэгуажьэф1ыц1эшэ,
Кьэнтэлоуэрэ си фоч ф1ыц1эжьыр
Кьэззуатк1эрэ зэш1ызогьапльэ.
Зи щэу1эгьэм хуемыплэк1ыжыр
Бэлэтокьуэ и кьуэк1э Бэчмырзэ ц1ык1уш

(Мыщхъужьым и къуэк1э ди хъэжы Ц1ык1уш).
Дыхьэрэнурэ вакъэ ныкъуэдыр
Дынылъэм къыпхудызонэ,
Сабий бынурэ кыздэнк1ар
Топ маф1эм хагъэсыхъаш.

Петь ее - подобно пению зачира (духовной песни),
Слушать ее - подобно проповеди из корана.
Из долины Шхагуаше - да проклянет ее бог! –
Кровавый пар поднимается.
Мусульмане, что нас слышат,
Холодной гыбзы (песни-плача) нас достаивают.
Оружие, золотом отделанное,
В большом доме заряжают,
Шаджароко, для которого путеводителем наш бог,
С ружейного прицела глаз не сводит.
Шаджароко, Шаджароко полуседой,
Его серые кони - с черными коленями.
Канталоом (сделанное) мое ружье черное могучее
В священной битве я раскаляю,
Кто на свою супругу не оглядывается,
Это Балатоко сын Бекмурза малый.
Тегеранскую обувь недошитую
В сундучке тебе я оставляю,
Малых детей, что мы оставили,
В огне пушек сожгли.

Подстрочный перевод А. Гутова

Инициатор этого акта вандализма генерал-майор Абдрахманов, по преданию, лишился впоследствии рассудка. Его одинокая могила на берегу р. Жеманкул, на самом краю села, еще долго пугала суеверных людей тем, что из нее, по рассказам старожилов, ночами вылетали искорки пламени за его страшные грехи перед загубленными детьми, и то было, как говорили, за-служенной карой. (Явление самовоспламенения сероводорода, выделяющегося при разложении содержащих белок структур, приписывалось сверхъестественным силам.)

Следует особо остановиться на одной публикации, автором которой был И. Хагундоков. Речь идет о повествовании «Из записок черкеса» (на 10 страницах), написанном в ст. Баталпашинской (ныне г. Черкесск) и напечатанном в «Военном сборнике» в 1867 г. Этот журнал, издававшийся в Петербурге (Петрограде) в 1858 - 1917 гг., считался официальным органом военного министерства. Уже сама публикация в таком солидном журнале говорит, что Хагундоков имел определенные заслуги и пользовался вниманием в военных кругах. Надо подчеркнуть, что это повествование до сих пор малоизвестно широкой читательской публике, хотя является, бесспорно, интересным историческим источником. Кроме того, оно не лишено художественных достоинств. Здесь подробно описаны основные события одной карательной экспедиции 12-тысячного отряда в Закубанье, в которой принимали участие гостивший тогда на Кавказе принц Альберт Прусский (Старший), находившийся в отряде Хагундокова, и великий князь-наместник. Приведем несколько выдержек из этого произведения. Так, автор, стараясь, видимо, быть объективным, характеризует способ ведения войны черкесами таким образом: «Черкесы, бросаясь большими массами на неприятеля, оставляют шашки в ножнах; они стараются подготовить успех атаки выстрелами и уже после стремительного шока начинают действовать шашками». Этим Хагундоков опровергал распространенное мнение будто черкес «накакивал на неприятеля с шашкой в зубах» и отмечал, что «это несправедливо». Данные замечания автора представляют большой интерес прежде всего как описания очевидцем событий и проливают свет на военную тактику и стратегию адыгов.

Хагундоков довольно высоко отзывается о своих противниках - закубанских черкесах. При этом он отмечает, что «ссылается на всех имевших случай узнать их», страхуя себя таким образом от возможных обвинений в пристрастии к землякам. «Ни одно племя горцев не могло сравниться в храбрости, ловкости и лихости наездничества с теми обществами кабардинцев, - пишет он, - которые, именуясь хаджиратами, живут на Кубани, обоих Зеленчуках, Урупе, Лабе, Ходзе... Это не те изнеженные кабардинцы, которые сохранили в наездничестве одну только манерность... Для хаджиратов седло тот же мягкий диван, на котором они располагаются так удобно и так грациозно». В «Записках» описано несколько сражений. Вот один из моментов: «...всё слилось теперь в протяжный гул выстрелов и криков: «Гяур, гяур!» Нас, в буквальном смысле, засыпали градом пуль, а мы, военные, не могли защитить себя от невидимых врагов... Застонала адыгская земля от проклятий и выстрелов ее сынов...»

По окончании семидневной экспедиции «его королевское высочество... простился с милиционерами, выразив им полное удовольствие за усердную службу и обещав засвидетельствовать перед государем императором их преданность престолу». Заметим, что именно преданность престолу и была вознаграждена как повышением в чине, должности, так и наделением обоих офицеров (Ф. Абдрахманова и И. Хагундокова) столь большими земельными участками. Отсюда становится понятным, почему наместник Кавказа великий князь принял такое живое и непосредственное участие в земельных делах Хагундовых.

Но самое интересное, на наш взгляд, в сочинении И. Хагундокова состоит, пожалуй, в том, что автор цитирует стихи из поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник»:

В косматой шапке, бурке черной,
К луке склоняясь на стремена...

Правда, у автора эти слова приводятся во множественном числе («В косматых шапках, бурках черных, К луке склоняясь на стремена...»). Такие коррективы связаны, видимо, с тем, что в его повествовании речь идет о двадцати всадниках. Остается загадкой, почему Хагундоков прибег к этой цитате. Возможно, он стремился блеснуть знанием русской литературы, в частности, творчества великого поэта? А может, решил придать больше веса собственному повествованию? Не исключено, что автору понравилась точная и яркая характеристика горцев. Но как бы то ни было, обращение горца к произведению великого Пушкина само по себе примечательно.

Обращает на себя внимание также описание природы и местности. «Погода была отвратительная: мокрый снег валил огромными хлопьями, и, ложась на землю, тотчас таял. Дорога, сначала узкая и грязная, окаймленная с левой стороны дремучим лесом и прилегая с правой к крутому обрыву, затрудняла движение». «Густой, непроницаемый туман, холод, сырость и возможность нападения абадзехов... для набегов которых подобная ночь была сущим кладом». Кроме того, надо заметить, что автор в русской речи дал несколько слов в своем переводе. Например, тхамада (старшина), куп (партия), абаз (апасы) - 20 к. серебром (плата горцам за день участия в экспедиции). Все это, передавая местный колорит, делает «Записки» И. Хагундокова также и художественным произведением.

Вероятно, повествование «Из записок черкеса», как видно и из названия, не единственное произведение Хагундокова, и дальнейшие поиски, наверное, могли бы увенчаться находками. Но и это одно сочинение имеет немаловажный смысл, так как расширяет и углубляет наши представления о русско-адыгских связях, о влиянии русской литературы на развитие художественного мышления горцев, на их общую культуру. Не следует при этом, разумеется, забывать, что автор воссоздает сущностные стороны жизни кабардинцев: военное искусство, нравы, быт, обычаи и т. д., с позиций своего класса.

ХАМДОХОВЫ. По данным Л. Люлье, в адыгском племени Гоаие есть отрасль под названием «Хамтоху»²⁹⁹. Есть основание сказать, что данная фамилия восходит к этой «отрасли». Если судить по преданию (инф. Ахмед Хамдохов), настоящая их фамилия - Хандохов (Хъандэхъу). Кстати, Хамдоховы и Хандоховы (в частности, из г. Баксана) - родственники. Хамдоховы - выходцы с Кубани. Перед переселением в сел. Кармова Хамдоховы находились в нынешнем Старом Черке. В 1868 г. в селении значился его житель Муса Хандохов. Его сын Суфа Мусович Хамдохов 14 декабря 1921 г. был подвергнут «приводу в камеру в г. Нальчик». По воспоминаниям старожилов, этот Хамдохов на сходах (выборах) неизменно выступал горячим сторонником кандидатуры Талиба Кашежева. Некоторые сведения о фамилии содержатся в копии с прошения кабардинца аула Гетежева Баралика Хандохова (другая фамилия его - Ериков). 4 июня 1864 г. он писал командующему войсками Терской области: «Бывший владелец мой Магомет Хандохов состоял мне должным за забранный у меня рогатый скот 290 руб. серебром и сверх того 20 сапеток пчел, между тем при отправлении его в 1860 году в Турцию он не в состоянии был со мною рассчитаться за все вышеизложенное и я не желал отправиться с ним за границу, то он объявил мне, что оставляет меня в Кабарде свободным человеком со всем моим семейством за долг, но он после этого не показавшись мне, скрытно отправился, о чем известно хорошо»³⁰⁰. Подача прошения была вызвана тем, что на Баралыка Хандохова объявил свои претензии брат эмигрировавшего Хандохова, которому, как можно судить из материалов дела, удалось-таки вторично закабалить объявленного было свободным крестьянина

ХАМИЗОВЫ. Отдельные лица, как уже отмечалось, носили двойную фамилию. В переписке фигурирует «пойманный без; письменного вида Адамей Хамызов, он же Заурбеков». Следы фамилии второго порядка обнаруживаются в посемейном списке сел. Кармова (1886 г.), в котором числились Хамизовы Дамалей и Фица Заурбековичи. Следовательно, упомянутый Адамей, очевидно, был сыном Заурбека и потому по имени отца считался также Заурбековым. Некоторые носители фамилии с 60-х гг. XIX в. имели жительство в сел. Ашабово. Об этом известно из комментария к посемейному списку сел. Кармова за 1886 г., в котором под номером 290 показано семейство Хамизова Пшемахо Заурбековича с братьями Хамирзой и Кази, которые, согласно отметке на полях, проживали в сел. Ашабово. Исходя из этого, окружная администрация запрещала им проживать в Ашабово, поскольку они были внесены в число постоянных жителей Кармово. Недоразумение было снято распиской, выданной Ашабовским сельским правлением и подпиской «за неграмотных, а равно и за себя», данной Э. Ногмовым.

Выяснилось, что «братья Хамирза и Кази Хамизовы с малых лет около 30-ти годов значатся коренными жителями в селении Ашабовом, а... отметка, что Хамизов значится в селении Кармовом под № 290, то под этим следует разуметь не Хамирзу и Кази Хамизовых, а брата их сводного Исмаила Хамизова, рожденного от другого отца Пшемахо Хамизова, причисленного к селению Кармово»³⁰¹.

Некоторые подробности о фамилии выясняются из прошения «вольных кабардинцев» Салеха, Камбичоко, Мыша и Аслана Ха-мызовых начальнику Центра Грамотину от 23 сентября 1852 г., в котором говорится: «В 1825 году, во время возмущения в Кабарде, господин наш уздень Усман Думанов, в числе прочих кабардинцев, с тремя малолетними своими сыновьями бежал за Кубань и через несколько времени умер там; при побеге его и всех наследников его нам объявлена вольность, и мы жили долгое время на правах вольных людей в ауле Думанова, отбывая повинность, какую несут жители вольного Нальчикского аула; лет же 8 назад возвратившиеся из бегов сыновья беглого нашего господина... начали теснить нас и теперь завладели нами, как настоящими холопьями. А как мы считаем себя вольными на основании прокламации генерала Ермолова, то осмеливаемся просить не оставить приказать освободить нас из рабства от упомянутых узденей и переселить в вольный Нальчикский аул».

Относительно упоминаемых прокламаций генерала А. П. Ермолова Е. Марков писал: «До грозных прокламаций Ермолова в 1822 году, кабардинские князья и уздени свободно убивали и казнили своих унаутов, не подвергаясь за это никакой ответственности»³⁰². Аналогичная оценка этой стороне деятельности сурового «проконсула Кавказа» была дана и в докладе Кабардинского подотдела комиссии по правам личным и поземельным. В нем отмечалось: «С покорением Кабарды генералом

Ермоловым и обнаружением известных прокламаций его, клонившихся к обузданию своеволия кабардинских князей и унижению их в глазах побежденных, горцы избавлены были от княжеского ига и им, в ущерб провинившимся кабардинцам, оказано было всевозможное покровительство со стороны победителя»³⁰³. Разумеется, это явно тенденциозная оценка политики Ермолова. Невозможно, однако, объективно, всесторонне охарактеризовать его деятельность, преимущественно руководствуясь, мягко говоря, поддерживаемой некоторыми нашими историками «княжеско-дворянской» точкой зрения, которая, конечно, была страшно далека от позиции получивших свободу крестьян, подобных Хамизовым, т. е. громадного большинства эксплуатируемых.

ХАМУКОВЫ. Печать тяжелого крепостнического гнета отразилась на некоторых фамилиях. К ним относится фамилия Хамуковых. Шора Ногмов писал: «...ныне название хамуко - «сын гумна» - указывает на происхождение низшего класса»³⁰⁴. Термин «хамуко» Л. И. Лавров отождествляет с названием села Хамуко в Зихии ³⁰⁵.

Конкретные носители данной фамилии - жители села - являются выходцами из абазинского Песчаного аула, составившего Ны-ровский квартал. Некоторые сведения о них содержатся в рапорте начальника Баксанского участка начальнику Кабардинского округа: «... Доношу, что абазинцы из Песчаного аула переселились во вверенный мне участок в числе 20 дворов в аул Кармова по предписанию предместника... от 30 апреля прошлого 1865 г. Ясырей (пленных) абазинцев Султан Гельды Арсланова и Сача Макаева ныне умерший Жемуха Хамуков и Бата Джеков, при сем представляю для выдачи им письменного вида на освобождение их от рабства»³⁰⁶.

В пореформенный период Хамуковы выдвинулись в ряды крупнейших коннозаводчиков села.

ХОКОНОВЫ. В литературе фамилия отождествляется с абазинским термином - Хьакъвын. Она встречается в нескольких населенных пунктах феодальной Кабарды. Например, в 1834 г. в Бабуковской станице проживал уздень Гусин Хоконов ³⁰⁷. А в списке лиц, обратившихся в 1862 г. в комитет по правам личным и поземельным, упомянут и житель аула Сасикова Махмут Хоконов, отмеченный принадлежащим к степени узденей разряда уорк-шаотлукхуса. В 60-х гг. XIX в. носители фамилии проживали также в ауле Касаева (ныне сел. Баксаненок) и Абезыванова (на Малке). Жители селения Хоконовы - из абазинского Песчаного аула, который, переселившись в Кармово, образовал в нем самостоятельный квартал. Представители фамилии принимали активное участие в установлении Советской власти в селении. В документах первых месяцев 1918 г. сохранилось имя первого комиссара народной власти (апрель - май) - Алихана (Лоша) Хоконова. Семейство, в котором он родился, зафиксировано в посемейном списке 1886 г.: Хоконов Каирбек Исупович, Хоконов Мыза Махометович и братья его: Алихан, Батыр, Туган.

ЦИПИНОВЫ. Переселенцы из Малки. В фольклорной записи «Крымцы в Кабарде» Талиб Кашежев отразил блистательную победу кабардинцев под начальством князя Кургоко над войском крымского хана, вошедшую в историю как Канжальская битва. Предание заканчивается словами: «...когда князь Кургоко сделал распоряжение всем собраться в одном месте, то Миншака Ашабова не оказалось. Все уже за него беспокоились, когда он явился с татарской сешхо (шашкой) в руке, отнятой у паши. Шашку эту он отдал своему слуге Ципилову (Ципинову. - С. Б.), потомки которого хранят ее до настоящего времени в своем доме»³⁰⁸. Шашка, по преданию, была коротка, и потому участники дележа трофеев отказывались от нее. Досталась же она Ципинову будто бы благодаря остроумной реплике: «Если шашка коротка, можно сделать еще шаг!» Рассказывают (инф. Хасеи Таов, сел. Малка), что имя этого Ципинова было Фица, хотя некоторые утверждают, что, возможно, имелся в виду его брат Ержиб.

ШАБАТОКОВЫ. Согласно преданию, их подлинная фамилия - Махоховы * (Махуэхъухэ). Перемена фамилии вызвана опасностью кровной мести, которая грозила беременной снохе (урожденной Шериевой).

Первые сведения о Шабатоковых относятся к 50-м гг. прошлого столетия. В документах Кабардинского суда 1858 г. фигурирует вольноотпущенник Керим Шабатоков, сын Идриса ³⁰⁹. По другим источникам, житель аула Кармова Жамбот Шабатуков в 1869 г. был этапирован в Харьковскую губернию «для содержания в замке». Один из Шабатуковых принимал участие в русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг.

Победа русских войск над османскими, как известно, положила конец 500-летию господству Турции над Балканами и установлению независимости Болгарии и Румынии. Освободились от османского ига также Грузия и Армения. Многие жители селения принимали участие в этой освободительной войне в составе 1-й сотни Кабардино-Кумыкского конно-иррегулярного полка. Приведем их список, хотя некоторые имена и фамилии в нем несколько искажены. Это Ислам Кодзев, Асхат Баланев **, Жамбот Хашуков, Псауа Кумышев, Шупаго Думанов, Бекир Шовкаров, Жамбот Куготов, Лаусан Шаруков, Магомет Исламов, Биля Шебатук, Беаман Бейканов, Огурли Макоев, Псабида Лихов, Кайсын Корелов ³¹⁰.

* На речке Черек в 20-х гг XIX в. располагался аул Бекира Махахова. Возможно, Шабатоковы – беженцы из этого селения.

** Правильно – Асхад Балагов, урядник. По рассказам, во время одного боя он спас полковое знамя (инф. Замахшир Балагов).

ШАЛОВЫ. Г.Ю. Клапрот (1783 - 1835), касаясь занятий карачаевцев, писал: «Они продают изделия своей промышленности, такие, как сукна (шал), войлок (кииз), чтобы покрывать пол»³¹¹. Возможно, в основе фамилии лежит упомянутый здесь термин. В 1861 г. в ауле Седакова проживали Тамбий Шалов и Татлостан Шалов, а среди жителей аула Хагундокова (на Куме) за 1864 г. отмечены Аслан и Харис Шаловы. При расселении аула Хагундокова одно семейство Шаловых (Аслана) оказалось в соседнем ауле Абукова (с. Первомайское). Некоторые подробности в связи с его переселением представляют интерес с точки зрения отдельных сторон семейно-бытовых отношений того времени. Эфенди аула Абукова Ахмет Бжеников 6 августа 1868 г. обратился к начальнику Терской области М. Т. Лорис-Меликову с прошением, в котором он сообщал, в частности: «...единственно из сострадания моего по званию духовного лица я с удовольствием готов принять в свой дом это бедное семейство с обязательством законно усыновить всех детей на право наследства и признавать родителей их моими

родственниками.... ежели угодно будет признать возможным мое и это страдающее семейство считать в одно, исключив предварительно калеку Аслана Шалова (на заготовке дров в лесу «от неосторожности своей выломил себе правую руку и ногу». - С. Б.) от вносимой ежегодно правительству податной платы»³¹². И Шалов был оставлен на жительстве в ауле Абуково и водворен в доме Бженикова, но подать вместо него обязался платить узденъ Камбот Абуков. Из предков Шаловых, жителей села, известны: Шалов Фица Бораиукович с сыновьями Харуном, Асхадом, Камбулатом и сын Харуна Исуф; а также Шалов Хажи-берам Харилхович и его брат Али.

ШЕРЕМЕТОВЫ. Прародиной фамилии считается абазинский аул Лоова (Гум Ло Къуажэ - ныне сел. Красный Восток). Причина их бегства предание (инф. Мусаби Шереметов) связывает с тем, что один из Шереметовых однажды убил придворного князя и его бугая. В связи с этим его брату предстояло дать свидетельские показания на своего же близкого родственника, что в их роду считалось дурной приметой. Во избежание худшего они ночью оставили свой дом и совершили побег в аул Аджиева (ныне сел. Малка), а оттуда их потомок в конце XIX в. по семейным обстоятельствам обосновался в сел. Кармова.

Заслуживает быть отмеченным, что между фамилиями Шэрмэт (Шермет) и Шереметьев - одной из древнейших на Руси - ученые (Дж. Н. Коков) устанавливают генетическую связь. Такое мнение подтверждается и родовым преданием. На абазинское происхождение Шереметовых указывал еще Адиль-Гирей Кешев. Он свидетельствовал, что «шарматы слынут между абазинами коренным дворянским родом»³¹³. Данная фамилия нашла свое место и в «Истории...» Ш. Ногмова. «Еще осталось в памяти народной, - констатировал он, - что некоторые фамилии вели свой род от сарматов и потому носят названия шармат. Здесь, кстати, приведу одну старинную, сохранившуюся у нас пословицу, доказывающую, что наши предки были с ними в коротких отношениях. Когда кто-нибудь в обществе много шутит и заставляет других смеяться, то ему говорят: «Ты не черт и не шармат, откуда же ты взялся?»³¹⁴ Полемизируя с Ш. Ногмовым, А.-Г. Кешев писал: «Но мы опасаемся, не основывался ли он здесь на таких же шатких доводах, как и в мнении о коротких сношениях адыге с сарматами. Мнение это построено единственно на сходстве названия Шармат с существующей у абазинцев сармат, но автор говорит об этом как о факте, основанном на предании. Близкое же знакомство адыге с сарматами выводится им из старинной поговорки (которая может быть, и не так стара, чтобы быть современною сарматам)... Сколько нам известно, поговорка эта сложилась по поводу наследственной, в большей части членов фамилии Шармат, ветрености и наклонности к шуткам»³¹⁵. Как видно, и Ш. Ногмов, и А.-Г. Кешев обратили внимание на фамилию Шармат. Спрашивается, достаточно ли был объективен Кешев в оценке рассуждений Ногмова? На наш взгляд, он был не вполне справедлив как в оценке «Истории...» Ногмова вообще, так и в полемике по отдельной фамилии. Кешев, по существу, не привел веских аргументов против Ногмова, а высказывания типа: «сколько нам известно», «едва ли кто-нибудь слышал» и т. д. не могут служить исчерпывающим доказательством. Нелишне здесь сослаться на мнение советского археолога В. Б. Ковалевской по поводу той же поговорки. «Недаром, - пишет она, - в быту адыгских племен сохранилась поговорка: «Ты не черт и не шармат, откуда же ты взялся?»³¹⁶.

Как на возможный источник генетической взаимосвязи двух фамилий - Шармат и Шермет - можно указать на свидетельство Эвлия Челеби. Он упоминает о везире Москвы, находившемся у крымского хана «в рабстве» - Шермет-бане. Под именем Шермет-бан известен русский боярин Шереметьев Василий Борисович (ок. 1622 - 1682 гг.). Он был воеводой в Киеве. Руководил объединенным русско-украинским войском в битве с польско-крымскими войсками в 1660 г. Взят в плен поляками, а затем выдан ими татарам. Пробыл в татарском плену почти до самой смерти - до 1681 г.³¹⁷

ШЕРИЕВЫ. Этимологизируя термин Шеру (Шериев), можно обратиться к различным источникам. Слова, общая основа которых Шару (Шэри, Шеру, Шер), были довольно распространены. В абхазском нартском эпосе, например, встречается герой Хайхуз Шаруан - дядя нартов по материнской линии.

Как сказано в главке о Кашежевых, брат Кашежа Шеру стал родоначальником фамилии, носящей его имя. Согласно родовому преданию (инф. В. Х. Шериев), его потомство выглядит так: Хажели, сыновья его Амдул (Абдул) и Махмуд. От первого среди прямых наследников Астемир и Жантемир, а второго - Шипа, Батырбек. Для сравнения обратимся к посемейному списку за 1886 г., где зафиксировано одно из семейств (собственно Шериевых), в котором проживали Хажби Гукипшковиц и Астемир Абдулович с братьями.

В период отмены крепостного права многие жители сел. Кармова присвоили себе фамилию Шериев. Исходя из данных посемейного списка за 1886 г. и рассказов старожилов, установлено 10 Шериевых-однофамильцев. В том числе: 1) Шеруов (так в списке: - С. Б.) Хабацу Кишевич, с братьями: Муссой, Лаурса-ном, Мударом, Кургоко, Камбулатом. Этих Шериевых в просторечии называли Къэшхэ (дети Киша, Каша); 2) Шеруов Матгирей Бацевич с сыновьями: Каспотом, Темботом, Пшеапшоко, Камбулатом, Маша, Азаматом. Они назывались по имени предка - Бацэхэ (Бацевы); 3) Шеруов Хацу Ахметович. Наследников этого разбогатевшего крестьянина нарекали Хацубеями (Хъэцубейхэ); 4) Шеруов Хапака Бердович. Отсюда старое наименование представителей этой династии - Хапака (Хъэпакъэхэ). К самостоятельным ветвям данной фамилии относятся: 5) Шеруов Кануко Шемахович и его сыновья Хатым, Курман-Али; 6) Шеруов Ахмет Абрекович; 7) Шеруов Мацу Касеевич и его сыновья Заумен (Зомэ), Харун; 8) Шеруовы Гуля (сыновья Пшемахо, Изат?), Гассей (сыновья Бжико, Кургоко, Маша) и Умар (сын Батыр) Карамызовичи; 9) Предки Шеруова Хафицы Исламовича были известны под прозвищем Агъуы (инф. Мазаго Шахмирзевна Бей-туганова и Куца Куважукова). Об этом этнониме известно, что «агойцев находили среди натухаевцев и хатукаевцев, шапсугов, и камиргоевцев (родовое имя Агъуы среди кабардинцев, надо думать, того же источника)»³¹⁸; 10) Шеруов Магомет Огурлиевич (сыновья Тыка, Марем, Калю, Хачита, Кунали, Исса). Рассказывают (инф. Мухаб Шериев), что они и жители сел. Залукодес Барагуновы (переселились туда в 1925 г.) считаются родственниками.

Утерянное этими Шериевыми родовое имя - Кларэ (Каровы). Магомет Огурлиевич молчал о своей родословной... Может быть, теперь уже напрасно гадать о причине этого молчания. И все же... В документах 50-х гг. XIX в. фигурирует фамилия Каров. В переписке по поводу предписания командующего войсками левого крыла Кавказской линии отмечалось, что он «не изволил согласиться на то, чтобы Исуп и Магомет (Мерем) Каровы, возвращенные из ссылки, сосланные в арестантские роты за побег К непокорным горцам, заплатили сыну убитого корнету Муссу Кожокову за освобождение от рабства по 100

рублей; а определил предоставить им вольность без всяких условий»³¹⁹. Переписка требует пояснений. В 1846 г., при вторжении в Кабарду войск Шамиля, владелец Каровых «учинил побег к непокорным», в Чечню, «куда и они были забраны им поневоле, но он был настигнут русскими, переправившись уже р. Терек и там убит». Пойманные Каровы были отправлены «вовнутрь России, в арестантские роты в г. Ригу, навсегда», но в связи с царским манифестом были возвращены на старое место жительства. После этого сын убитого корнет Мусса Кожиков задумал вновь закабалить Каровых, в связи с чем они 4 августа 1857 г. написали прошение об освобождении. Не исключена возможность, что здесь идет речь о Магомете Карове, принявшем позднее фамилию своей жены.

ШИНАХОВЫ. Предок рода Шинаховых (Шынахуэ), что, по преданию, буквально означает «пасущий ягненка», - из Закубанья. Он оказался в сел. Кармова в результате стараний одного из сыновей Шоры Ногмова, по рассказам, доставшись ему в схватке с абреками. В литературе упоминается также абазинская фамилия Шнахов (аул Ново-Кувинск). Вероятно, термины Шинахов и Шнахов идентичны.

ШОГЕНОВЫ. Известно, что термин Савгин («священник») в осетинском языке отождествляется с фамилией Шогенов (Шоджэн)³²⁰. А по полевым записям М. М. Ковалевского, «Шатенов» происходит от осетинского «сауджин» - «священник». В Кабарде одна из привилегированных фамилий - Шагеновы, дети или потомки священника³²¹.

Фамильное предание гласит (инф. Д. Шогенов, 96 лет), что этот род происходит из кубанских осетин. Как оказались эти осетины на Кубани? Определенное разъяснение вопроса содержится в рапорте начальника Кавказского горского управления начальнику Терской области от 20 мая 1870 г., где сказано: «Вследствие личных заявлений вашего превосходительства о том, что в настоящее время более 150-ти семейств Зругских и других осетин из нагорной части Осетинского округа по недостатку, а некоторые по неимению вовсе в своем владении земли, заявили желание переселиться на всегданнее жительство на свободные земли нагорной полосы Кубанской области...» Однако переселенцы, вопреки ожиданиям, оказались в тяжелых условиях, и «они собирались было возвращаться обратно». Документы поясняют причины их недовольства. «Кроме позднего прибытия осетин и того, что они прибыли с женами и детьми в горы, где у них не было никакого крова от непогоды, главнейшие причины недовольства осетин землею были: во-первых, то, что им перед отправлением из Осетинского округа было наговорено (по заявлению переселившихся осетин) много чудес о свойстве предназначенного для их поселения края, производящего будто бы орехи в кулак величиною, и подобной нелепости. В настоящее время осетины вырыли себе землянки в балке р. Большая Шоона, выложили стены камнями и живут защищенные от холода и дождя, но подверженные всем невыгодам сырых и душных помещений»³²². Главнокомандующий Кавказской армией разрешил переселиться на первое время осетинам «исключительно из числа христиан и преимущественно из числа жителей Зругского ущелья» (их выселяли с земель, принадлежавших князьям Мочабели. - С. Б.). Это обстоятельство дает некоторое основание полагать, что фамилия Шугенов (Шогенов) была дана им по их принадлежности к христианскому вероисповеданию и что они, вероятнее всего, зругцы.

В посемейном списке сел. Кармова отмечен «из простого сословия» Шугенов Увжук Пшунетлевич с сыновьями: Закиреем, Яхья, Асланбеком, Шамалом и Исмаилом. В списке упомянут также «из узденей» Шогенов Хажели Кожукович. Один из представителей фамилии - Шогенов Абдулкерим Ибрагимович - в 60 - 70-х гг. XX в. прославился как мастер-сыродел. В соавторстве с С. А. Карацукковым Шогенову 27 декабря 1978 г. приказом Министерства мясной и молочной промышленности СССР было присвоено звание мастера-сыродела высокого класса и выдано авторское свидетельство на изобретение теперь уже хорошо известного копченого сыра «Кабардинский».

ШОКАРОВЫ. В отдельных случаях наблюдался относительно свободный выбор фамилии. К их числу относятся Шокаровы (инф. Хашим Гятов). Генезис данной фамилии (вообще происхождение конкретной фамилии можно было бы, на наш взгляд, обозначить термином - фамилиогенез), вероятно, восходит к одному из этнических названий абазин...

В нартском эпосе, в песнях и преданиях адыгов встречается имя Шокара - пастух нартвов. Эпос повествует: «Сатаней стирала у реки. Пастух Шокара свое стадо к реке пригнал. Возгорелся он страстью к Сатаней, брызнул семенем в ее сторону. Сатаней отбежала, и оно попало в камень. Изволенного из камня Тлепшем мальчика нарекли Сосруко»³²⁴. Поскольку семья Шокара было вызвано его страстью к Сатаней, она признала мальчика своим сыном. Весьма вероятно, что именем популярного эпического героя часто называли детей. Одно из таких имен, разумеется, со временем, могло, как в данном случае, превратиться в фамилию.

Фамилия Шокаров *, видимо, бытовала у абазин-шкаровцев (шекхереу. - Хан-Гирей). Е. Н. Данилова пишет: «В 60-х годах XIX в. в результате переселения... абазин из верховьев Урупа, Большой и Малой Лабы и Большой Зеленчука перестали существовать высокогорные шкаровские аулы... многие семьи абазин-шкаровцев оказались разбросанными по адыгским аулам»³²⁵. Отсюда логично сделать предположение, что фамилия Шокаров (Шукаров) восходит к этнониму абазин-шкаровцев, и что Шокаровы обосновались в ауле Хагундокова приблизительно в 60-х гг. прошлого века. В списке переселенцев из аула Хагундокова в сел. Кармова (1868 г.) отмечен «временнообязанный» Шукаров Шаой (Щэуей) Салимгиреевич. По сведениям информатора (Куна Сонова), Шокаровы в одно время в качестве фамилии носили имя Шаой (Щэуейхэ). По другим данным (инф. Х. Шокаров), о носителях фамилии говорили: сын Маршана, потомок Маршана (Мэршэн и кьуэ), по-видимому, имея в виду одного из основателей рода. Возможна также связь с известной абхазской фамилией Маршани.

* В 1832 г. на Екатериноградских пашнях находились несколько кошей кабардинцев. На коше узденя Поунижева среди уволенных на трех арбах и верховой лошади - Тлекеч Шукаров.

ШХАНУКОВЫ. В 1832 г. Кабардинский временный суд выдал свидетельство узденю, «живущему на речке Малке в ауле Кармова Каре Шанукову». В источниках фамилия зафиксирована как принадлежащая различным сословиям. Так, в том же 1832 г. «вольной кабардинец Ислам Шануков (сын Кары Шанукова. - С. Б.) проживал на речке Малке в ауле узденя Шокара Хажиева»³²⁶. Другой носитель фамилии - крестьянин узденя Магомета Абукова Бекир Шхануков (он же Шануков) в 1845 г.

обратился к Голицыну с прошением. Оно характерно для взаимоотношений различных сословий. «...1844 года купил я, - пишет Шхануков, - в городе Георгиевске на двенадцать рублей серебром пшеничной муки, следовал обратно, на пути встретился господин мой Магомет, приказал отобрать муку, а меня взяли и доставили в город Пятигорск, отдали в арестантскую роту, содержался там месяцев шесть, а при выпуске еще 50-ю ударами розог наказан (по настоянию его владельца Абукова. - С.Б.), но за что не знаю. По прибытии моему обратно... я слышал от некоторых кабардинцев, что арест и удары претерпел я за то, что якобы имел любовную связь с холопкою господина моего Абукова и дело еще не решилось... через это самое семейство мое должно произойти в истощение»³²⁷. Неудивительно, что Шхануков не смирился с таким положением. Видя его безвыходность, спустя несколько дней после подачи прошения, осужденный на каторгу «по дороге с Баксана бежал». При этом он увел с собой еще и трех своих братьев: Джам-бека, Калабека и Тембека «при свидетелях узденях Исхаке Курашинове, Пшемахо Аброкове и Дунакай Кушхове». В посемейном списке 1886 г. отмечен предок рода - Шхануков Кургоко Травович.

ЭДИГОВЫ. Термин Едыдж (Едигов) в литературе рассматривается как адыгская фамилия ³²⁸. Такое мнение выглядит логичным, если иметь в виду, что Л. Люлье среди абадзехских дворян называл и фамилию Едиге. Адыл-Гирей Едиге-Габль также называет среди абадзехских обществ. Вместе с тем, как бы проследивая этимологию этого термина, тот же Люлье замечал: «Абадзехи, подобно натухажцам и шапсугам, увеличились в народонаселении тоже пришельцами, а особенно присоединением к ним дворянского рода Едиге, происхождения монголо-ногайского». Приведенный текст сопровождается следующим авторским комментарием: «Одна отрасль фамилии Едиге, о которой здесь упоминается, существует между ногайцами, живущими на левом берегу Кубани, другая же находится в Крыму под именем кекуат (почетные мурзы). Обе отрасли признают между собою родство»³²⁹.

Едиговы (Эдиговы) оказались в сел. Кармова в 1865 г. вместе с жителями абазинского Песчаного аула, среди которых, как уже отмечалось, было немало лиц ногайского происхождения. В списке переселенцев - Анзор и Каспот Едиговы.

ЭШТРЕКОВЫ. Носители фамилии относят себя к тюрко-язычным. В давние времена они обитали на Кубани. Прежняя фамилия рода - Гучияев (Гуоченлары). Братья Гучияевы из Лоова аула (Тагир и Шагир), защищая честь своей сестры (Мылминат), убили ее похитителей и, спасаясь от преследования, обосновались «дикарями» на правом берегу Малки у Каменномостского укрепления, возможно, не без покровительства его гарнизона, т. е. там, куда позднее переселились жители аула Кармова. Перемена Гучияевыми своей фамилии (некоторые из них под тем же родовым именем находятся в Кичи-Балыке и на Кубани) было связано с опасностью кровомщения (инф. Жанпаго Дударова, сел. Баксан). Очевидно, что выбор новой фамилии не мог быть случайным. Но что же означает термин Эштрек? К. Пейсонель считал, что от Азова до Кубани распространялись места обитания четырех ногайских племен: эштерек, каплу, ло-бота и джиган ³³⁰. В комментариях к этому тексту в книге отмечено: «Указанные не племена, а географические названия. Например, Эштерек - местность, прилегающая к Азовскому морю». Однако по сведениям турецкого трактата, племя иштерек-оглу располагалось недалеко от крепости Агу (на берегах Кубани), на полуострове Минтана. Н. Г. Волкова со ссылкой на источники XVIII в. упоминает также племя иштерек. По мнению ряда ученых, ногайские племена назывались знатнейшими именами, среди которых приводится имя Иштерек. Из источников XVII в. известен ногайский князь Иштерек, мать которого, кстати, была сестрой Мамстрюка и Думанука Темрюковичей (как считает В. Н. Сокуров). Надо полагать, что его именем могло быть, названо племя, выходцами из которого (или из одноименной местности) являются Эштрековы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР (ЦГА КБАССР), Ф. 16. Оп. 1. Д. 1224. Л. 34, 43 об.
- 3 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 196 об.
- 3 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1135. Т. 1. Л. 181.
- 4 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 1. 128.
- 5 Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР (ЦГА СОАССР). Ф. 12. Оп. 4. Д. 103. Л. 63 об.
- 6 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.
- 7 ЦГА СОАССР. Ф. 12. Оп. 6. Д. 217. Л. 6.
- 8 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.
- 9 Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 14 - 15.
- 10 Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 1253. Оп. 1. Д. 1639.
- 11 ЦГА КБАССР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 14. Т. 1. Л. 28.
- 12 Там же. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 293. Л. 75 - 76, 80.
- 13 Дьячков-Тарасов А. Н. Абадзехи. Тифлис, 1902. С. 7.
- Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в./Со-брал и подготовил к печати Б. А. Гарданов. Нальчик, 1956. С. 130.
- 15 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.
- 16 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 422. Л. 3 об.
- 17 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Т. 2. Л. 337, 414.
- 18 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 440, Т. 11. Л. 162 - 165 об.
- 19 Там же. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 1. Л. 119 об.
- 20 Кабардино-русские отношения в XVI - XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 30, 397, 431.
- 21 Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 38.
- 22 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1830. Л. 23.
- 23 Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 185, 214.
- 24 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 299.
- 25 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 30. Л. 116.
- 26 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 739. Л. 34 - 35.
- 27 См.: Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 274, 275.

- 28 Люлье Л. Я- Черкесия. Краснодар, 1927. С. 9.
29 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1830. Л. 14 об.
30 Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 157.
31 Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. Вклейка между с. 56 и 57.
32 ЦГА КБАССР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1358. Л. 14 об. 15.
33 Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. М., 1978. С. 127.
34 См.: Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985. С. 136.
35 ЦГА КБАССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 45, 47 об. 38 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 743. Л. 33 об. 34.
f Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1397. Л. 1.
38 Красавица-Елена и богатырь-женщина//Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX - начала XX в. Нальчик, 1979. С. 374, 379.
39 Терские ведомости. 1913. № 56.
48 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 84. Л. 15.
41 Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 156. Л. 1 - 2.
42 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 12. Л. 79 об.
43 Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 182.
44 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 735. Л. 245.
45 Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. С. 108 - 109.
46 ЦГА КБАССР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 26 об.
47 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 631. Л. 1.
48 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 121. Л. 69.
49 См.: Пейсонель К. Исследования торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750 - 1762 гг. Краснодар, 1927. С. 33.
50 Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 85.
51 См.: Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С. 50.
52 Калмыков И. Х. Черкесы. Черкесск, 1974. С. 42.
53 Люлье Л. Я- Указ. соч. С. 8.
54 Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 108.
55 Першиц А. И. Фамилия - лъэпкъ у кабардинцев в XIX в.//Советская этнография. 1951. № 1. С. 178.
58 Ногмов Ш. Б. Указ. соч. Нальчик, 1958. С. 100 - 101.
57 Люлье Л. Я. Указ. соч. С. 13.
58 Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное... С. 241.
59 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1294. Л. 13.
60 См.: Ногма Ш. Б. Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 234. 81 ЦГА КБАССР. Ф. 40, Оп. 1. Д. 18. Л. 65. 101 - 101 об.
62 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 765. Л. 77.
63 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 156.
64 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1830. Л. 13, 14 об.
65 Тебу де Мариньи. Путешествия в Черкесию//Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII - XIX вв. Нальчик, 1974. С. 315.
68 ЦГА КБАССР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 32. Л. 37 об.
м Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 43. Л. 12.
68 Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 39. Л. 49.
88 Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1407. Л. 1 об.
70 Люлье Л. Я. Указ. соч. С. 20.
71 Эльбрус//Фольклор адыгов... С. 218.
72 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 755. Л. 31.
73 Там же. Ф. Р-487, Оп. 1. Д. Л. 727.
74 Люлье Л. Я. Указ. соч. С. 20.
75 Челеби Э. Книга путешествия. М., 1979. Т. 2. С. 220.
76 См.: Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 179.
77 ЦГА КБАССР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 914. 1. 1.
78 Там же. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 18. Т. 1. Л. 232.
79 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1416. Л. 10.
80 См.: Адыги, балкарцы, карачаевцы... С. 252 - 253.
81 Там же. С. 360.
82 Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XIX в. М., 1974. С. 49.
83 Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.
84 Мурзаев Э. М. Указ. соч. С. 564.
85 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 12. Л. 238.
86 Там же. Ф. 40, Оп. 1. Д. 757. Л. 110 - 110 об.
87 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 101 об.
88 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.
89 См.: История народов Северного Кавказа... С. 298.
90 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2. Л. 43.
91 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 948. Л. 3.
92 Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 257. Л. 1.
93 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 12. Л. 227.
94 Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 213. Л. 114.

- 95 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 8. Л. 168. 98 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 54.
- 97 Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. С. 178.
- 98 ЦГА КБАССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.
- 99 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 49.
- 100 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 129.
- 101 См.: Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси, 1981. С. 123, 128 - 129.
- 102 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 451 об.
- 103 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 17 об., 16 об.
- 104 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 315. Л. 18.
- 105 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 829. Л. 29 - 30 об., 26, 25 об., 20 об., 21.
- 106 Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.
- 107 Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1507. Л. 1.
- 108 Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 7.
- 109 Заря коммунизма (пос. Залукокоаже). 1967. 11 марта.
- 110 ЦГА КБАССР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Л. 4 об.
- 111 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 221. Л. 44 об.
- 112 Переселение Кабарды Тамбиева//Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 241.
- 113 Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия... С. 208.
- 1,4 См.: Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие... С. 56.
- 115 ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 808. Л. 8.
- 116 См.: Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 51.
- 117 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 520. Л. 1 об.
- не Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 315.
- 1,9 Цит. по: Тресков И. В. Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1974. С. 31. 44 - 45.
- 120 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 948. Л. 3.
- 121 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 40, 3 об.
- 122 Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 212. Л. 16 - 17, 37.
- 123 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1365. Л. 128, 126 об. 127.
- 124 Заря коммунизма. 1967. 11 марта.
- 125 ЦГА КБАССР. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. Л. 20 об.
- 126 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.
- 127 Переселение Кабарды Тамбиева... С. 242 - 243.
- 128 Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 96.
- 129 См.: Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. С. 88.
- 130 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 43. Л. 20.
- 131 Переселение Кабарды Тамбиева... С. 241.
- 132 Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. С. 6.
- 153 Ногмов Ш. Б. Указ. соч. Нальчик, 1982. С. 99 - 100. 134 История народов Северного Кавказа... С. 368.
- 155 Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX в. М., 1976. С. III.
- 136 Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982. С. 8, 366.
- 137 Проблемы археологии и исторической этнографии... С. 76.
- 138 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 886. Л. 2.
- 139 Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 269 - 270.
- 140 ЦГА СОАССР. Ф. 12. Оп. 6. Д. 7. Л. 64 об.
- 141 ЦГА КБАССР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 190. Л. 31.
- 142 Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 194, 273.
- 143 Дзамихов К. Ф., Хуранов Ш. Ш. Из истории взаимоотношений абазин и кабардинцев в XVI - первой половине XIX века//Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985. С. 73.
- 144 См.: Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 156, 157.
- 145 Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 69.
- 146 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18. Л. 94 об.
- 147 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1912. Т. 12. С. 1215.
- 148 ЦГА СОАССР. Ф. 12. Оп. 6. Д. 7. Л. 75.
- 149 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 440. Т. 1. Л. 80 - 81.
- 150 Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. Л., 1979. С. 63.
- 151 Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 - 1808 г.//Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 275.
- 152 См.: Проблемы археологии и исторической этнографии... С. 167.
- 153 ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1787. Л. 19.
- 154 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1017. Л. 15 об. 185 ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1787. Л. 53 об.
- 156 Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина//Ады-ги, балкарцы и карачаевцы... С. 42; Аталиков В. М. Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 18.
- 157 ЦГА КБАССР. Ф. 22.-Оп. 1 Д. 5745.
- 158 См.: Калоев Б. А. Указ. соч. С. 178.
- 159 Каншау-бий//Карачаево-балкарский фольклор. Нальчик, 1983. С. 219. [64 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 598. Л. 30.
- 161 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1490. Л. 37.
- 162 Там же. Ф. 2. Оп. 1; Д. 1316. Л. 3, 4, 71, 73, 74.
- 163 См.: Дюбуа де Монпере. Указ. соч. С. 58, 85.
- 164 Калоев Б. А. Указ. соч. С. 60.
- 165 См.: Проблемы археологии и исторической этнографии... С. 32.

- 166 ЦГА КБАССР. Ф. 40; Оп. 1; Д. 18. Л. 102 об.
- 167 История народов Северного Кавказа... С. 278. '
- 168 Дзидзария Г. А. Указ. соч. С. 101, 106.
- 189 ЦГА КБАССР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 125. Л. 1 - 2.
- 170 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 133.
- 171 Дюбуа де Монпере Ф. Указ. соч. С. 113, 116.
- 172 ЦГА КБАССР. Ф. 22. Оп. Т. Д. 882.
- 173 Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 288. Л. 1 об., 2, 4.
- 174 Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4889. Л. 1 об.
- 175 Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 14. Т. 1. Л. 133 - 134.)
- 176 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 56. Л. 108.
- 177 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л.- 3^5.
- 178 Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
- 179 Там же. Л. 9.
- 180 Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 182, 192.
- 181 См.: Коков Дж. И. Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 79.
- 182 См.: Мурзаев Э. М. Указ. соч.' С. 362.
- 183 Грузино-северокавказские взаимоотношения... С. 129, 132.
- 184 АКАК. Т. 2. С. 969.
- 185 Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 111.
- 186 Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 42.
- 187 Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 209.
- 188 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1207. Л. 87.
- 189 Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 208.
- 190 Переселение Кабарды Тамбиева... С. 239.
- 19> ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1830. Л. 20.
- 192 Там же. Ф. 16. Оп. I. Д. 68. Л. 80.
- 193 Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1178. Л. 1 - 6 об.
- 194 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1712. Л. 34 об.
- 195 Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.
- 196 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1712. Л. 34 об.
- 197 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18. Л. 116 об.
- 199 ЦГА СОАССР. Ф. 12. Оп. 4. Д. 103. Л. 61.
- 193 ЦГА КБАССР. Ф. Р-487. Оп. I. Д. 1. Л. 6, 64 об.
- 200 Никонов В. А. Указ. соч. С. 65.
- 201 Хан-Гирей С. Указ. соч. С. 63.
- 202 Дюбуа де Монпере Ф. Указ. соч. С. 160 - 161.
- 203 ЦГА КБАССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 167 - 168 об.
- 204 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1416. Л. 29 об.
- 205 Там же. Ф. 40 Оп. 1. Д. 757. Л. 73.
- 206 Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 202. Л. 1 об.
- 207 Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 214. Л. 48.
- 208 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1712. Л. 32 об. 309 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 117 об. 210 Там же, Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 186 об.
- 2,1 Кавказская здравница (г. Пятигорск). 1964. 24 июня.
- 212 Турчанинов Г. Ф. О жизни и деятельности Шоры Ногма (1801 - 1844)// Ногма Ш. Б. Филологические труды. Нальчик, 1966. Т. 1. С. 20.
- 213 См.: Аталиков В. М. Указ. соч. С. 148.
- 214 Клапрот Г.-Ю. Указ. соч.-С. 271. ' .
- 2,5 Люлье Л. Я. Указ соч. С. 15; См.: Лталиков В. М. Указ. соч. С. 146. 2,8 Дзидзария Г. А. Указ. соч. С. 120.
- 217 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 425 об.
- 218 Там же. Ф.ЛО.-Оп. 1: Д/12. Л.-173.
- 219 Там же. Ф. 2. Оп. 1: Д. 1712. Л. 8, 20, 28.
- 220 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 8. Л. 146, 167.
- 221 ЦГА СОАССР. Ф. 12. Оп. 6. Д. 768. Л. 1.
- 222 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. I. Д. 8. Л. 167, 46 об., 167.
- 223 Там, же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 12. Л. 324 об.
- 224 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 8. Л. 217 об.
- 225 Там же. Ф. 40. Оп. I. Д. 19. Л. 283 - 283 об.
- 226 Там же. Ф. 23. Оп.Т. Д. 255. Л. 2, 6, 2 об., 9, 9 об.
- 227 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 1. Л. 35, 60.
- 228 Тресков И. В. Этюды о Шоре Ногмове... С. 53.
- 229 Личный архив Ф. К. Блаевон.
- 230 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 440. Т. ГЛ. 41.
- 231 ЦГА СОАССР. Ф. 12. Оп. 4. Д. 108. Л. 21. об., 25 об. 26.
- 232 ЦГА КБАССР. Ф. 40/Оп. 1. Д. 12. Л. 73.
- 233 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 440. Т. 1. Л. 41 об.
- 234 Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2604. Л. 21 - 22. 335 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 755. Л. 13.
- 236 Тресков И. В. Указ. соч. С. 53 - 54.
- 237 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 14 об. 15; 17 об.
- 238 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 428. Т. 1. Л. 24, 32, 32 об., 33.

- 239 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 49.
- 240 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 48.
- 241 Данилова Е. Н. Абазинны. М., 1984. С. 25.
- 242 ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 135. Л. 3 об.
- 243 Там же. Ф. 87. Оп. 1. Д. 690. Л. 1.
- 244 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 261 - 262.
- 245 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 739. Л. 34 - 35. '
- 246 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 261 - 262.
- 247 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 739. Л. 43 об.
- 248 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4.: Л. 402, 51.
- 249 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 802. Л. 1 - 2 об. 259 Там' же. Ф. 2: Оп. 1. ДГ576. Л: 26.
- 251 Кумыков Т. Х. Дмитрии Кодзоков. Нальчик, 1985. С. 117 - 118.
- 252 Данилова Е. Н. Указ. соч. С. 25.
- 283 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 8. Л. 234 об.
- 264 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 19. Л. 294 об.
- 255 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 794. Л. 5 об.
- 256 Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 327, 340 - 341, 342.
- 257 ЦГА КБАССР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 159. Т. 2. С. 209.
- 258 Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 89, 46:
- 259 См.: Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 93 - 94.
- 260 Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 11.
- 261 Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 240 - 241.
- 262 См.: Калоев Б. А. Указ. соч. С. 172.
- 253 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 757. Л. 66 об.
- 254 Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 159. Т. 2. Л. 151.
- 265 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1291. Л. 51 об.
- 28« Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 148. Л. 5, 6 об., 7.
- 267 Сокуров В. Н. Канжальская битва и ее отражение в кабардинском фольклоре//Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 54.
- 268 Челеби Э. Указ. соч. С. 68.
- 269 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 8. Л. 173 об. 27« Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 296. Л. 11.
- 271 Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 267.
- 272 ЦГА КБАССР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 19. Л. 61. 13 об., 15, 39.
- 27' Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1954. Вып. 9. С. 88 - 89.
- 274 Материалы Я. М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX в. Нальчик, 1986. С. 112.
- 275 Косвен М. О. Древняя общественная структура народов Кавказа//Кос-вен М. О. Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М., 1961. С. 25.
- 276 ЦГА КБАССР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1487. Л. 3 об. 377 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.
- 278 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1833. Л. 1, 1 об.
- 279 Там же. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 1. Л. 197.
- 280 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 49. Л. 18.
- 281 Лавров Л. И. Абазинны/Кавказский этнографический сборник. М. - Л., 1956. Т. 1. С. 27.
- 282 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 122 - 123 об.
- 283 Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 214. Л. 2, 8, 8 об.
- 284 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. !8. Л. 20 об.
- 285 Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа.. С. 41.
- 286 АКАК. Т. 2. С. 969, 497.
- 287 ЦГА КБАССР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 295. Л. 1253.
- 2.8 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 443 об.
- 2.9 ЦГА СОАССР. Ф. 12. Оп. 6. Д. 822. Л. 96.
- 290 Там же. Ф. 12. Оп. 6. Д. 737. Л. 3 об., 30 об.
- 291 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 120 - 121.
- 292 Хан-Гирей С. Указ. соч. С. 170.
- 293 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 122 - 123 об., 137 об., 138.
- 294 Там же. Ф. 2, Оп. 1. Д. 39. Л. 23.
- 295 Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 8. Л. 247.
- 296 Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 252. Л. 2 об., 107.
- Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 8. Л. 168.
- 298 Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 252. Л. 40 об.
- 299 Люлье Л. Я. Указ. соч. С. 20.
- 300 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 704. Л. 2.
- 301 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 420. Л. 50.
- 302 Марков Е. Очерки Кавказа. Спб., 1887. С. 46.
- 303 ЦГА КБАССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 8. Л. 35 об. 36.
- 304 Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 58, 82.
- 305 См.: Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 206. 308 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 759. Л. 3 об., 1.
- 307 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 133.
- 308 Переселение Кабарды Тамбиева... С. 244. *>9 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 765. Л. 60.
- 310 Документы по истории совместной борьбы кабардинского, балкарского и русского народа против чужеземных захватчиков. К истории участия Кабарды и Балкарии в русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг.//Сборник статей по истории Кабарды и

- Балкарии. Нальчик, 1959. Вып. 8. С. 135.
 3,1 Клапрот Г.-Ю. Указ. соч. С. 251.
 312 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1718. Л. 68 об.
 313 Кешев А.-Г. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым//Избранные произведения адыгских просветителей... С. 151.
 314 Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 71.
 315 Кешев А.-Г. Указ. соч. С. 151.
 316 Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 75.
 317 Челеби Э. Указ. соч. С. 277; См. также: Лавров Л. И. Еще об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора//Кавказский этнографический сборник. М., 1980. Т. 7. С. 220 - 221.
 318 Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 263.
 319 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 765. Л. 25 об.
 320 См.: Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 379.
 321 См.: Калоев Б. А. Указ. соч. С. 157, 176.
 322 ЦГА СОАССР. Ф. 12. Оп. 4. Д. 1. Л. 100, 157, 158.
 323 Кешев А.-Г. Указ. соч. С. 154.
 324 Нарты. М., 1974. С. 351.
 325 Данилова Е. А. Указ. соч. С. 31.
 326 ЦГА КБАССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 136.
 327 Там же. Ф. 1§. Оп. 1. Д. 454. Л. 260 об.
 328 Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики... С. 150.
 329 Люлье Л. Я. Указ. соч. С. 18.
 330 См.: Пейсонель К. Указ. соч. С. 33.

АРМЯНЕ ТАМБИЕВЫ

В сел. Каменноостском и поныне можно слышать поговорку: «Тамбий жаlэмэ, къулейсыз дохъу, Джаур жаlэмэ, бей дохъуж», т.е. «Когда называют нас Тамбиевыми - беднеем, когда же называют Гауровыми - богатеем»*. Это изречение, которое молва приписывает самим Тамбиевым, имеет историю, уходящую в глубь веков **.

* Записано со слов Ш. Бейтуганова, слышавшего ее от своей матери М.И. Бейтугановой (Куважуковой)

** Встречаются варианты этой поговорки, но приведенный наиболее полно отражает быль.

Фамилия Тамбиевых в адыгских преданиях занимает одно из ключевых мест. Этническое название наиболее крупного адыгского племени - кабардинцев - предание связывает с именем легендарного Кабарды Тамбиева. Представители этой фамилии неоднократно упоминаются в «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмова. Кабардинцы, узнав о неожиданном нападении войска крымского хана, «собрали несколько тысяч воинов и ожидали приближения его на левом берегу реки Баксана, послав передовой отряд под начальством Альбека Тамбиева для разузнания положения и числа неприятеля»¹. В 1569 - 1571 гг. между Крымским ханством и Кабардой происходили частые вооруженные стычки. Во время одного из сражений, как пишет Ногмов, «кабардинцы, хотя не разбили неприятеля, но своим упорным мужеством лишили его надежды победить их». Этому событию посвящена песня, в которой запечатлен образ храбреца Идара Тамбиева, который, «заметив робость наших, бросился в середину неприятеля; устыженные братья Седиевы повернули за ним коней»².

В сословном строе феодальной Кабарды Ш. Ногмов называл Тамбиевых первыми среди пяти фамилий высокостепенных узденей, или тлякотлешей. П.С. Паллас писал: «Наиболее значительными фамилиями из древних дворян являются фамилии Куденет и Тамби. Их предком был Гнардук»³. По предположению Л.И. Лаврова, Тамбиевы происходили из абазинского племени там. Предания выводят фамилию Тамбиевых из мдаевцев, но сам термин «там-бий» означает в переводе «князь тамовский»⁴.

Однако в документах 60-х гг. XIX в. встречаются сведения, что в ауле штабс-капитана князя Шужея Жантемирова, располагавшемся «в смежности с таковым же Хохондукова на правом берегу р. Кумы» проживали «армяне Тамбиевы»⁵. Кто же они? Имеют ли отношение к кабардинцам Тамбиевым?

Об армянах Тамбиевых, или лысогорских армянах, содержатся некоторые сведения в сборнике документов «Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX века)», собранном и подготовленном к печати Б.А. Гардановым еще в 1956 г. В комментариях к документам относительно лысогорских армян Федора и Макара Тамбиевых, живших в 40-х гг. XIX в. и именовавшихся также Гауровыми, публикатор пишет: «Возможно, что кабардинская фамилия Тамбиева присвоена Федору и Макару потому, что они или их отцы и предки проживали в свое время в Кабарде под покровительством кабардинских узденей 1-й степени Тамбиевых». Делая такой вывод, автор исходит из того, что «проживание армян, занимавшихся в Кабарде торговлей, под покровительством кабардинских князей и знатных узденей - факт, неоднократно устанавливаемый документами конца XVIII в. и первой половины XIX в.». Такой факт, однако, не убеждает в пользу высказанного предположения, т.е. присвоения армянам именно фамилии Тамбиевых. В том же сборнике приводится документ, свидетельствующий о том, что «армянский аул, поселившись под покровительство князей Черкасских, возымели совместное жительство». И логично было бы думать, что эти армяне получили фамилию Черкасских, но этого не произошло. Следовательно, сам по себе факт проживания армян под покровительством кабардинских князей и узденей недостаточен для исчерпывающего объяснения происхождения их фамилии.

Когда отсутствуют соответствующие материалы, исследователю, конечно, ничего и не остается, как только выдвинуть гипо-

тезу, высказать предположение и т. п. А в опубликованных документах не только отсутствует информация о генеалогии лысогогорских армян, но даже некоторые из них дают пищу и для ложных выводов. Так, в одном из прошений зависимых крестьян Гауровых они, объясняя сложившуюся ситуацию, писали: «...за услуги, оказанные владельцами армянами, последние награждались холопьями из кабардинских уроженцев, а таковые по времени сочетались супружеством на дочерях наших». Нельзя пройти и мимо того факта, что сами крестьяне иногда ничего толком не знали о своем действительном положении. Поэтому и к тем документам, что составлены под их диктовку, следует отнестись с известной осторожностью. Сошлемся на один пример. В прошении начальнику Центра Кавказской линии Голицыну эти крестьяне довольно энергично настаивали «произвести законное исследование, запросить армян Жигитовых *: имеют ли они законные доказательства на право владения нами, от кого мы предкам их достались, на каком основании и какими средствами приобретены; при том, как нам известно, что армяне Жигитовы не пользуются дворянским достоинством, то допустит ли закон иметь им крепостных людей»⁶.

* Наряду с фамилией Тамбиевых в документах встречаются: Жигат Гаур, Гауровы, Джигитовы, Жигитовы, Жигатовы, Джиготовы - в данном случае идентичные по своему смыслу.

Жалоба крестьян появилась в результате намерения их хозяев переселиться от границ Кабарды на Кубань. В справке Кабардинского временного суда по возникшему делу частично открывается завеса над тайной происхождения лысогогорских армян. В ней сказано, что «род первой степени кабардинских узденей Тамбиевых владеет крестьянами с незапамятных времен». Так выясняется, что «лысогогорские армяне» - кабардинцы! В том же ответе суд доложил полковому правлению, что «на армян Лысогогорской станицы распространялось право владеть своими крестьянами на тех же правах, что и казаки Бабуковской станицы». Далее суд сообщал, что «переселяющимся же с Кабарды и принимающим христианскую веру владельцам с согласия общества не запрещается брать с собой, что до этого имел в Кабарде на основании жалованной грамоты, данной кабардинскому народу (т. е. господствующему классу. - С. Б.) в 1771 г. Екатериной II»⁷. Это и было «решением» судьи притесителей.

Здесь нелишне заметить, что хотя и очень редко и недалеко от границ Кабарды, но все же нарушалось запрещение переселения крепостных крестьян за ее пределы, которого, как отмечает Б. А. Гарданов, народ, борясь с разорительными княжескими междоусобицами, добился как адатной нормы ⁸. В подтверждение таких нарушений приведем одну переписку. 7 апреля 1845 г. командующий войсками Кавказской линии и Черномории Завадовский предписывал начальнику Центра: «Гауровы могут сделать по свободному своему произволу (т. е. оставлять крестьян в Кабарде или взять их с собой. - С. Б.), но заставить их силою нет никакого основания, ибо Лысогогорский аул не в Кабарде и преимущества... предоставленные кабардинцам в сем отношении, на Гауровых распространяться не могут».

Конфликт крестьян с их владельцами в данном случае обострялся различием религий - Тамбиевы были христианами, - а потому их подвластные - мусульмане - опасались насилия над своей верой. Этот вопрос, впрочем, не затруднил Завадовского, который отделался простой констатацией того действительно постороннего факта, что «во всей России не дозволяется помещикам принуждать своих крестьян к изменению своей веры» и что «все таковые пользуются совершенною свободою»⁹. Такое предписание обернулось крайне нежелательными для царской администрации последствиями - вооруженным сопротивлением крестьян в прямом смысле слова.

Об этом довольно подробную информацию дает рапорт кордонного начальника Кисловодской линии временно командующему Центром Кавказской линии Хлюпину. Кордонный начальник получил от начальника штаба генерал-майора Филиппсона «предписание о том, чтобы жителям армянской Лысогогорской станицы Тамбиевым, согласно просьбе их, оказать пособие против холопей их, которые отказываются следовать за ними на Кубань и угрожают бегством в Кабарду». Начальник кордона ставил Хлюпина в известность о том, что, по словам Тамбиевых, из 180 их крестьян «45 вооруженных и в состоянии сопротивляться, что им нужно под прикрытием войск собираться к походу в продолжение 3 дней и что они считают необходимым, чтобы их проводило сильное прикрытия за Куму». В связи с создавшимся критическим положением начальник Кисловодского кордона принял ряд оперативных действий. Прежде всего он приказал на 29 мая 1846 г. вечером «прибыть на пост Лысогогорский 1-й роте линейного батальона из Георгиевска и двум сотням Донского казачьего полка». Затем поручил командование над этим соединением войсковому старшине, командующему Волгским № 1 полком Баскакову, которому «предписал в ночь с 29 на 30 подступить под станицу на рассвете и обезоружить холопей». После этого ему велено было оставаться на месте с отрядом для получения дальнейших приказаний, поскольку встревоженные и всерьез напуганные Тамбиевы заявили, что «малейшее замедление может их лишить возможности переселиться».

Опасаясь за судьбу всего переселенческого предприятия и после того как все жители армянской станицы «будут в совершенной готовности к переселению», начальник кордона запланировал «два усиленных перехода под прикрытием... роты и одной сотни перевести их в станицу Суворовскую, где сдать начальнику Баталпашинского участка». Кроме того, он назначил для сопровождения их до самого Прочного окопа одного офицера при 10-ти казаках». Оперативное сосредоточение столь значительного соединения воинских частей у Лысогогорской станицы само по себе ярко свидетельствует, что вооружение крестьян Тамбиевых, в котором, возможно, принимали участие и некоторые жители из собственно Кабарды, представляло довольно грозную силу. Следует особо подчеркнуть и то, что данное событие было одним из самых значительных выступлений кабардинских крестьян в 40-х гг. XIX в., выразившись в попытке вооруженного неповиновения своим владельцам. Остается добавить, что в отзыве на рапорте Хлюпин дал полную свободу действий кордонному начальнику: «Если вы получили предписание оказать пособие к переселению холопей Тамбиевых и как они решительно отказываются от переселения со своими господами, то в том случае... сделанные вами распоряжения одобряю». Единственное, от чего предостерегал Хлюпин, чтобы кордонный начальник не употреблял «мер насилия без видимой причины» и во избежание трагических последствий «обещаемым наказанием заставить их повиноваться своим господам, а тем более военачальства русского».

Вероятно, сопротивление вооруженных крестьян при таких условиях не переросло в восстание. Крестьяне выступали не против зависимости вообще, а только против ее «нетрадиционных» форм. Тем не менее документы свидетельствуют, что

некоторым крестьянам удалось бежать в Кабарду. Начальник Кисловодского Кордона 1 июня 1846 г. сообщил Хлюпину: «Житель Лысогорско-Армянской станицы Макар Тамбиев объявил, что холоп его Урус Нагаев назад тому дней восемь самовольно отлучился в Кабарду, в аул прапорщика Воклукина, состоящий на речке Аргудан»¹⁰.

Об аналогичном случае еще раньше сообщалось, что «холопья урядника Федора и казака Макара Тамбиевых первого Аслан Махов и второго Мокой 10 числа сего мая (1846 г. - С. Б.) самовольно и без всякого письменного вида отлучились в Кабарду». Эти единичные побег крестьян, разумеется, не смогли изменить общую ситуацию, и большинство их было вынуждено следовать вместе с владельцами селения, «ныне по воле государя императора переселяемого из кордона Кисловодской линии». Количество насильно выселенных крестьян и место назначения переселенцев выясняется в одном из рапортов: «...Означенные в рапорте Вашем холопья жители Армянско-Лысогорской станицы Тамбиевых до 180 душ имеют поступить в ведомство командующего 3 бригадою Кавказского линейного казачьего войска и по его распоряжению согласно разрешению главнокомандующего поселены выше крепости Прочно-Окопской на правой стороне Кубани»¹¹. Переселение, как и было предписано, сопровождалось войсковым старшиной до станицы Суворовской, после чего было дано указание начальнику Баталпашинского участка принять их и отправить под прикрытием с военной стороны по назначению ¹².

Вопрос о лысогорских армянах вновь возник много лет спустя. Пристав 4-го участка Пятигорского отдела в 1871 г. рапортовал Пятигорскому окружному управлению: «Частно осведомился я, что Сергей Тамбиев и другие их родственники происходят из моздокских армян, между тем они именуют себя кабардинскими узденями, а потому покорнейше прошу оное управление не оставить дать мне предписание о происхождении Тамбиевых». Между тем в управлении Кабардинского округа уже с конца 1867 г. рассматривалось дело «об отыскании сословных прав армянами Тамбиевыми». Обнаруженные нами материалы этого дела и проливают свет на генеалогию лысогорских армян.

Из записок канцелярии главноуправляющего Закавказским краем выясняется, что делом Гауровых занимались разные инстанции еще в 20-х гг. XIX в. В 1829 г. в Кавказском дворянском депутатском собрании началось обсуждение дела, возбужденного по прошению жителей Георгиевского округа «под Лысою Горой из первостепенных узденей кабардинских армян Хоапес и Степана Папосовых детей Гаур Тамбиевых о причислении их к дворянскому сословию Кавказской области...». Материалы дела подтверждают, что «лысогорские армяне действительно кабардинцы из рода Тамбиевых от колена Тлостанеш, по смерти которого назад тому не менее как за двести тридцать лет (т. е. в 1599 г. - С. Б.) сын его, принявший армянскую веру, Иосиф, жил в Кабарде и владел крестьянами».

В связи с этим документом появляются по крайней мере два вопроса: каким образом Тамбиевы оказались вне Кабарды, под Лысой Горой, что вблизи Пятигорска; и почему кабардинцев этих стали называть армянами? На подобные вопросы дает ответ на редкость любопытная история лысогорских армян, которая к тому же позволяет проследить некоторые, весьма важные стороны общественной жизни Кабарды того далекого времени.

Итак, семейное предание гласит, что у Тлостанеша Тамбиева было три сына: Бекмурза, Умахош и Бий. Самый младший из братьев Бий в «младости своей по страсти» задумал жениться из дочери армянского священника, жившего тогда в Кабарде, Оане--са Михайлова, девице Маргарите. Однако отец и братья Бия решительно воспротивились этому «по противности магометанского закона». Никакие уговоры Бия не дали желаемых результатов, не смягчили сурового нрава родственников. Тогда отчаявшийся Бий пошел на смелый, решительный и рискованный шаг: уговорил дочь священника Маргариту и увез свою возлюбленную за Кубань, а оттуда, опасаясь преследования, перебрался в Крым. Здесь, в Крыму, он, «приняв веру армянскую, женился на ней» и «остался жить между тамошними армянами». При крещении Бию дали имя Иосиф (Иосип; Осип). Жизнь беглеца продолжалась на чужбине до тех пор, пока не умер его отец Тлостанеш. Узнав об этом, Иосиф, желая помириться с братьями, возвратился на жительство в Кабарду вместе с «прижитыми четырьмя сыновьями». Однако братья его не простили, не приняли в свою среду. Более того, они даже запретили ему именоваться фамилией Тамбиевых. А за «поступки его против веры и родства, и по деянию его стали называть Жигат * Гауром **», то есть Герой Неверный, которым именем праведным и поднесь именуются».

* Слово «жигат» переводится в тексте как «герой». По смыслу совпадает с ним тюркоязычное слово «джигит», что значит «отважный наездник»

** Точнее, гяур (тюрк.) – т.е. немусульманин.

С течением времени потомки Иосифа «многократно просили отцов их, чтобы им дали возможность именоваться ихнею фамилией), т. е. настоящим их родством». Но родственники Тамбиевы ответили им и на этот раз категорическим отказом. Надо подчеркнуть, что в отказе Тамбиевых сыграла свою зловещую роль мумульманская религия. Так, Тамбиевы ссылались на то, что «хотя и желали они предоставить им (т.е. вернуть Гауровым их фамилию. - С.Б.), на то духовенство их к тому не допустило».

После этого Жигатовы-Гауровы (или просто Гауровы), «оставя Кабарду, имея на отцов их неудовольство» и «опасаясь за свое спокойствие вследствие принятия... христианской веры», переселились со всем семейством и подданными своими под Лысою Горой под покровительство России лет 25 назад (т. е. в 1804 г.), посвятив «себя с потомством быть верноподданными».

Гауровы все-таки сумели убедить членов дворянского собрания, рассматривавших их дело, и, «хотя закону магометанского есть дело и противное, однако единогласно признали по справедливости дать им свидетельство» об их принадлежности к роду Тамбиевых. Еще в 1816 г. по приказанию генерал-майора Дельпоццо кабардинский пристав гвардии капитан Аносов вызвал Тамбиевых, родственников Гауровых, и предложил им, чтобы они примирились с последними, «предоставили бы право именоваться всем настоящим предков фамилиею Тамбиевых». Однако вторично «отозвались притом, что без ихнего духовенства не могут исполнить предложение его превосходительства» (т.е. Дельпоццо).

Таким образом, Тамбиевы открыто не рискнули отвергнуть приказание Дельпоццо и, по существу, признали, что «Гауровы происходят из их фамилии». Идя на такое, хотя бы и словесное признание родства, Тамбиевы тут же напомнили Аносову, что они запретили Гауровым носить их фамилию «за принятие еще их прадедом христианско-армянского закона и поставили два принципиальных условия: во-первых, и это самое главное, чтобы Гауровы оставили веру армянскую, и, во-вторых, чтобы они вернулись в Кабарду. В этом случае Тамбиевы обещали не только признать их своими родственниками, но и готовы были разделить с ними «все те места, коими владел прадед их до побега». Извещая Гауровых о мнении Тамбиевых, Аносов в своем отношении недвусмысленно присовокупил приказание генерала Емануэля, чтобы они «на перемену веры никак не соглашались...». Этим он давал знать, что в случае неблагоприятного для Гауровых исхода, они будут взяты властями под покровительство и защиту.

Дворянское собрание в конечном итоге формально признало за Гаур Тамбиевыми их происхождение от первостепенных узденей, но и оно не оказалось правомочным записать их в Российскую дворянскую родословную, чего стали добиваться Гауровы после того, как не смогли договориться с Тамбиевыми. Вопрос был перенесен в высокие инстанции, как имеющий не частное, а общеполитическое значение.

В заключении, представленном в первый департамент правительствующего сената от 28 февраля 1830 г., командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал Емануэль высказал свои принципиальные соображения по данному делу: «Все сие обстоятельство представляя правительствующему сенату, я имею честь присовокупить, - писал он, - что обитатели аула у Лысой Горы Гаур Тамбиевы, зачисленные в Волгской казачий полк, будучи токмо армянского исповедания, но, происходя из рода кабардинцев, не суть армяне, следовательно, и к обществу моздокских армян, пользующихся особенными привилегиями, причислены быть не могут, как полагает и главноуправляющий здешним краем, а равно и Кавказская казенная палата». Вместе с тем, настаивал Емануэль, «принимая соображения, что состоящие под покровительством Российского правительства князья и уздени, сохраняющие свое вероисповедание, пользуются по службе и в отношении к их подвластным преимуществами своего рода, то несправедливо бы было стеснять или ограничить права тех из них, кои водворились в пределах России, даже приняли веру христианскую или для сохранения оной оставили своих однородцев». Емануэль, преследуя далеко идущие цели, отмечал, что «дело Тамбиевых может иметь большое влияние и на прочих узденей азиатского происхождения, которые со временем пожелали бы воспринять христианскую религию и вступить в подданство Российского престола»¹³. Последующее оправдало такую дальновидную точку зрения: многие известные кабардинцы, принимая христианскую веру, присягали на верноподданство России.

Обсуждение дела Гаур Тамбиевых приняло общекавказский характер и превратилось «в дело о правах вообще обитающих в России греков и мухаммедан». Вопрос этот был внесен в 1838 г. в Государственный совет, «а вслед за тем для совокупного с сим делом рассмотрения представлен был в оный от военного министра составлявшийся в Кавказском областном совете журнал по вопросу о том, какими правилами следует руководствоваться в выдаче дворянских свидетельств для вступления в российскую службу кабардинским узденям». Государственный совет, «разрешив окончательно дело о правах греков и мухаммедан... нашел, что вопрос сей, относясь по существу своему к определению общих прав состояния горских и других народов не только в Кавказской области, но и во всем Закавказском крае... не может быть с удобностью подвергнут отдельному от тех прав рассмотрению, а потому высочайше утвержденным в марте 1840 года журналом положили предоставить министерству юстиции передать предмет сей на ближайшее собрание совета главного управления Закавказским краем». А до того было решено выдачу упомянутым армянам свидетельств как на вступление в службу, так и для принятия их в военно-учебные заведения, оставить «на существующем основании»¹⁴. Бюрократическая карусель крутилась впустую.

Между тем фамильная тяжба Гауровых с Тамбиевыми продолжалась. В документах 40-х гг. XIX в. есть сведения, что «армяне Гауровы, по воле начальства, выселяются далее в Россию (ст. Успенскую, что близ Армавира. - С. Б.), оставляя Кавказ навсегда»¹⁵. Вместе с тем вполне определенно можно сказать, что в 50-х гг. «армяне Тамбиевы» жили в окрестностях Боргустана. Имеются свидетельства, что «два семейства лысогорских армян Тамбиевых (Антон Емельянович и Макар Григорьевич. - С. Б.) в 1856 г. с разрешения бывшего наказного атамана линейного казачьего войска причислены на жительство к станции Боргустанской для сближения жительство с дядею их, жившим в ауле майора Хаджи Абукова». Спустя два года они добились, чтобы ИХ причислили к этому же аулу. «Армянам Тамбиевым» удалось, наконец, перебраться в Кабарду, осуществив таким образом свою многолетнюю мечту, лишь в 60-х гг. XIX в. и в связи с укрупнением аулов.

Переселение их прошло без особых затруднений. В январе 1865 г. «проживающий в Бургустане, причисленный к Прочно-окопскому армянскому аулу» уздень Сергей Тамбиев обратился к начальнику Кабардинского округа с прошением, в котором он, «желая быть зачисленным в число жителей Большой Кабарды, где прежде жили предки, ходатайствовал о принятии его с братьями и семейством в среду членов Атажукинской фамилии (всего 19 человек) и зачислении «холопей наших мужского пола десять и женского девять душ в Большую Кабарду». При этом он предъявил и подписку членов Атажукинской фамилии, в которой читаем: «...даем сию подписку жителю Прочно-окопского армянского-аула узденю Сергею Тамбиеву, в том, что мы принимаем его, Тамбиева, с братьями его Григорием, Христофором и Мартиросом в число Атажукинской фамилии». На запрос начальника Кабардинского округа начальнику Верхне-Кубанского округа, куда входил Прочно-окопский аул, относительно того, «не имеется ли препятствия на переселение», тот уведомил, что «на переселение армянина Армавирского аула... в Большую Кабарду препятствий не имеется».

Таким образом, вопрос этот был в принципе решен, и начальник Баксанского участка получил предписание начальника Терской области, в котором он «разрешить изволил переселиться на жительство... в ауле князя Хасанби Атажукина» проживающему в Боргустане узденю Сергею Тамбиеву. К этому предписанию начальник Кабардинского округа полковник Нурид присовокупил: «Предлагаю вам по прибытии узденя Тамбиева в Кабарду водворить его в означенном ауле со всем его семейством и холопьями». Однако сословных прав Тамбиевы этим актом переселения автоматически не получали. Тот же Сергей Тамбиев писал полковнику Нуриду: «...права мои с братьями и в настоящее время еще не определены... а потому прошу... приказать разобрать права наши в окружном народном суде и выдать свидетельство о нашем происхождении»¹⁶.

К сказанному следует добавить, что не все лысогогорские армяне одним актом переселились в Большую Кабарду. По этому поводу начальник Баксанского участка в 1866 г. разъяснял начальнику Кабардинского округа, что «те же из Тамбиевых, которые принадлежат к казачьему сословию, живут в настоящее время также на месте бывшего аула Абуковского» (ныне с. Первомайское Ставропольского края). В именном списке казаков, проживавших в этом ауле, «особым от аула поселком», приобретенном ими «покупкою у статского советника Кодзокова», значится и уже знакомый нам Макар Тамбиев, которому в 1866 г. исполнился 81 год. Всего же Тамбиевых в данном ауле проживало 23 человека, в том числе 12 мужчин и 11 женщин. Из документа ясно, что не все Тамбиевы были зачислены в казачье сословие. По этому поводу Сергей Тамбиев пояснял: «...мои дяди (Макар, Емельян, Багдасар. - С. Б.) впоследствии времени перешли в казачье сословие и разделили между собой имение, отец же мой (Каспар. - С. Б.) приписался к обществу г. Моздока. Когда именно, кем и на каком основании он был зачислен в это общество - мне положительно неизвестно»¹⁷.

Примечательно, что крестьяне Тамбиевых, перешедших в казачье сословие, были освобождены от их зависимости. Эти Тамбиевы в 1870 г. были исключены из Терского казачьего войска «с тем, чтобы в течение шести месяцев избрать другой род жизни». Им удалось заручиться согласием жителей сел. Ашабово (ныне с. Малка) на переселение. На основании положения об аульных обществах Терское областное правление в 1873 г. удовлетворило ходатайство Тамбиевых об их причислении к кабардинскому обществу и постановило «причислить к сел. Ашабово с 1 января астоящего (1873 г. - С.Б.) года»¹⁸. В связи с данным переселением оставался нерешенным еще один вопрос: «К какому именно риходу в церковном отношении они будут принадлежать, если м будет разрешено приписаться к селению Ашабово». Тамбиевы зъявили желание «быть причислены к приходу Свято-Георгиевской Армяно-григорианской церкви в г. Георгиевске».

Позднее, в 80-х гг., Тамбиевы превратились в крупнейших кон-озаводчиков и представителей земледельческой буржуазии. В осемейном списке сел. Ашабова за 1886 г. значатся 71-летний Тамбиев Лазарь Макарович, имевший 835 лошадей и 1605 овец, другого Тамбиева - Антона Емельяновича - было 3122 десятины земли и 1621 голова крупного и мелкого рогатого скота¹⁹.

И все же фамильный вопрос, решение которого затянулось более чем на 300 (!) лет, так и не был решен окончательно, чему ивыми свидетелями являются ныне здравствующие члены рода Жигатовых *, часть которых в 1923 г. переселилась из Кызбуру-на I в сел. Псынадаха Зольского района. Мало кто из них сегодня догадывается о многовековой, полной драматизма, судьбе своего рода, которая некогда была «известна всему кабардинскому народу», высшим правительственным учреждениям России и даже самому царю.

* Фамильное предание также связывает Жигатовых с Тамбиевыми (инф. А.А. Жигатов)

Подведем некоторые итоги.

Во-первых, лысогогорские армяне Гауровы, Жигатовы, Джигитовы - кабардинцы рода Тамбиевых, имевшие кровнородственные связи с армянами по женской линии и потому утратившие свою исконную фамилию.

Во-вторых, все Тамбиевы - кабардинцы, и потому сама собой отпадает версия отдельных ученых, что в прошлом, возможно, некоторым армянам присваивалась их фамилия.

В-третьих, отлучение части Тамбиевых от фамилии своих предков в связи с принятием Бием Тамбиевым по личным мотивам христианской религии армяно-григорианской церкви говорит о том, что мусульманская религия успела уже примерно в 80 - 90-е гг. XVI в. пустить глубокие корни в Кабарде, во всяком случае, в среде феодальной верхушки. Этот факт ставит под сомнение категоричность фундаментального высказывания профессора Т. Х. Кумыкова, который, анализируя деятельность князей Черкасских, заявил: «Дело в том, что в XVI - XVII вв. кабардинцы были как бы полумусульманами, полухристианами... Народ в ту пору не был заражен мусульманским фанатизмом, каким мы знаем в XIX в. Прочно неукоренившуюся мусульманскую религию сменить на христианскую не представляло особого затруднения»²⁰.

История лысогогорских армян не подтверждает этого вывода. Так ли легко было сменить одну веру другой? Весьма примечательно одно замечание генерала А. П. Ермолова. В июле 1826 г. он, характеризуя как раз одного из князей Черкасских, подпоручика Бековича-Черкасского, писал, что тот «испытанной верности, фамилии здесь знаменитой, издавна служащей России и потому лишившийся состояния и всех выгод между мусульманами, из коих они происходили»²¹. Кабардинская феодальная знать, исповедуя христианскую религию, утверждала тем самым свои политические позиции, ориентированные на сближение с Россией, а принадлежность к исламу так или иначе означала протурецко-крымскую ориентацию. Еще Фредерик Дюбуа де Монпере писал, что «начиная с середины шестнадцатого столетия, Россия и татары-магометане, оспаривая друг у друга Черкесию, столкнули между собой в этой стране христианство и исламизм в открытой борьбе»²². Понятно, что религиозная политика России, достаточно гибкая, все же ориентировалась на поддержку христианского населения Кавказа, причем идея мирной христианизации горцев занимала в ней не последнее место.

В-четвертых, выясняется, что зависимые крестьяне, хоть и очень редко, но все-таки были вынуждены переселяться вместе со своими владельцами и за пределы собственно Кабарды, нарушая адатную норму, которая запрещала такого рода переселения и была установлена первым возмущением «черни» кабардинского народа. Для оправдания подобных акций феодалы прибегали к так называемой жалованной грамоте кабардинскому народу 1771 г.

И, в-пятых, история лысогогорских армян дает богатый материал-первоисточник для изучения конкретного случая бесчисленного множества вариантов возникновения кабардинских фамилий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 98.
- 2 Там же. С. 82.
- 3 См.: Аталиков В. М. Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 172.
- 4 Лавров Л. И. Абазины//Кавказский этнографический сборник (КЭС). М. - Л. 1956. Т. 1. С. 29.
- 5 ЦГА КБАССР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 295. Л. 113.
- 6 Материалы по обычному праву кабардинцев: Первая половина XIX в./Со-брал и подготовил к печати Б. А. Гарданов. Нальчик, 1956. С. 389, 151, 153.
- 7 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 740. Л. 27 сб
- 8 Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 388 - 389.
- 9 ЦГА КБАССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 429. Л. 10 - 10 об.
- 10 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 440. Т. 2. Л. 69 - 70 об., 80 об.
- 11 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 429. Л. 5, 10, 86.
- 12 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 440. Т. 2. Л. 70 об.
- 13 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 740. Л. 25 об., 27 об., 35 - 36 об., 38, 40 об.
- 14 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тиф-лис, 1897. Т. 9. С. 40.
- 15 Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 151, 157.
- 16 ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 740. Л. 33.
- 17 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 744. Л. 14.
- 18 Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 151. Л. 109.
- 19 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 46.
- 20 Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии <XIX веке. Нальчик, 1965. С. 50.
- 21 АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. С. 92.
- 22 Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. С. 5.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ТАЛИБА КАШЕЖЕВА

Жизнь и деятельность выдающегося сына кабардинского народа Талиба Псабидовича Кашежева по-настоящему еще не изучены. Приветствуя выход первой монографии о нем, следует согласиться с автором книги Р. У. Тугановым, что в биографии просветителя «много еще предстоит уточнить и дополнить»¹. В настоящем очерке как раз и ставится такая задача: с помощью документов и устных свидетельств уточнить и дополнить некоторые моменты биографий Кашежева, опираясь на отдельные положения и выводы упомянутой книги.

Биография просветителя начинается следующими словами: «Много повидал на своем веку старый Псабида Увжукович Кашежев» (с. 7).

Речь идет об отце Талиба. В посемейном списке сел. Кармова за 1886 г. значатся: «Кашежев Псабида Губжокович - 49 лет, сыновья: Талиб - 15 лет, Шахим - 12 лет, Шахмырза - 7 лет, Магомет - 1 год». Отсюда следует, что имя деда Талиба не Увжуко, а Губжоко.

Документальных сведений о П.Г. Кашежеве очень мало. Известно, что отец просветителя занимался торговлей и, видимо, не без успеха. По данным 1886 г., у Псабиды Губжоковича имелось торговое свидетельство 4-го класса за № 349.

В начале нашего века известный ученый-этнограф В.П. Пожидаев побывал в сел. Кармова, где, собирая материал о хозяйственной жизни кабардинцев, познакомился с Псабидой Кашежев. В книге, вышедшей в 1925 г., он писал: «Житель селения Кармова, глубокий старик, П. К. (очевидно, Псабида Кашежев. - С.Б.), которому в то время исполнилось приблизительно 90 лет, говоря о кабардинском хозяйстве и скотоводах прошлого времени, сообщил, что в те годы, когда с. Кармово (ныне с. Каменномостское) было расположено под горой Бештау... у них на селе были отдельные скотоводы, имевшие 5000 - 6000 баранов и 300 - 400 штук рогатого скота». А на вопрос Пожидаева, как давно появилось у них огородничество и садоводство, Псабида Кашежев «не стеснясь и не скрывая правды, сказал, что они, кармов-цы, до прихода русских не знали огородов и научились возделывать овощи и, главным образом, картофель, от солдат, которые жили в крепости. Крепость эта называлась «Каменномостной»².

Кстати, о том же пишут некоторые более поздние авторы, конкретно не ссылаясь на первоисточник.

На последней странице книги Р. У. Туганова читаем: «Благодарные односельчане назвали улицу в селении Каменномостское именем Кашежева» (с. 83).

К этому нужно добавить, что признанием общественной значимости заслуг просветителя стало также присвоение его имени одной из улиц г. Нальчика (в районе старого военкомата). Только надпись на мемориальной доске вызывает по меньшей мере недоумение. Конечно, дату его рождения (1866 г.), указанную в книге, нельзя считать вполне достоверной, поскольку в официальных документах встречаются 1869-й, 1871-й и даже 1873 г.

По сведениям Каменномостского сельсовета, за 1921 г. имеются такие данные о возрасте членов семьи Кашежевых: Псабида - 90 лет, Талиб - 48 лет и Фати (его жена) - 38 лет. Год рождения отца и жены, как и собственный, вероятно, записан со слов самого Талиба. Получается, что Псабида - 1831-го, Талиб 1873-го и Фати - 1883 г. рождения.

Однако по другому, более раннему источнику эти даты не совпадают. В посемейном списке жителей сел. Кармова 1886 г.

указаны обыкновенно две даты: по списку и «лета, данные по наружности», различавшиеся, как правило, на два года. Вторая дата, видимо, в большинстве случаев, приводилась ориентировочно. (Кстати, по этому списку Псабыда Губжокович 1835-го или 1837 г. рождения.) Если исходить из приведенных дат, то годом рождения Талиба следует признать один из двух: 1871-й (по посемейному списку) либо 1869-й (по определению переписчиков). Ни одна из них не совпадает с той, что фигурирует в биографии просветителя, хотя не считается с упомянутым документом у нас нет оснований. На наш взгляд, более соответствует истине именно 1871 г. Ведь он записан или со слов Псабыды, у которого, по общему признанию, была изумительная память, или, что не исключено, по письменной фиксации дня рождения. Однако дату рождения просветителя нельзя пока считать окончательно установленной. Вместе с тем на мемориальной доске указано нечто вовсе невразумительное: 1836 г. Эту досадную оплошность давно пора бы исправить.

Автор биографии далее пишет: «Полагаю, что в 1886 году Талиб Кашежев был уже учеником Пятигорской прогимназии... Точных же данных о времени завершения Талибом Кашежевным учебы в Пятигорской прогимназии не имеется...» (с. 10, 12). Материалы, которыми мы располагаем, позволяют восполнить этот пробел.

В 1892 г. в Пятигорске, в типографии Гнедича, вышла подготовленная преподавателями И. Кляревским и А. Раковым книжка «Пятигорская прогимназия», приуроченная к 25-летию основания последней. В приложении к юбилейному изданию имеется список выпускников 1888 г., в котором числится «Кошежев Талиб». В прогимназии было всего пять классов, из них один - приготовительный. Отсюда ясно, что Кашежев мог поступить в прогимназию в 1883/84 учебном году. Учеба, естественно, сыграла основополагающую роль в формировании духовного облика молодого гимназиста, поэтому немаловажно узнать, что же представляло собой это учебное заведение, какая атмосфера царила в его стенах.

Пятигорская прогимназия располагалась в доме генерал-майора Суходольского, арендованном за 600 руб. в год. За четверть века существования ее Кашежев был единственным гимназистом - выходцем из крестьян. Он также был и единственным кабардинцем. Эпитет «единственный» применим к Кашежеву и в плане вероисповедания - в графе о религиозной принадлежности других магометан не числится. Однокашниками его были, в основном, русские. Вместе с Кашежевым прогимназию окончили Бороденко Федор, Волгунов Павел, Зайко Александр, Иохалысов Петр, Пере-пеловский Алексей - все русские, и армянин Осканов Иоанес.

В прогимназии изучались: закон божий; русский, латинский, греческий, французский и немецкий языки, математика, география, история, чистописание и рисование. Общее число учащихся колебалось от 150 в 1886-м до 84 в 1888 г. В 1884 г., например, в приготовительном классе числилось 33 учащихся, в первом - 33, во втором - 30, в третьем - 15, а в четвертом - 8. Первоначально прогимназия задумывалась как бесплатное учебное заведение, но уже в 1868 г. установлена плата: за приготовительный класс - 3 рубля, за остальные классы - по 10 руб. серебром в год. В 1874 г. плата возросла до 6 руб. за приготовительный и 12 за каждый последующий класс. В 1887 г. приготовительный класс вообще закрывается. Одновременно возрастает и плата за обучение - 40 руб. Эти крутые меры привели к резкому сокращению числа учащихся. Так в 1888 г., т. е. в год окончания учебы Т. Кашежевным, число учащихся было значительно меньше: в первом классе - 10, во втором - 19, в третьем - 16 и в четвертом классе - 15. Окончание гимназии (особенно 7-го класса) давало право на «ведение педагогической деятельности в начальных училищах» (с. 12).

Описанная структура прогимназии исчерпывающе показывает, что в ней было всего 5 классов и значит рассуждения относительно прав, дававшихся выпускникам 7-го класса, становятся излишними. Следует помнить, что прогимназия - это неполная гимназия.

«Лопатинский оказал большое влияние на формирование взглядов и научных интересов гимназиста Талиба Кашежева» (с. 10).

О Лопатинском. Лев Григорьевич Лопатинский занимал должность инспектора Пятигорской прогимназии, т. е. был ее фактическим руководителем в 1883 - 1889 гг. Эти годы совпали со временем пребывания в прогимназии Кашежева. Как отмечают авторы упомянутой книги, «Лопатинский родом из Червонной Руси, из Австрии, горячий приверженец России и славянства. Он составил грамматику латинского языка, служившую учебным пособием для гимназистов. Основным же занятием Лопатинского, как преподавателя, являлось обучение русскому языку. Учебниками служили «Родное слово» и «Детский мир» в двух частях К. Д. Ушинского.. Здесь следует подчеркнуть, что прогрессивные принципы воспитания, заложенные выдающимся русским педагогом, не могли не воздействовать на формирование педагогических взглядов самого Кашежева. Своим безупречным знанием грамматики русского языка он, конечно, обязан Л. Г. Лопатинскому. Более того, Лопатинский преподавал и французский язык во всех классах с 1885/86 учебного года. Следовательно, не приходится сомневаться, что Кашежев был учеником Лопатинского и в этом предмете. Этот факт имеет немаловажное значение для выяснения 'вопроса о дальнейшем образовании Кашежева, о чем ниже.

«Он уехал в Петербург, чтобы поступить на юридический факультет...» (с. 12). Многозначие здесь означает, что обнаруженные архивные материалы пока не дают точного ответа на вопрос, поступил ли Кашежев в университет.

Однако имеются свидетельства мемуарного характера, подтверждающие, что Талиб Кашежев был студентом Петербургского университета. Речь идет о воспоминаниях одного из лучших учеников Кашежева - Абу Азаматовича Шериева. Под влиянием своего учителя он посвятил себя педагогической работе. В 1943 - 1945 гг. А. А. Шериев являлся директором Каменно-мостской средней школы № 1, был первым представителем коренной национальности на этой ответственной должности. В свое время он был приглашен просмотреть часть впоследствии утраченного личного архива просветителя, который находился на чердаке особняка генерал-майора Хагундокова и был обнаружен в 1934 г. сельским учителем М. Т. Шериевым.

Среди книг и бумаг Талиба Псабидовича он обратил внимание на тетрадь с надписью на обложке, которая запомнилась Шериеву на всю жизнь: «Тетрадь по французскому языку студента императорского Санкт-Петербургского университета Каше-

жева Талиба П.» Шериев вспоминал: « В 30-х годах, когда Кашежев жил и трудился в родном селении Каменноостском, никакого сомнения не было в том, что он учился в Петербурге... Мнение у всех о Талибе было одно: образованный человек, он окончил царский университет в Петербурге... Рассказы о Талибе я слышал от Жаманова Бека, Кашежева Шахима, Эштрекова Магомет-Али, Беканова Бетала, Мирзаканова Хамида».

Воспоминания очевидца всегда имеют важное значение, но особую ценность приобретают они при отсутствии документальных источников. Воспоминания А. Шериева проливают свет на некоторые черты характера, образовательный уровень Кашежева. Они же раскрывают один из эпизодов жизни уже тяжело больного Талиба Псабидовича. Приведем отдельные выдержки: «Его образ и внешность, манера разговора, звучание голоса и строгий неулыбающийся вид - и сейчас сохранились в моей памяти... В 1930 или 1931 году, в январе, около ворот забора нашей с/х школы (имеется в виду сельскохозяйственная школа им. Сталина, находившаяся на бывшем хуторе Хомяковой. - С. Б.) утром один курсант увидел на санях очень больного человека, и с ним возился кучер, он прибежал в столовую и рассказал об этом. Больной просил кого-нибудь из Каменноостского или учителя. Несколько курсантов, я и три учителя пришли быстро на дорогу, где стояли сани. Кучер из саней вытащил пахучее сено, больного уложил в бурку, и он лежал вверх лицом на сене. Это был Кашежев Талиб. Он меня сразу узнал, разговаривал со мной и с одним учителем. У него был сердечный приступ. Он пролежал некоторое время, ему стало лучше, а разговор с нашим учителем Любимовым Александром Николаевичем продолжался. Вот здесь я впервые услышал его русскую речь. Она была безукоризненно чистой, без акцента».

В газете «Казбек» 3 апреля 1903 г. была опубликована заметка Кашежева за подписью «Житель». В приложении к книге эта заметка воспроизведена в искаженном виде. Приводя слова: «В селении Кармовском доверенным общества в нынешнем году избран житель этого селения Хажбраил Агубеков», Р.У. Туганов делает примечание: «В тексте «Хажбрам» исправлено нами. Точно так же в отношении фамилии Агубеков. В тексте «Азубеков» (с. 112). Однако пояснений причин такого рода «исправлений» биограф просветителя не дает. Между тем в сел. Кармова действительно проживали Азубековы, среди них и тот, которого упомянул Кашежев в своей заметке. Так, в посемейном списке сел. Кармова за 1886 г. числится Азубеков Хажиберам Хамурзович, 25 лет от роду. Именно его-то и имел в виду Кашежев. Таким образом, Талиб Кашежев не ошибался, и его текст газетой был воспроизведен правильно, а «ошибка» приписана его биографом.

«В январе 1919 года белогвардейцы заняли и селение Кармово, учинив в нем грабеж и насилие... В этот страшный для односельчан момент Талиб Кашежев обратился за помощью к проживавшему в то время в селе отставному генералу русской армии ...Косте Хагундокову» (с. 68 - 69).

Сразу отметим, что сомнительна дата события. В сводках, составленных в 1925 г., упоминается Хагундоков Константин Николаевич (до крещения Эдык Исламович), 52 лет, «генерал-майор старой армии. Эмигрировал в 1918 г. из-за боязни, как имевший чин генерала. Находится во Франции». В сведениях 1924 г. также содержится аналогичная информация. «Хагундоков Константин Исламович, генерал, эмигрировал во Францию в 1918 г. по боязни из-за генеральского чина».

В годы гражданской войны части деникинских войск действительно разграбили сел. Кармова. Банды Шкуро и Серебрякова принесли жителям селения огромный материальный ущерб. Было ограблено 110 домохозяев на общую сумму 83 171 руб. Документы тех лет свидетельствуют, что к 1921 г. «в селении не оказалось ни одной лошади, пригодной к строю, а также... седел. Так после отобрания лошадей отрядами Шкуро и Серебрякова люди до сего времени никак не могут приобрести ни лошадей, ни седел за дороговизной». Факт же обращения Кашежева к услугам отставного генерала подтверждается многочисленными воспоминаниями старожилов. Здесь следует сказать, что генерал-майор Хагундоков не принадлежал к реакционной части царской армии, хотя в разное время и занимал ответственные посты, будучи генерал-губернатором Амурской области и наказным атаманом Амурского казачьего войска.

Был он также и командиром 1-го Семиреченского казачьего полка. В 1915 - 1916 гг. Хагундоков был членом Общества по распространению образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа. В этом качестве он принимал участие в церемонии «освящения здания реального училища, выстроенного вновь кабардинцами», состоявшейся 20 октября 1913 г. В том же году в чине полковника Хагундоков был включен в состав депутации от Кабарды и Балкарии, принимавшей участие в торжествах, посвященных 300-летию династии Романовых. Есть свидетельства, что контрреволюция пыталась привлечь способного генерала на свою сторону, и с этой целью ему была предложена должность, которую позднее занял небезызвестный Даутоков-Серебряков, но тот отказался сражаться против народа. Заняв в целом нейтральную позицию, Хагундоков однако не остался равнодушным наблюдателем. Он осуждал белогвардейский террор и потому выступил на стороне жителей села под влиянием дальновидного Кашежева.

Хагундоков, хоть и находился на противоположной стороне социальной лестницы, был все же вынужден поддерживать определенные связи с Кашежевым, так как последний был едва ли не единственным человеком в селении, с кем он мог поговорить по-русски. (Молва утверждает, что генерал не знал родного языка.) Итак, пользуясь знакомством, Талиб Кашежев прибег к помощи генерала, когда над мирными жителями нависла грозная опасность. Белогвардейские банды полковника Шкуро, «отличавшиеся особой жестокостью и недисциплинированностью», установив на вершине горы, возвышавшейся посреди селения, пулемет, вели непрерывную беспорядочную пальбу, требуя продовольствия и обмундирования.

В этот момент сагитированный Кашежевым генерал Хагундоков направился к белогвардейцам. Остановившись у подножия горы, он послал наверх гонца, прося, чтобы кто-нибудь спустился к нему, но получил отказ. Тогда, написав записку, в которой указал свое звание, генерал вновь послал своего гонца. Тогда главарь разбойников спустился к нему. В результате переговоров огонь был прекращен.

Таким образом бывший генерал старой армии спас жизнь многих односельчан. (Инф. Дж. Тхашоков.). И впоследствии Хагундоков не выступал против народа. Об этом можно судить и по воспоминаниям Кашежева, написанным в 1927 г. «В селении Каменноостском, - писал он, - дворянами... велась антибольшевистская агитация. Эти дворяне говорили крестьянам, что большевики - босяки, и им власть в своих руках не удержать. Нужна твердая царская власть, которая только одна может

править народом»³. В числе антибольшевистских агитаторов Талиб Псабидович называет «офицера в бегах» (поручика. - С.Б.) Абдрахманова Хабижа, но не упоминает о генерале Хагундокове. Не приходится сомневаться, что Кашежев назвал бы генерала, если бы тот занимался контрреволюционной деятельностью.

И еще один немаловажный штрих. Односельчане часто вспоминают, что Хагундоков, находившийся в эмиграции во Франции, в годы Великой Отечественной войны оказывал медицинскую, продовольственную и иную помощь советским военнопленным, оказавшимся в оккупированной Франции, в частности, кабардинцам. В гуманных действиях генерала в годы гражданской войны, видимо, не последнюю роль сыграла агитация Кашежева. Можно сказать, что благожелательный нейтралитет Хагундокова стал возможным благодаря его контактам с просветителем.

«...Талиб Кашежев часто брал на себя функции по защите крестьянских интересов в различных судебных и правительственных инстанциях» (с. 46).

Одна сторона общественной деятельности Талиба Кашежева совсем не изучена. Мы имеем в виду многочисленные заявления, написанные им по просьбе односельчан и просто знакомых. Между тем Кашежев не только и не столько переносил на бумагу обстоятельства, побудившие крестьян прибегнуть к его помощи, сколько (и это для нас главное) излагал так или иначе свое отношение к различным явлениям общественной жизни. Например, рукой Кашежева написано одно прошение в Нальчикский горский словесный суд, датированное 3 мая 1903 г., от имени жителя сел. Кармова Шапсадина Кашежева, приходившегося ему родственником. Содержание этого прошения представляет интерес, поэтому приведем выдержки из него.

«Осенью 1902 года отец мой Айтек Кашежев выгнал меня из дома, не дав ничего из имущества, приобретенного нами совместно... Отец прибегнул в этом случае к излюбленной системе, а именно: выгонял одного из братьев, а двух других приглубливал - до тех пор, пока лишенный всяких средств к жизни выгнанный не попросит у отца куска хлеба. Тогда он брал его в дом, а вместо него выгонял другого и т. д., так что почти всегда работали двое, а третий, как лишний, изгонялся отцом на то время, пока он не находил нужным заменить его одним из работающих. Со мною эту историю отец проделывал несколько раз...»⁴

Этот документ - неплохая иллюстрация факта проникновения в сельское хозяйство окраин России наиболее бесчеловечных форм капиталистической эксплуатации, не признающей, разумеется, даже кровнородственных связей. Следует подчеркнуть и тот факт, что пронизательный взгляд Кашежева сумел усмотреть в жестоких приемах ответчика систему умелого использования дополнительной рабочей силы для значительного увеличения прибыли, прибавочной стоимости.

«На окружном съезде выборщиков, состоявшемся в Нальчике 21 января 1907 года, Талиб Кашежев в числе других изъявил желание баллотироваться и на областной съезд. 25 января Нальчикская окружная по выборам в Государственную Думу комиссия записала в своем журнале: «...считать избранными выборщиками по Нальчикскому округу на областной съезд... Т. П. Кашежева» (с. 40).

Отсюда может сложиться впечатление, что Кашежеву достаточно было «изъявить желание», чтобы быть избранным на Терский областной съезд выборщиков. Документы и материалы, связанные с ходом выборов во II Государственную Думу по Кабарде и Балкарии, свидетельствуют об обратном. Господствующая верхушка встретила избрание выходца из трудового народа в штйки и стала принимать лихорадочные меры, чтобы аннулировать результаты голосования, обернувшегося для нее поражением.

Но - по порядку. Председатель Нальчикской окружной комиссии по делам о выборах в Государственную Думу 24 января 1907 г. под грифом «Весьма нужное» препроводил две жалобы (точнее, два заявления) председателю съезда уполномоченных от сельских сходов Нальчикского округа. А в своем отношении председатель комиссии требовал «в возможно скором времени сведения по содержанию жалоб для доклада в комиссию по выборам в Государственную Думу». Одна из этих жалоб (от 22 января), адресованная как раз председателю комиссии, исходила от девяти из 25 участковых выборщиков, возглавил которых поручик князь Казн Ахлов. Заявление было вызвано тем, что «один из выборщиков, Магомет-Гирей Шипшев*, лично заинтересованный в исходе выбора, вместо Анзорова выставил кандидатом Талиба Кашежева».

Как же случилось, что люди различного сословного происхождения и противоположных классовых интересов хотя бы на непродолжительное время могли составить «компанию»? Из заявления Ахлова видно, что выдвижение кандидатуры Кашежева стало возможным из-за склоки, грызни в стане местной знати. Такой вывод подтверждается следующими фактами. В конце 1906 г., т. е. накануне выборов в Думу, была образована Кабардинская комиссия по рудным делам (иначе - комиссия по отдаче права разработки на кабардинских запасных землях алебаstra и огнеупорной глины). Председателем этой комиссии стал известный прогрессивный деятель и педагог Исхак Кармов. Членами ее являлись, в частности, Темирбулат (о котором шла речь в заявлении) и Кудаберд Анзоровы, а также Магомет-Гирей Шипшев. Между Кармовым и Шипшевым, с одной стороны, и Анзоровым - с другой, возник острый затяжной конфликт. Об этом говорит совместное заявление Кармова и Шипшева, позднее адресованное начальнику Нальчикского округа. В заявлении поступок Анзорова охарактеризован как «некорректный и неправильный», поскольку он «должен думать, как член комиссии, об интересах народа, а не частного постороннего лица»⁵. Конфликт в конечном итоге разрешился в пользу Анзорова: ему была предоставлена охрана прав разработки «от чьих-либо незаконных и самоуправных посягательств».

Становится поэтому понятным, что временное совпадение интересов Кашежева и Шипшева базировалось на том, что Анзоров был противником первого и нежелательным лицом для второго. Вероятно, Шипшеву трудно было найти среди своих кандидатуру, которую можно было бы выставить против представителя могущественного и влиятельного клана Анзоровых. В этом плане выглядит естественным поступок Шипшева. Кашежев же был обязан воспользоваться благоприятной ситуацией, чтобы сразить противника. И он предпринял такую попытку.

Активное участие деятелей такого типа, как Кашежев, т. е. представителей трудового крестьянства, в выборах в Государственную Думу, вообще стало возможным, благодаря событиям первой русской революции, в ходе которой они и происходили. Кашежев должен был активно включиться в думскую кампанию, отстаивая интересы и чаяния своих избирателей - трудовых крестьян. Многолетняя просветительская деятельность, активное участие в общественной жизни, безукоризненное знание русского языка, вопросов юриспруденции, почерпнутые им некогда в стенах, по-видимому, неоконченного Петербургского университета, а также работа переводчиком Нальчикского горского словесного суда, позволяли Кашежеву находиться в гуще избирательной кампании.

Этот факт признавался и господствующей верхушкой. В упомянутом заявлении указывалось, что «переводчиками и руководителями всего собрания являлись Шипшев и Кашежев», что «оба хорошо грамотные и лично заинтересованные в исходе выборов», а потому «они проводили все, что им было желательно и выгодно, ясным доказательством чего служит, что они оба и выбраны выборщиками в областной съезд».

Второе заявление, аналогичное по содержанию первому, исходило от участкового выборщика Темирбулата Анзорова - того самого, которого в 1906 г. «крестьяне селения Кармова «прокатили», избрав на окружной съезд Кашежева». Тогда князя и помещики оказались сильнее: им удалось добиться отмены «сельского приговора». И теперь, когда пути старых противников - Кашежева и Анзорова - опять пересеклись, те же силы всячески старались добиться того же: «группа девяти» настаивала, чтобы выборы, «происходившие 21 января сего года, считать недействительными и назначить новые». Среди противников Кашежева замаячила и более грозная фигура члена Нальчикской окружной комиссии по выборам в Государственную Думу князя Наурузова. Надо подчеркнуть, что все заявители были бы не прочь потеснить и Шипшева, заменив его любым другим из «девятки». Но, без сомнения, их главной целью было «убрать» Кашежева. Наурузов сам возглавил «девятку», выступив с «особым мнением». Он признал результаты выборов в пользу Кашежева неправильными, сославшись на незнание некоторыми уполномоченными русского языка, которое якобы помешало им «заявить председателю съезда то, что желали другие выборные, так как они не являются заинтересованными в выборах лично, а потому намеченный в выборщики Анзоров мог и не попасть в баллотировку». Здесь князь Наурузов, лично ответственный за соблюдение процедуры голосования, как член окружной комиссии, проговорился. Он довольно откровенно признал, что заранее в выборщики уже были намечены «свои» люди. Очевидно, что верхушка готовила не столько выборы, сколько жалкую карикатуру на них. И в том, что этот замысел был сорван, несомненно заслуга Кашежева.

Отвечая на запрос председателя Нальчикской окружной комиссии, председатель съезда уполномоченных разъяснил действительное положение дел. «Само собой видно, - заключал он, - что баллотировка Кашежева была поставлена не вместо Анзорова, а сама по себе, а раз кандидатура Кашежева была поставлена (хотя бы одним человеком), баллотировка его должна быть проведена, и на этой баллотировке Кашежев был избран семнадцатью шарами против восьми». Беспочвенность претензий Наурузова на неправильность проведения выборов была очевидна. Председатель разъяснял: «...что же касается до липл баллотируемого и того, куда класть избирательный или неизбирательный шар, ни у кого из уполномоченных сомнений не могло возникнуть, так как баллотируемое лицо становилось во время баллотировки на видном месте отдельно и так как каждому из уполномоченных указывалось мною и многими другими, куда класть шары избирательный и не-избирательный». К сожалению, остаются невыясненными все перипетии выборной процедуры. Однако известно главное. Комиссия, рассмотрев оба заявления, нашла их не заслуживающими внимания и решила «оставить без последствий»⁶, т. е. признала тем самым действительность выборов. Это была победа Кашежева. И не только его личная. Это была также победа представителя трудового крестьянства. Данный случай из политической жизни округа свидетельствует, что трудовое крестьянство национальных окраин постепенно, но необратимо пробуждалось от векового забвения, застоя и рабства, что оно становилось все более и более грозной классовой силой в борьбе против сил и традиций самодержавия.

Пробившись на областной съезд выборщиков, Талиб Кашежев, надо полагать, отдал свой голос за Т.Э. Эльдарханова *, избранного депутатом Государственной Думы от Терской области. Следует отметить, что коллеги на ниве просвещения Кашежев и Эльдарханов могли быть знакомы лично: ведь они были немногими в области учителями - выходцами из коренного населения.

Примечательно, что позднее речь Т. Э. Эльдарханова в Думе 3 мая 1907 г. В. И. Ленин цитировал в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 - 1907 гг.» Он писал, что Эльдарханов «от имени своих избирателей - туземцев Терской области ходатайствует, чтобы расхищение природных богатств было приостановлено впредь до разрешения аграрного вопроса, а расхищают земли правительства, отбирая лучшую часть нагорной полосы»⁸. Одним из «избирателей-туземцев», о которых говорил В. И. Ленин, был и Талиб Кашежев. Мысль относительно расхищения земли в лучшей части нагорной полосы, прозвучавшая из уст депутата Эльдарханова, могла скорее всего принадлежать именно таким избирателям, как Кашежев, а вполне возможно - и ему самому.

Участие на представительном съезде областного масштаба должно было способствовать расширению и углублению взглядов Кашежева как общественного деятеля. При этом, разумеется, идеализировать Кашежева, как и любую другую личность, не нужно. И в этом нет никакой необходимости. Будучи оторванным от главных центров революционных битв и не пройдя суровой школы революционной закалки, он, естественно, не мог подняться до уровня передовых революционеров своего времени, но не надо забывать, что он являлся известным просветителем, получившим образование под руководством видных ученых в области русской словесности, для которых были характерны высокогуманистические педагогические взгляды.

Встреча с С.М. Кировым, которая, безусловно, оказала на Кашежева дальнейшее революционизирующее влияние, была еще впереди, а до приезда Кирова на Терек (1909 г.) оставалось еще около трех лет.

Для верной оценки деятельности Т. П. Кашежева необходимо иметь в виду, что то было время первой буржуазно-демократической революции, первых решающих столкновений рабочего класса и крестьянства с самодержавно-помещичьим гне-

том. Неизбежным явлением этой эпохи, как указывал В.И. Ленин, являлась «неразвитость классовых противоречий в народе вообще, в крестьянстве особенно». Она вызывала «воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма, который является мелкобуржуазным социализмом, ибо идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений».

В уже упоминавшихся воспоминаниях Т. П. Кашежев писал: «В 1905 году во время всеобщей политической забастовки в Нальчик приехал из России один товарищ, работавший там на одном из крупных заводов. Приехавший был уроженцем Нальчика. Фамилия его, к сожалению, забыта. На устроенном митинге он провозгласил выборное начало всей администрации. С митинга толпа народа отправилась к квартире бывшего тогда начальником Нальчикского округа Страхова и предложила ему тотчас же выехать за пределы Кабарды. Страхов уехал. Через несколько дней в Нальчике было объявлено военное положение и лица, агитировавшие за освободительное движение, ушли в подполье».

Эти воспоминания, в основном, согласуются с той картиной событий, которую рисуют наши историки. Так, исследователь рево-люционного движения в Кабарде и Балкарии Ч. Э. Карданов пишет: «В октябре 1905 года на многолюдном митинге в Нальчике, куда приехало около тысячи крестьян из селений, большевистские агитаторы разъясняли собравшимся смысл происходивших в стране событий. Начальник округа полковник Страхов вызвал солдат, однако последние отказались выполнять приказ о разгоне митинга и приняли в нем участие». Ч. Э. Карданов далее упоминает, что-в том же году «из Минеральных Вод в Нальчик приехал железнодорожник Ефим Роменский, который вместе с нальчанином Петром Рубинком устраивал митинги с участием большого количества народа, что в результате революционных выступлений «полковник Страхов был устранен со своего поста»⁹.

Выступление Петра Рубинка на митинге, состоявшемся 12 декабря 1905 года, заканчивавшееся словами: «Существующее правительство нежелательно. Необходимо управление народное на выборных началах...», также совпадает со словами Кашежева, что «приехавший был уроженцем Нальчика. На устроенном митинге он провозгласил выборное начало всей администрации». Вероятно, Кашежев имел в виду именно Рубинка, брошенного вскоре властями в тюрьму. Нам удалось обнаружить его прошение, написанное из тюрьмы. В нем отчетливо прослеживается революционный дух арестанта. Оно озаглавлено исключительно смело: «Представителям произвола и насилия»¹⁰. Этот заголовок говорит, что документ этот есть не столько просьба, сколько вызов властям, беспощадная критика бюрократически-полицейских порядков господствующего класса.

Упомянутое «прошение» проливает свет и на личность самого Рубинка. «Да, я мещанин, - пишет он, - моих прав нет, меня могут безнаказанно лишать свободы, оскорблять чувство самолюбия и гноить в сырой тюрьме». Текст прошения не лишен остроумия и злой насмешки над сильными мира сего. «Я думаю, - продолжает арестант, - князь Атажукин, как старый человек и более моего обеспечен в жизни, то гораздо более имеет право на сырой угол тюрьмы». Простение заканчивается словами не сломленного духом человека: «Может быть... вы дождетесь счастливого времени видеть мой труп, однако знайте, как бы ни была мала преграда, все-таки она ляжет на пути вашего спокойствия». Это был не голос отчаяния, но голос надежды, что его пример другим послужит сигналом к продолжению борьбы.

Идеи и события первой русской революции, сторонним наблюдателем которых, как показано, Талиб Кашежев быть не мог, не оставили равнодушным человека, посвятившего себя служению трудовому народу. В этом убеждает и позиция, которую активно отстаивал Кашежев по аграрному вопросу. Его взгляды наиболее четко выразились в период подготовки и утверждения правил пользования Зольскими и Нагорными пастбищами (первые занимали площадь в 207 386 дес, или 32,8% всех земельных угодий в Кабарде) - богатейшими землями, значительная часть которых могла быть использована и для пахоты. 26 марта 1910 г. съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ принял новые правила пользования Зольскими пастбищами, которые заменили действовавшие с 1907 г. и восстанавливали старые правила 1890 г. На следующий день Кашежев выступил с отдельным мнением в качестве доверенного общества сел. Кармова *.

Выступил Кашежев как против правил 1907 г., так и против правил 1890 г., бросив тем самым вызов местным властям. Его мнение сводилось к 5 пунктам, важнейшим из которых был первый. В нем предлагалось «весь пастбищный район Зольских и Горных пастбищ обратить в общекабардинский земельный фонд, из которого делать отводы действительно нуждающимся хозяевам по определенной арендной плате». При этом автор проекта добавлял, что следует «воспретить арендаторам переарендовывать у других или сдавать свои заарендованные участки другим лицам»¹³, тем самым пресекая возможность спекуляции землей.

Обращает на себя внимание, что особое мнение Т. П. Кашежева расходится существенно с проектом по тому же вопросу Магомет-Гирея Шипшева **. Совпадая в некоторых частностях (сроки аренды, использование пастбищ в зимний период, проведение наряду с пастбой и сенокошением расходов на социальные и культурные нужды), их предложения различались в главном. Шипшев предлагал: «Зольские пастбища (имелись в виду удобные для пахоты. - С. Б.) в настоящее время было бы всего лучше и справедливее заселить теми кабардинцами, которые не получают или совсем пая земли, или получают слишком мало в своих селениях по самым различным причинам и поводам, и, безусловно, нуждаются в земле»¹⁴. На первый взгляд может показаться, что это предложение проникнуто заботой о малоземельных. На деле же такое «справедливое» распределение неизбежно «работало» бы на столыпинскую аграрную реформу, т. е. ориентировалось на «сильного хозяина».

* Это обстоятельство дает основание полагать, что мнение, с которым выступил Кашежев, было заранее согласовано с трудовым крестьянством сел. Кармова, которое зачастую отличалось выраженным оппозиционным настроением к местной и окружной администрации. Приведем один из многих примеров. В период русско-японской войны старшина Кармова доносил, «что несмотря на его предложения, жители селения не проявили никакого интереса к набору добровольцев, и на его вопрос, желает ли кто-либо из них поступить в качестве добровольца в действующую армию на Дальнем Востоке, присутствовавшие на сходе ответили категорическим отказом»¹¹. Кроме того, 12 апреля 1906 г. начальник Нальчикского округа се-

кретным рапортом доносил генерал-губернатору Терской области Колюбакину: «В некоторых населенных пунктах Кабарды и Балкарии население всегда склонно к возмущениям». В числе других в рапорте упомянуто и сел. Кармова 12. Таких примеров и до, и после этих событий было немало.

** Кашежев подвергал резкой критике и другого Шипшева. 3 февраля 1911 г. он рапортовал начальнику Нальчикского округа «о недостойном, а иногда и преступном поведении» стражников так называемой летучей команды, командиром которой был некий Питу Шипшев.

Нам представляется в целом верной оценка позиций Кашежева и Шипшева в период первой русской революции, данная Б. Э. Калмыковым, который отмечал: «Движения пятого года возглавляли представители от крестьянства: Касым Шогенцуков, Хамид Пачев, Талиб Кашежев... и представители от дворян и князей: Атажукин... Шипшевы...» По мнению Калмыкова, «представители княжества и дворянства выступали в начале революционного движения вместе с крестьянством под единым лозунгом свержения царя», но вскоре «революционные крестьяне... убедились в том, какая огромная пропасть лежит между ними... Произошел раскол»¹⁵.

Возвращаясь к биографии Т. П. Кашежева, написанной Р. У. Тугановым, отметим следующий факт. «В 1899 году Талибу Кашежеву удалось устроиться на работу переводчиком в Кабардино-Горский словесный суд в слободе Нальчик, он проработал в, том учреждении до января 1902 г.» (с. 13 - 14).

Несмотря на кратковременность этой службы, Кашежев достаточно хорошо ознакомился с царившими в суде порядками, что в дальнейшем позволило ему выступать на заседаниях в качестве поверенного, неизменно отстаивая справедливость, смело выступая против наиболее консервативных проявлений принятого судопроизводства. Участие в судебных тяжбах на стороне трудящихся принесло Кашежеву заслуженную популярность. К нему нередко обращались за помощью. Об этом, в частности, свидетельствует его заявление в словесный суд от 23 апреля 1908 г. Прочитируем его:

«На производстве в горском суде находится дело по иску братьями Жантемиром, Али и Хазыром Шериевыми с доверительницы моей 1611 руб. 75 коп. наследственно с доли за скот, оставшийся после смерти покойного их брата Астемира Шериева. Дело это разбиралось в Нальчикском горском словесном суде 2 сентября 1902 г. и по неподсудности передано в окружной суд. Истцы остались недовольны решением горского суда и обжаловали, но начальник области апелляцию оставил без последствий... На этот скот предъявляет свои права землевладелица Хомякова, на хуторе которой скот был описан и пригнан в селение Кармово. Весь описанный скот после произведенного дознания... возвращен Хомяковой, являющейся фактическим владельцем скота... Те же истцы... вторично предъявили тот же иск в Нальчикском горском суде в прошлом году, не известными какими соображениями руководствуясь... Покорнейше прошу прекратить неосновательно возбужденный иск с доверительницы моей. Поверенный Селимхан Шериевой Талиб Кашежев»¹⁶.

Для правильного понимания позиции, занятой Кашежевым в этом деле, необходимо подробнее прокомментировать это заявление.

5 мая 1902 г., в возрасте 50 лет, умер управляющий хутором Е.А. Хомяковой с самого его основания (1881 г.) Астемир Шериев. Он не оставил прямых наследников (2 его сына и дочь умерли рано, в возрасте 2 - 3 лет). Незадолго до смерти, находясь на лечении от туберкулеза в Крыму, Шериев 19 марта 1902 г. составил духовное завещание, заверенное Ялтинским нотариусом. По этому завещанию он, вопреки правилам шариата, все свое имущество завещал жене. Как известно, законы шариата о правах мужа и жены на наследство, в случае смерти одного из них без прямых наследников, устанавливают неравенство между супругами. Следствием этого являлось то, что после смерти мужа положение женщины-мусульманки ухудшалось вдвое. Во-первых, смерть мужа для нее - потеря единственного кормильца, а во-вторых, вдова теряла часть имущества, бывшего в распоряжении семьи при жизни мужа. В данном случае жена Шериева по шариату имела право только на одну четвертую часть наследственного имущества. А на дом мужа, земельный участок она и вовсе не имела прав.

Отсюда становится понятным, почему Кашежев стал на сторону вдовы Шериева: он защищал одинокую женщину, которой угрожало полное разорение. Тем самым он выступал против шариатского засилья. Однако предотвратить шариатское разбирательство и Кашежеву было не по силам. Ибо в то время передача дел по наследственным тяжбам на обсуждение по обычному праву горцев или по общим государственным законам не допускалась. Подобного рода дела подлежали «исключительно духовному рассмотрению и решению на основании правил шариата»¹⁷.

Сначала наследственное имущество Астемира Шериева в соответствии с его духовным завещанием определением Владикавказского окружного суда, состоявшегося 13 - 17 сентября 1902 г., поступило в распоряжение вдовы Селимхан (девичья фамилия ее - Мударова). Однако, узнав об этом решении, братья покойного 11 декабря 1902 г. возбудили иск против вдовы через присяжного поверенного Тимченко-Ярошенко «О признании нотариального духовного завещания умершего бездетным родного брата его доверителей Астемира Абдуловича Шериева». Новое слушание, состоявшееся в окружном суде 14 - 18 марта 1903 г., признало недействительным это духовное завещание и «подлежащим уничтожению в трех четвертых частях его».

Следует отметить, что один из братьев покойного, Алимурза, первоначально воздержался от иска. В своем прошении суду он писал: «Я же до сих пор не вступался в наследство и не требовал своей части, свято чтя волю покойного брата Астемира. В настоящее же время раз воля покойного брата моего нарушена, завещание признано недействительным, я также желаю получить свою долю»¹⁸. Данное прошение говорит о том, что шариатское разбирательство было навязано вдове, причем; как говорят, здесь не обошлось без взятки (инф. Журтова).

На первом этапе судебного разбирательства, затянувшегося в общей сложности на семь лет (1902 - 1908 гг.), поверенным Селимхан Шериевой был помощник присяжного поверенного Магомет-Гирей Шипшев. Вероятно, его действия не устраивали Селимхан, почему она и обратилась за помощью к Талибу Кашежеву, попросив его стать ее поверенным на суде.

Из вышеприведенного заявления видно, что Кашежев поддерживал Е.А. Хомякову. Это объясняется тем, что последняя, как это явствует из представленной Кашежевым суду копии, принимала «живое участие во вдове умершего Астемира Шериева и, узнав, что шариатом переход имущества по духовному завещанию не предусмотрен, старается во что бы то ни стало не допускать, чтобы братья покойного воспользовались имуществом своего брата согласно шариатских правил». Действительно, Хомякову беспокоила судьба овдовевшей Селимхан. Об этом можно судить по ее письму от 18 июня 1902 г., адресованному, видимо, старшине сел. Кармова. В нем, в частности, отмечено: «Я узнала, что братья покойного Астемира Шериева подали в горский суд прошение о выделении по шариату законной части из имущества их брата. Считаю своим долгом предупредить вас, что я имею законное духовное завещание, по которому покойник оставил свое все имущество жене своей Селимхан Шериевой, следовательно, о применении адата тут не может быть и речи. Желаю очень Вам показать это духовное завещание, которое еще находится у меня. Много меня обяжете, если приедете ко мне завтра же в субботу по этому делу»¹⁹.

Однако дело принимало нежелательный для вдовы Селимхан оборот, когда была произведена опись живого имущества Астемира (40 голов скота и 14 лошадей, всего на 2038 руб., а по другим данным - 80 голов скота, 35 лошадей и 500 баранов), тем более, что скот, будучи отмечен личным тавром Шериева, «пасся в одном табуне со скотом Хомяковой».

После описи скота Хомякова начала слать письма и телеграммы в Терское областное правление, указывая на «неправильные действия начальника первого участка надворного советника Семенова, младшего помощника начальника округа Мокрицкого, старшины с. Кармова Т. Кармова и, наконец, состава Нальчикского горского словесного суда, обвиняя всю местную администрацию и послушный ей суд в грабеже и бесчинстве»²⁰.

Разумеется, усилия Кашежева и Хомяковой не могли возыметь решающего действия, когда окружной суд изменил свое первоначальное решение о признании духовного завещания и к тому же возложил на ответчицу Селимхан уплату судебных издержек в размере 111 руб. 05 коп.²¹

Знал ли Талиб Кашежев, берясь за это дело, что не в состоянии воспрепятствовать шариатскому разбирательству, поскольку вообще «магометанин по шариату не может лишить путем завещания своих наследников следуемой им из наследственного имущества части»? Тем не менее, его участие на суде на стороне овдовевшей, а следовательно, и против всевластия шариата, красноречиво говорит о гражданском мужестве и прогрессивных взглядах Кашежева, заслуживая высокой оценки.

Таким образом, Астемир Шериев был в числе частных землевладельцев. Управляющий имением Хомяковой имел собственный хутор, располагавшийся в «200 саженьях от ее экономии»²². Хутор назывался Шериевским, в подтверждение чего - именная печать, хранящаяся у его правнучатого племянника Башира Машевича Шериева с надписью: «Хутор на Зольской кабардинца Астемир Шериев». О самом Шериеве имеются противоречивые сведения. Несомненно одно: он, в противоположность местной аристократии, был представителем нового социального слоя - сельской буржуазии. В его деятельности можно проследить борьбу землевладельческой буржуазии нового образца против старой, кичащейся своим происхождением, но в большинстве неизбежно разорявшейся сельской знати. Отец Шериева - хаджи Абдула - известен тем, что принимал участие на сходе поверенных всех селений Большой Кабарды, состоявшемся на Баксанском кордонном посту 1 октября 1874 г. Этот сход решал вопросы изменения границ аульных дач и участков частных собственников. На сходе Абдуле Шериеву удалось добиться признания необходимости отвести сел. Кармова дополнительно из Зольских земель чересполосно участок, который впоследствии на значительном протяжении оказался граничащим с купленным Хомяковой земельным участком. Рассказывают, что Астемир Шериев своеобразно демонстрировал свое имущественное превосходство перед обедневшей знатью. Был даже случай, когда в пылу спора он вскипятил воду в самоваре на костре из бумажных денег. Местная знать была настроена к Шериеву враждебно. Об этом, в частности, можно судить по представлению старшины сел. Кармова начальнику 1-го участка поручику Пе-редерею, в котором Шериев охарактеризован как «клязник», «немилосердный и беспокойный сосед». О враждебном отношении местной знати к Шериеву говорит молва, что он был, в сущности, насильственно умерщвлен.

Итак, знакомство Шериева и Хомяковой могло состояться в Кисловодске, куда наряду с другими жителями селения он довольно часто приезжал по торговым делам. Об этом, в частности, со слов очевидцев рассказывала Шериева Мазага Батырбековна.

Кстати, она в детстве воспитывалась у овдовевшей Селимхан Шериевой и хорошо помнила Хомякову, смуглую красивую женщину среднего роста, которая им во всем помогала. Из ее уст мы услышали необычную, но весьма выразительную похвальную характеристику: Хомякова запомнилась Мазага, как «гяур с крестом на шее и истинная мусульманка в душе». Самое же примечательное в ее рассказах - то, что Кашежев Талиб был частым гостем Хомяковой. По пути в Пятигорск и из Пятигорска в Кармово Кашежев часто останавливался в доме Екатерины Алексеевны и, если эти приезды совпадали с урожаем, он у нее тайком принимал пищу, что показывает и степень его религиозности. О темах их разговоров, к сожалению, пока можно лишь догадываться.

О довольно тесных связях, существовавших между Кашежевым и Хомяковой, свидетельствует и небольшая его приписка к одному ее заявлению. 8 ноября 1909 г. Хомякова просила управление Нальчикского округа выдать ей «удостоверение в том... на коих трех участках (имея 2231 десятину, судя по уплаченным налогам, она занимала 2-е место среди 596 землевладельцев округа. - СБ.), находящихся в Нальчикском округе недоимок поземельного государственного сбора на 1909 год не числится». К этому заявлению рукой Кашежева приписано: «Удостоверение за № 20326 для передачи получил. Талиб Кашежев»²³.

В упоминавшемся деле по иску Шериевых имеется любопытное разъяснение бытующего в народе до сего времени слуха о том, будто бы Астемир при своей жизни завещал три тысячи рублей на сельскую мечеть, и что он передал денежный кон-

верт с этой суммой Хомяковой. Этот слух, однако, не подтверждается, так как «оказалось из показания многих свидетелей, что три тысячи рублей на мечеть обещала сама Хомякова из своих средств»²⁴. Видимо, у Шериева было намерение построить мечеть, но он не успел осуществить его. После смерти своего управляющего Хомякова выполнила его волю. Здесь мы имеем дело с крайне интересным фактом. Человек, исповедующий другую веру (тем более, что Хомякова из семьи видного православного теолога), берет на себя смелость финансировать строительство дорогостоящей мечети, и сама нанимает строителей. Возможно, однако, что при этом она руководствовалась и личными мотивами. Рассказывают, что Астемир и Екатерина Алексеевна глубоко симпатизировали друг другу...

После смерти Шериева Хомякова поставила над его могилой железную ограду с замком, изготовленную в г. Пятигорске. Вплоть до 70-х гг. нашего века она оставалась единственной на сельском кладбище. Хомякова и здесь показала горцам пример почитания памяти усопшего.

Следует также отметить, что Хомякова стала, пожалуй, одной из первых, кто дал некрещеной кабардинке русское имя. Ею оказалась дочь преемника Шериева на посту управляющего ее хутором, жителя сел. Кармова, Хизира Мусова, - которую называли Еленой.

Личность и действия Е. А. Хомяковой, как видим, довольно любопытны, поэтому стоит рассказать о ней подробнее. Екатерина Алексеевна - дочь Алексея Степановича Хомякова (1804 - 1860) - основоположника и виднейшего представителя русского-славянофильства *. Она обосновалась на Золке в 80-х гг. XIX в., по-видимому, при содействии Д.С. Кодзокова, своего крестного дяди, купив земельный участок в 500 десятин у сына Шоры Ногмова Эрустана. Здесь, на первой Золке, был основан в 1881-м (или в 1884 г.) ее хутор (ныне с. Совхозное). Другой купленный ею участок располагался на Экипцоко, где, по рассказам, был ею устроен сыроваренный завод.

По заявлению самой Е. А. Хомяковой, ее хутор, состоявший тогда из одного двора, в 1896 г. «по отдельности от селения Ново-Константиновского (Кременчуг-Константиновской волости), согласно резолюции начальника области причислен в виде исключения к ближайшему туземному селению Бабуковскому»²⁵.

С 1902 г. на хуторе начала действовать церковь. Ее здание высотой в куполе более 20 метров представляет и ныне архитектурную ценность. Более подробные сведения о церкви и общине при ней содержатся в газетной заметке, опубликованной 1 декабря 1911 г. в газете «Пятигорское эхо». В ней рассказывалось о «хомяковской общине» (известной у местных жителей под названием «Хомачиха» или «Хамачи»), «расположенной среди дикого горского населения Кабарды». Эта община, по мнению автора заметки, заслуживала особого внимания «как один из культурно-просветительных центров Северного Кавказа». В 1906 г. Хомякова обратилась к местному епархиальному начальству «с просьбой открыть на р. Золке Нальчикского округа женскую обитель с приютом для сирот, больницу для окружающего русского и туземного населения и построить церковь». Ходатайство поддержал синод, и 30 апреля 1907 г. община образована. Во главе ее стала настоятельница Сидония из Владикавказского женского монастыря, и в числе четырех-пяти послушниц «вступили в жизнь без всяких средств».

Е.А. Хомякова заселила свой участок крестьянами, выстроила в своем имении «из дикого горного камня величественный храм с иконостасом из шлифованного камня и довольно оригинальной утварью из черной вороненой стали и исхлопотала причт для обслуживания окружающих. Все сооружение оценивалось в 60 тыс. руб. Здание общины первоначально состояло из одного флигеля, где помещались настоятельница, сестры и лекаря. Обитель неоднократно подвергалась ограблению. Так, в 1908 г. зимой, проникнув через окно храма, злоумышленники похитили много церковной утвари, в том числе 2 евангелия, кресты, подсвечники, ковры, свечную выручку - словом, «все, что можно было нести». С 1909 г. настоятельницей общины становится инокиня Ольга, приехавшая из Петербурга и «имеющая широкие связи в свете». В течение двух лет она «высоко подняла культурно-просветительскую деятельность вверенной ей общины».

* Факт этого родства документально установлен профессором Т.Х. Кумыковым, опубликовавшим его в газете «Ленин гъузту» за 1985 г. 31 августа. Та же мысль в качестве предположения была высказана нами несколько ранее (см.: Заря коммунизма. 1985. 8 июня).

Вместо маленького флигеля «поднялся красивый корпус длиною и шириною 12 на 18 сажень». Уже к осени 1910 г. Троице-Сергиевская община превратилась в благоустроенную обитель. Благодаря стараниям энергичной инокини Ольги Министерство земледелия и промышленности назначило пособие для оборудования при общине мастерских: чулочной-вязальной и трикотажной, изготавливавших дамские пальто, фуфайки и пр. В 1911 г. в них обучалось 16 девушек. В том же году министерство «прислало на 4 тыс. руб. машин (стоимостью по 200 - 800 руб. каждая)». Мастерские имели учительниц «от казны», «образовался уже склад и принимаются заказы».

За счет казны общине было отпущено также 3 тыс. руб. на разведение пчел. С этой целью был посажен и тутовник. На садоводство было выделено 2 тыс. руб. Отрасти хозяйства общины все более расширялись. Для культивирования молочного хозяйства было приобретено 20 породистых коров из «горной Швейцарии». Открывался также и сыроваренный завод с практическими курсами молочного хозяйства и с инструктором от казны. Предполагалось в 1911 г. открыть ремесленное башмачное отделение и переплетную мастерскую. Все эти мастерские и завод предполагалось разместить в особом здании - ремесленной школе. На его постройку отпускалось 8 тыс. руб.

При общине действовала церковная школа грамоты, которую решено было преобразовать в одноклассную с четырехгодичным курсом. По окончании школы грамоты детям предстояло заниматься в ремесленной школе. Специальность своих профессиональных занятий дети могли выбирать по желанию. По окончании учебы выпускники получали свидетельства о своих практических навыках, приобретенных в школе. Интересно отметить, что ученицы-сироты (а они имели преимущественное право поступления), закончившие школу и не пожелавшие остаться «дальше жить в обители», отпускались «в жизнь», причем каждой ученице выдавалась в собственность «та машина (стоимостью 200 - 800 руб.), которая была ее спе-

циальностью».

В общине культивировались передовые методы земледелия. В частности, применялась «грядковая культура по способу агронома Демченко». Культурно-просветительская деятельность общины, очевидно, оказывала благотворное воздействие на окружающую ее среду. Сошлемся на один «живой» пример. По совету и ходатайству Мазаго Салиховны Шериевой - жены одного из братьев Астемира - Али, жительница сел. Кармова Жанал Журтова, насколько она помнит, была в детстве принята Хомяковой по состоянию здоровья: у нее болел желудок. Три дня подряд ее лечили отваром из плодов, напоминающих плоды акании. До последних дней своей долгой жизни (умерла Жанал в 1988 г.) женщина помнила этот эпизод и добрым словом отзывалась о «Хамачихе».

Е.А. Хомякова способствовала и распространению в то время почти не практиковавшегося в наших краях садоводства, главным образом, из-за «отсутствия в массах самых простых сведений по садоводству». Хомякова доставала редкие декоративные и плодовые деревья, выписывая многие сорта из-за границы. Некоторые из них, например, ореховые деревья, французский шафран, сорта березы, ель, каштан - до сих пор растут в с. Совхозном, в сел. Каменноостском. Из саженцев того времени сохранилось одно ореховое дерево и в огороде жителя сел. Каменноостского К. Балагова, работавшего в каретном дворе Хомяковой и бывшего кучером у А. Шериева. Такие деревья росли и на усадьбе Мусова Хазыра, бывшего управляющим имением (ему 12 марта 1915 г. было выдано удостоверение на право ношения оружия, как управляющему имением Хомяковой).

В конце XIX - начале XX в. вблизи от общины действовал кирпичный завод Астемира Шериева, построенный также при содействии Хомяковой. На некоторых кирпичах сохранились обозначения «А. Ш.», т. е. инициалы владельца завода. Продукция завода, естественно, находила довольно широкий сбыт в округе.

Даже приведенные отрывочные сведения о Е. А. Хомяковой дают достаточно оснований для установления фактов связей ее с передовыми культурными и общественными деятелями нашего края: Д. С. Кодзоковым, Т. П. Кашежев, Э. Ш. Ногмо-вым. Деятельность Хомяковой и хомяковской общины свидетельствует также о разностороннем проявлении и расширении экономических и культурных русско-кабардинских связей на рубеже двух веков. Одним из активных проводников и посредников сближения культур наших народов был и Талиб Кашежев.

Прогрессивные убеждения Талиба Кашежева вполне закономерно привели его в стан сознательных сторонников социалистической революции. Как справедливо пишет его биограф, «главным в жизни Т.П. Кашежева в годы Советской власти стало дело народного образования» (с. 72).

Кашежев радостно воспринял весть об Октябрьской революции и с первых дней установления власти Советов принимал активное участие в строительстве новой жизни. Он неоднократно избирался членом исполкома сел. Каменноостского. В составе сельской избирательной комиссии Кашежев нередко отчитывался о деятельности исполкома в сфере народного образования, разъяснял политику Советской власти по другим важнейшим вопросам хозяйственной жизни.

В избирательной кампании 1928 г. Талиб Псабидович выступил 11 декабря на первом избирательном участке (Октябрьский, При-малкинский и Кичмалкинский кварталы), среди работников и учащихся школы № 3; 13 декабря - на втором участке (Пионерский и Северный), а 15 декабря - на третьем участке (Первомайский) и 8 марта - среди коллектива коневодческого товарищества.

Известно предписание заместителя предоблревкома от 31 августа 1921 г. предревкому сел. Каменноостского «снабдить гражданина Талиба Кашежева, командированного к командиру 2 корпуса, верховой лошастью и сопровождать с вооруженным проводником в город Кисловодск и обратно»²⁶. Смысл такого срочного предписания поясняет отношение командира 122-го стрелкового полка от 15 сентября 1921 г. на имя предревкома сел. Каменноостского. «Для разбора дела, - говорится в нем, - сего числа выезжает на границу мой помощник Свиридов, которому поручено нейтрально разобраться и виновных привлечь к ответственности. Для более детального освещения фактов (речь идет об установлении границы между Кабардинской автономной областью и Карачаем. - С.Б.) ...прошу Кармовский аульный исполком на границу осведомленного кабардинского представителя, владеющего русским языком, вместе с предъявителем настоящего отношения товарищем Котовым»²⁷.

Из этого отношения можно сделать вполне определенный вывод, что к командиру означенного полка 2-го Кавказского корпуса как раз и был командирован осведомленный представитель кабардинцев Талиб Кашежев. В подтверждение этого следует заметить, что в то время, кроме него, в селений не было другого кабардинца, грамотно владевшего русским языком. Об этом можно судить по сводке предревкома Мусаби Кокова от 22 июня 1924 г., в которой отмечено: «...доношу, что произошла задержка в представлении сводки потому, что грамотных лиц, которых можно было бы мобилизовать в помощь секретарей, не имеется, за исключением Талиба Кашежева, который отправлен мною в Нальчик согласно предписанию»²⁸.

В связи с этим приведем один интересный документ. Это заявление характеризует Кашежева, с одной стороны, как неутомимого организатора школьного дела, а с другой (и это главное) - отражает его прогрессивные педагогические взгляды.

18 октября 1921 г. Т. П. Кашежев подал заявление на имя председателя сельского ревкома, в котором писал: «Ввиду того, что период занятий в школе настал, а само школьное здание еще не отремонтировано, все мои хлопоты в этом направлении за все лето в Нальчике пока не привели ни к чему, то поэтому единственное, что возможно, это сделать ремонт местными силами ревкома и общества, на что прошу обратить соответствующее внимание, т. к. время проходит даром, а с наступлением холодов о ремонте думать не приходится, и только теперь можно думать о приобретении необходимого материала для ремонта, т. е. досок, кирпича, стекол и др.

Множество общественных дел затемняет этот вопрос, сам по себе очень серьезный, почему считаю нужным напомнить о нем еще раз...»²⁹

Убеждение Кашежева в том, что народное образование - «вопрос сам по себе очень серьезный» и что его не должно затемнять множество общественных дел - звучит актуально и в наши дни.

Проблемы народного образования поднимались Кашежевым и на страницах советской периодической печати. В первом же номере первой кабардинской советской газеты «Красная Кабарда» был напечатан материал Кашежева. Бывший в те годы редактором этой газеты Г. И. Петров впоследствии с сожалением отмечал: «Содержание материалов № 1 «Красной Кабарды» приводится по памяти, так как в известных мне архивах он не сохранился». Возможно, этот номер навсегда утрачен. Вспоминая о выступлении Т. П. Кашежева в первом же номере газеты, ее редактор писал: «Нельзя забыть эти письма первых корреспондентов. Из селения Каменноостского лично привез свое письмо старый учитель Талиб Псабидович Кашежев. Он с любовью писал о своем родном детище - сельской школе. Право на ее жизнь приходится на каждом шагу брать с боем, ибо притаившиеся враги делают все, чтобы дискредитировать и сорвать дело народного образования. Но их старания успеха не имеют. На эту тему Т. П. Кашежев потом часто рассказывал и писал в газету, знакомя молодых учителей с трудностями в работе, ободряя их для борьбы с культурной отсталостью, и пробуждал бдительность к проискам остатков разбитого врага»³⁰.

Таким образом, эти материалы, хотя и не исчерпывают всего многообразия деятельности Талиба Псабидовича Кашежева, все же позволяют значительно расширить и углубить наши представления о жизни, формировании взглядов человека, внесшего заметный вклад в культуру и развитие революционного сознания своего народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 См.: Туганов Р. У. Талиб Кашежев. Нальчик, 1981. С. 6.
- 2 Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. С. 75.
- 3 Партийный архив Кабардино-Балкарского обкома КПСС. Ф. 25. Оп. 1-Д. 76. Л. 4 - 5.
- 4 ЦГА КБАССР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5205. Л. 1.
- 5 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 446. Л. 45.
- 6 Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 7. Л. 11
- 7 Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 16. С. 378.
- 8 Там же. С. 390.
- 9 Карданов Ч. Э. Революция 1905 - 1907 годов в Кабардино-Балкарии; В помощь лектору. Нальчик, 1986. С. 20 - 21.
- 10 ЦГА КБАССР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 682. Л. 84 - 84 об.
- 11 Мужев И. Ф. 1905 год в Кабарде. Нальчик, 1955. С. 47.
- 12 Карданов Ч. Э. Указ. соч. С. 25.
- 13 См.: Туганов Р. У. Указ. соч. С. 120.
- 14 ЦГА КБАССР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 709. Л. 6 об.
- 15 Калмыков Б. Э. Статьи и речи. Нальчик, 1983. С. 95.
- 16 ЦГА КБАССР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5869.
- 17 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 458. Л. 1 - 3; см. также: Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978. С. 153 - 155, 161.
- 18 ЦГА КБАССР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5648. Л. 1 об.
- 19 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2а. Л. 11 об., 12.
- 20 Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5869. Л. 2.
- 21 Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5648. Л. 4.
- 22 Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5869. Л. 5 об.
- 23 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 764. Т. 2. Л. 198.
- 24 Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5869. Л. 9.
- 26 Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 14. Т. 2. Л. 48 об.
- 26 См.: Туганов Р. У. Указ. соч. С. 72.
- 27 ЦГА КБАССР. Ф. Р.-487. Оп. 1. Д. 1. Л. 467 об.
- 28 Там же. Ф. Р.-236. Оп. 1. Д. 24. Л. 44 об.
- 29 Там же. Ф. Р.-487. Оп. 1. Д. 1. Л. 543.
- 30 Петров Г. И. «Красная Кабарда»: Очерки по истории партийно-советской; печати в Кабардино-Балкарии в 1921 - 1923 гг. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1959. С. 10, 43.

УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ*

Абдрахмановы
Абдуевы (Адуевы)
Абезывановы (Абазывановы)
Абидовы (Абитовы)
Абрамовы (Вайнштейн Фридман)
Абреговы (Абрековы)
Аброковы

Абуковы
Агзаговы см: Кумышевы
Аджиевы (Хаджиевы Хажиевы)
Азапшевы
Азубековы (Азоибекеры Заубековы Шугушевы)
Айдемировы
Акуловы
Алакаевы (Аликаевы)
Алдатовы
Алибековы
Альмовы (Алмовы)
Альтудоковы (Алтудоковы)
Анзоровы
Апиковы (Апыковы)
Аппаевы
Апшевы
Асланкировы
Аслановы (Арслановы)
Атажукины
Атласкировы
Афауновы
Афашаговы
Ахандуковы (Агундоковы) см: Хагундоковы
Ахловы
Ахметовы
Ашабовы
Ашиновы

Бабуковы
Баговы (Багошевы Тхазеритовы)
Байрамуковы
Баковы
Балаговы (Балагоевы Балаховы Белаговы)
Баловы
Барагуновы
Батыровы
Бацевы см: Шериевы
Бацуевы см: Макоевы
Беевы (Баевы Биевы)
Бейтугановы (Байтугановы Бетугановы)
Бейцизовы (Бекизовы)
Бекановы (Бейкановы)
Бековичи-Черкасские
Бесланевы см: Гятовы
Бесленовы
Бетугановы см: Бейтугановы
Бжениковы
Бзацевы см: Дзасежевы
Бижевы см: Ногмовы
Бирмамытовы (Бармамытовы Бырмамытовы)
Бичевы
Бишеновы (Бшеновы)
Блаевы
Боровы (Борувы) см также: Жандаровы
Боташевы
Буговы
Булатовы

Вакашевы
Виндижевы
Воклукины
Вороковы (Паровы)

Гауновы
Гауровы см: Тамбиевы
Гаховы см: Кумышевы
Гашевы
Гедгафовы
Гельдеевы
Гемеевы

Гетежевы
Гончапшевы
Гоовы
Губжоковы (Гобжоковы Кароховы)
Гузоевы
Гуксжевы
Гукепшоковы
Гукетловы
Гурижевы
Гучияевы см: Эштрековы
Гятовы (Кятовы Катовы Бесланеевы)

Дагазовы см: Ногмовы
Даговы
Дауровы
Дгиджевы
Джангулановы
Джантемировы см: Жантемировы
Джантиевы см: Жантиевы
Джанхотовы
Джаттоевы
Джековы
Джераштиевы см: Жерештиевы
Джибиловы
Джигитовы (Джиеготовы) см: Тамбиевы
Дзамиховы (Дзамыховы)
Дзасежевы (Баацежевы Дзацежевы)
Дзукареевы см: Зекореевы
Диговы Дидановы
Дикиновы
Догужоковы
Догуцоевы
Докшукины
Дударовы (Илаловы)
Дударуковы
Дудоевы
Думаевы
Думановы

Ебгажуковы (Ябгажуковы)
Егибоковы
Едиговы (Эдыковы Эдиговы Идыковы)
Емхаговы
Ерештиевы (Ероштиевы) см: Жерештиевы
Ериковы см: Хамдоховы
Есеновы

Жамановы
Жандаровы (Борovy)
Жантемировы (Джантемировы)
Жантиевы (Джантиевы)
Жемуховы
Жерештиевы (Джераштиевы Ерештиевы Ероштиевы Ерыштиевы Ирашта Эриштиевы)
Жигатовы (Жигитовы) см: Тамбиевы
Жириковы
Журтовы (Жутовы)
Зазуевы см: Тхостовы
Заубековы см: Азубековы
Заурбековы см: Хамизовы
Зекореевы (Закиреевы Зекуреевы Дзукареевы)

Идыковы см: Едиговы
Илаловы см: Дударовы
Имамовы см: Тоховы
Иналовы
Ирашта см: Жерештиевы
Исламовы

Казановы
Кайшпроковы см: Кошероковы

Какагажевы см: Ногмовы
Какубшевы
Калажоковы
Камбиевы
Канаметовы
Кануковы
Каплановы
Карацуковы
Кармовы
Кармоковы (Крымоковы)
Каровы см: Шериевы
Кароховы см: Абдрахмановы Губжоковы
Касаевы
Кафажоковы см: Куважуковы
Кашежев Т П
Кашежевы
Керефовы
Кештовы
Киповы
Киржиновы (Куржиновы Хуржиновы Хуржуновы)
Китувановы (Китуановы) см: Ебгажуковы
Кишимовы
Киштыковы
Клычевы см также: Ногмовы
Клишбиевы Кодзевы
Кодзоков Д С
Кожевы см: Кошевы
Кожоковы
Козуховы
Коковы
Коновы
Коноковы
Копсергеновы см: Хопсергеновы
Кореловы
Котепаховы
Коцевы
Кочкаровы
Кошевы (Кожевы)
Кошеровы (Кайшеровы)
Крымукы
Крымшохаловы (Крымшамхаловы Крымшамхваловы)
Куартовы (Картовы Куатовы)
Куашевы
Куважуковы (Кафажоковы Куфажоковы Куфажуковы Уважуковы)
Куготовы (Коготовы)
Кудалеевы
Куденетовы (Кудинетовы)
Кумыковы (Кумуковы)
Кумышевы (Гаховы Агзаговы Нанокы Хабрешевы)
Кунаевы Кундуховы Куповы
Курашиновы
Кушховы

Лафишевы
Ликапшиевы (Лигавшевы Ликопшиевы Лигафшевы)
Лиховы (Лыховы)
Лоовы Люевы (Люовы Луовы Хамкоховы)

Макоевы (Макаевы Макоовы Бацуевы)
Макаевы см: Макоевы
Мамбетовы
Мамедовы
Маргушевы (Моргушевы Маргошвили)
Мамурзовы см: Шауцуковы
Мамхеговы
Маржоховы (Мажоховы)
Маршани (Маршания)
Маховы (Маухваевы)
Махоховы см: Шабатоковы
Машуковы

Меровы см: Гурижевы
Мидовы
Микитаевы (Магатаевы)
Мирзабековы (Мурзабековы Штатовы)
Мирзакановы (Марзакановы Мурзыкановы)
Мисостовы
Могуковы
Мокаевы
Мударовы (Мулдаровы)
Мудрановы
Мусовы (Муссовы Хамнеховы)
Мушхожевы
Мыхцевы

Нагаевы
Нагоплежевы
Нанеевы
Нанокровы см: Кумышевы
Нартуковы
Наурузовы
Ногмов Ш Б (Бекмурзин Ш)
Ногмовы (Бижевы Какагажевы Клычевы Хусовы)
Ныровы (Нуровы)

Озеевы
Оришевы см: Уришевы
Оршуковы см: Урчуковы
Османовы

Паровы см: Вороковы
Пачевы
Паштовы (Пештовы)
Поунежевы
Пшеуновы (Пшуновы)
Пшиготижевы
Пшуковы

Саранаевы
Сариновы см: Сириновы
Сасиковы
Сатушиевы (Сатуши)
Сидовы см: Шидовы
Седаковы
Седиевы
Сижажевы
Сириновы (Сариновы Сериновы Сриновы)
Соновы (Суановы)
Сузороковы
Сухостановы (Шухостановы)

Тавкешевы
Тагановы см: Тугановы
Тамаевы
Тамбиевы (Танбиевы Гауровы Джигитовы Джиеготовы Жигатовы Жигитовы)
Таовы
Татаркановы
Тахировы
Тачевы
Тебеевы
Текаевы
Темботовы
Тетуевы
Тикиновы
Тленьшовы (Тлянгевы)
Тлибоковы
Тлицуковы
Товкешевы
Тоховы (Имамовы)
Тохтамышевы
Трамовы

Тугановы (Тагановы)
Туговы
Тулатовы
Тхазеритовы см: Баговы
Тхашоковы
Тхостовы (Зазуевы)
Тяжговы

Ульбашевы
Унагасовы
Уначевы
Уришевы (Урусовы Оришевы)
Урчуковы (Орчуковы Оршуковы Урчукаевы)
Усмановы
Уянаевы

Хабрешевы см: Кумышевы
Хагундоковы (Агундоковы Ахандуковы Хагондоковы Хахандуковы Хахондоковы Хаундоковы Хатдуковы)
Хаджиевы (Хажиевы) см: Аджиевы
Хаджинагоевы (Хажнагоевы)
Хажметовы (Хажиметовы)
Хакуловы
Хакуновы (Хакунаевы)
Хакупшевы (Какубшевы)
Хамготовы
Хамдоховы (Хандоховы Ериковы)
Хамизовы (Заурбековы)
Хамкоховы см: Люевы
Хамнафовы (Хамнеховы) см: Мусовы
Хамуковы
Хапаковы см: Шериевы
Хапцевы
Хашуковы
Хоконовы (Хуконовы)
Хомякова Е А
Хопаевы
Хопсергеновы
Хочемаховы (Хачемаховы)
Хурановы
Хуржиновы (Хуржуновы) см: Киржиновы
Хусовы см также: Ногмовы

Ципиновы (Ципиловы)

Чукуевы

Шабатоковы (Шабатуковы Махоховы)
Шадуевы
Шакмановы
Шаловы
Шанаевы
Шанибовы
Шардановы
Шаруковы
Шауцуковы (Шаоцуковы Мамурзовы)
Шереметовы (Шерметовы)
Шериевы (Шеруовы Бацевы Каровы Хапаковы Хацубеевы)
Шетовы
Шибзуховы
Шидовы (Сидовы)
Шинаховы (Шенаховы Шнаховы)
Шипшевы
Шипшиковы
Шикибаховы
Шовкаровы см: Шокаровы
Шогеновы (Шугеновы)
Шокаровы (Шовкаровы Шукаровы)
Шомаховы
Штатовы см: Мирзабековы
Шугушевы см: Азубековы

Шуковы
Шурдумовы
Шухостановы см: Сухостановы
Шхануковы (Шануковы)

Эдиговы (Эдыковы) см: Едиговы
Эштрековы (Гучияевы)

Ябгажуковы см: Ебгажуковы

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аббидахабль аул
Абхазия
Абхазия Малая
Австрия
Адагум р
Адыгея
Азов креп
Александровская станица
Алтуд сел
Альма (Олма Олма) р
Амурская обл
Анатолия
Анбге сел
Аргудан р
Аргуданское ущелье
Армавир (Армавирский аул)
Армения
Аушигер сел
Ахондучка р
Ахчипсоу сел

Бабуково сел (см: Сармаково)
Бабуковская станица
Баксан р
Баксан укр гор
Баксаненок сел
Балканы г
Балкария
Бамбора (Бамбра)
Баталпашинская станица
Бекичи
Балка
Белоруссия
Бермамыт (Бармамыт) г
Бештау
Бештовы (Бечтовы) горы
Бзыбь р
Блечепсин сел
Болгария
Большая Шоона р
Боргустанская станица (Бургустан)
Брагуны
Бугунта

Варшава гор
Верхний Акбаш сел
Владикавказ гор
Вольный аул

Гализга р
Георгиевск креп станица гор
Герпегеж скала
Гетежев аул
Грозная креп
Грузия
Гунделен сел
Дагестан

Дальний Восток
Джуца г
Динабург
Дон р
Думануко р

Енгур р

Жаманкул (Джаманкул Еманкул Жеманкул) р
Железные Воды
Житомир гор
Жицу р

Залукодес сел
Залукокоаже сел
Заюково сел
Зеленчук (Большой Малый) р
Золка р
Зругское ущелье

Известный Брод
Известнобродский пост карантин
Ингушетия
Инджиках
Инджилокт
Иран

Кабарда
Кабарда Большая
Кабарда Малая
Кабардино-Балкария
Кабардинская линия
Кавказ
Кавказские горы
Кавказская линия
Кавказская область
Кагар р
Казикумух
Кайтуко р
Калмыкаевский аул
Каменноостское укр (Каменный мост)
Каменноостское сел (Кармово)
Камлюко сел
Канглы сел
Карабулак р
Карамык р
Карагач сел
Кара-Тюбе сел
Карачаево-Черкесия
Карачай
Кашкатау г
Кенже пос
Киев гор
Кишин р
Кисловодск
Кисловодская линия кордон
Кистиния
Кичи-Балык
Кичмалка р
Кишпек
Кожаконская деревня
Константиногорская креп
Кошехабль аул
Красный Восток с
Кременчуг-Константиновская волость
Крым
Крымское ханство
Куба сел
Кубанская обл
Кубанская линия

Кубань р
Кума р
Кумбалей р
Кумыкия
Кураты
Куржа р
Куркужин
Куркужин сел (Верхний Куркужин)
Кызбурун сел (I II)
Къейшу сел

Лаба р
Лабинская линия
Лесгор
Лечинкай сел
Лысогорская станица (АрмяноЛысогорская Лысогорский аул пост)
Лыхны

Мазех р
Майкоп укр
Малка р
Малка сел
Маргуша р
Машу к г
Мекка г
Мзымта р
Мингрелия
Минеральные воды
Моздок гор
Москва
Мца р
Нальчик р
Нальчик укр слобода гор
Нартан сел
Невинномысская станица
НовоКувинск аул

Осетия

Пакистан
Панкисское ущелье
Первомайское с
Перекоп
Песчаный аул (Песчаная крепость Пещаной (Кумский) пост)
Петербург (СанктПетербург)
Подкумок р
Прочный окоп укр
Псефаб
Псоу р
Псоу сел
Псухаба
Псыгансу сел
Псынадаха сел
Псыхурей сел
Пятигорск гор
Пятигорье Рига гор

Россия
Румыния

Самурзакань
Сармаково сел (б Бабуково)
Сванетия
Северный Кавказ
Сибирь
Совхозное сел
Ставрополь гор
Ставрополье
Ставропольская губерния
Ставропольский край

Старый Лескен сел
Старый Черек сел
Суворовская станица
Султановский аул
Сунжа р
Схагуаше р

Тавриз (Тебриз)
Теберда р
Темнолесская креп
Терек р
Терская область
Тифлис гор
Тохтамыш сел (тохтамышевские аулы)
Туапсе р
Турция
Турецкая империя

Урвань сел
Урды аул
Уруп р
Урупский аул
Успенская станица

Франция

Хабаз сел
Харьковская губ
Хасаут р
Хасаут сел
Ходзь р
Ходзь сел
Холюсьми аул
Хостов аул
Худапс р
Хурхи сел

Цебельда

Чабано сел
Чегем р
Чегем I пос
Черек р
Черкесия
Черкесск гор
Черное море
Черноярская станица
Чечня
Чужгуча с

Шалушка р
Швейцария
Шипе р (Шьпс Шипсико)

Экипцоко (Экепцоко)
Эльбрус г
Эль-Джурт аул
Эндерей
Этока р
Эшкакон р

Юца г

Янкулах р

Научно-популярное издание

Сафарби Нагманович БЕЙТУГАНОВ
КАБАРДИНСКИЕ ФАМИЛИИ: истоки и судьбы

Художественный редактор В. Л. Захохов
Технический редактор К. Б. Жамбеева
Корректор Л. Т. Юркова
Бейтуганов С. Н.

Б419 Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. - Нальчик: Эльбрус, 1989. - 184 с.
ISBN 5-7680-0165-4